ГЕРОЙ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 2

ART OF WAR

П.Зябкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Закружила жизнь, завертела
Кувырком и наперекосяк…
Всё ищу по-привычке цели
По растяжкам ночных атак

М.С.

- Павел Зябкин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12

Павел Зябкин
Герой не нашего времени — 2
(повесть о лишнем человеке)

Пролог

Солнце палило нещадно. Пропотевшая куртка прилипала к телу. Автомат натирал плечо. Закурив сигарету, Вовка посмотрел на небо. Так хотелось улететь туда и никогда не возвращаться на эту землю. Что позади? Одиночество, безвыходность и разочарование. Что впереди? Пустота. Нет мечты, нет надежды, нет цели. Говорят жизнь это черная и белая полоса. Вовка не мог понять, где же у него и какой цвет. Что сейчас? Белая или черная. Где его настоящая жизнь и настоящий мир? Кто он в этом мире? Зачем живет? Кто он, жалкий неудачник, так и не сумевший ничего добиться в жизни или наоборот счастливейший из людей, познавший бедность, войну и любовь? Заглянувший за грань. Видевший вершины духа и бездны подлости. Быть может, это и было то главное сокровище, которого нет у «преуспевающих людей»?

Он понимал, что не нужен тому миру, миру людей живущих «как все», «не хуже чем у других». А нужен ли тот мир ему? Он не знал ответа. Он уже и не искал его.

Спрыгнув с бруствера в окоп, Вовка сменил дремавшего на солнце своего сослуживца Брелова Олега, неделю назад, как и Вовка прибывшего сюда. Окоп пыл вырыт на славу. Взвод был образцовый. Глубокие окопы, крепкий блиндаж. Все под землей. Предусмотрительные солдаты сделали в окопе подобие лежанки, чтобы с максимальным комфортом нести службу наблюдателями.

— Иди, я теперь загораю, — вывел Вовка из полудремотного состояния Олега. — Вода осталась?

— Ага, — Олег ткнул стволом автомата в две трехлитровые стеклянные банки, что стояли в теньке. Одна была пуста, а вторая почти полная. — Закурить Вов не будет?

— На, — Вовка протянул Олегу окурок.

Сигареты как всегда были в дефиците. Они можно так сказать были свободно конвертируемой валютой. Запасливые и продуманные ребята давно уже собирали окурки в разные доморощенные табакерки. Также сделал и Олег, докурив, он, размял окурок и ссыпал остатки табака в бумажный кулечек.

— Иди, обед остынет, — сказал ему Вовка. — Сегодня щи неплохие привезли.

— Ага, ну давай, — с этими словами Олег выпрыгнул из окопа и затопал по тропинке к импровизированной взводной столовой.

Вовка скинул куртку и сапоги, забрался на лежанку, которая представляла из себя земляную ступень, на которой был разложен

огромный бронежилет «Кираса» и два плаща от ОЗК (общевойсковой защитный костюм). Удобно разлегшись на ней, поставив автомат возле себя, он уставился взглядом на заросшее травой минное поле, что расселилось перед окопом. За полем виднелись домики чеченского села, а над всем пейзажем главенствовали горы. Было тихо и мирно. Вдалеке слышалось рокотание машин. Вовка залез в карман и с грустью обнаружил, что последняя сигарета рассыпалась. Свернув «козью ногу» из газеты он затянулся и с грустью подумал, что вот четыре года спустя он вновь оказался в этих местах. Ходит по какому-то замкнутому кругу. Тогда в далеком уже 1996 году ему казалось, что больше он никогда не вернется сюда. Не возьмет в руки оружия, даже компьютерные «стрелялки» внушали отвращение. И вот, снова на те же грабли. Планов на дальнейшую жизнь, как раньше он уже не строил. Сейчас, загорая на летнем солнце, Вовка погрузился в воспоминания.

Глава 1

Когда произошли известные события в Дагестане и взрывы домов в Москве, Владимир добросовестно охранял частную священную и неприкосновенную собственность на одном мебельном холдинге своего провинциального города за жалование около семидесяти долларов в месяц. Казалось ему что, наконец, вроде вписался он в реалии дикого провинциального капитализма. А тут еще и бывшая супруга стала чаще посещать его и может быть, лелеяла планы на восстановление семьи. Воевать снова не имел никакого желания. Тем более пил тогда более чем умеренно, в отличие от 1995 года, когда впервые его, выброшенного из привычной жизни и потерянного, занесло на Кавказ. Более того, при воспоминаниях о первой кампании частенько кидало в его холодный пот. Часто снился тот самый летящий ПТУРС. Но, вот, наверное, свойство человеческой натуры, когда совсем приходилось туго, то Вовка наоборот рвался повоевать, видя в этом своего рода палочку-выручалочку. А военная служба уже дважды выручила его.

Вообще жизнь его после возвращения с той, Первой Чеченской войны никак не могла прийти в нужное русло. Не успел он толком прийти в себя после возвращения, как узнал, что весьма скоро станет отцом. Матерью вознамерилась быть девушка, с которой он познакомился в кафе. Знакомство произошло сумбурно и спонтанно, как и все, в общем-то, в его жизни. Но в тот день Вова был достаточно под хмелем, чтобы разговаривать с женщинами, как и подобает настоящему мужчине, без всяких интеллигентских замашек, которые помогают завоевать сердце противоположного пола только в дамских романах, и страшно мешают в реальной жизни. «Стань проще, и люди к тебе потянутся», — известный принцип. Он и не подвел тогда Вовку. Девушка действительно к нему потянулась. Правда, объективности ради следует заметить, что через неделю знакомства простоты поубавилось, а вместе с ней поубавились и симпатии к жениху. А Вовка уже чувствовал себя женихом. Надоело одиночество. Деньги пока еще были. А чем заниматься после… «А, ерунда, неужели ничего не найду. Где-нибудь заработаю», — мечтал Владимир. Особо он пока не горевал. Чисто материальных замашек, навроде машины, квартиры у него не было. Соваться в бизнес? Да думал, но не с кем, партнеров не было. И душа к торговле сильно не лежала. А чем кроме торговли можно заняться? И вот через пару месяцев знакомства, которое то обрывалось, то вновь возрождалось, к Вовке домой пришла

представительная делегация в виде Оли, так звали его пассию и ее подруги. Решив, что Оля раскрутилась на групповуху, Вова обрадовался и уже в своем уме прикидывал, как разместиться на сексодроме. Но, увы, ждало суровое разочарование. Что подтверждает наше полное мужское непонимание мыслей женщин. Выступившая в роли парламентера подруга Оли возвестила Владимиру, что быть ему отцом. Трудно сказать, на какую реакцию они рассчитывали, но Володя не обрадовался, но и не расстроился. Просто решил, что ну надо же когда-то и семьей обзавестись. А почему и нет?

И вот тут начались реальные проблемы. С приближением момента рождения, счастливый отец завертелся как ужаленный. Срочно стал искать источник дохода. И тут открылись глаза его, что безработица в полном разгаре. Куда не сунься, либо распространение, либо сто лет без зарплаты, да и та нищенская. Набравшись наглости, Вовка даже пришел в органы восстановиться. Ну, мол, вот исправился, воевал, награжден. Ну, вот Вова, если бы ты как умные ребята по специальности поработал бы, а не лазил по горам, то может, и был бы разговор, а так… Ответили ему в органах. Вот тут наплевал Вовка на свой пацифизм, как ни странно появившийся у него и направил стопы свои в известном направлении — в военкомат. Смущало, конечно, что из Чечни вывели войска. Но есть еще «горячие точки», а вдруг повезет и попадет в мечту многих контрактников в Югославию, в это вожделенное Эльдорадо, где платят около «штуки баксов» в месяц… Ну, на худой конец в Таджикистан уж что ли…

Возле военкомата он к своему удивлению увидел Агеева Игоря.

— Тебя что в армию забирают? — поинтересовался Вовка.

— Нет, по контракту иду служить, — заплетающимся пьяным языком проговорил Игорь. — Я с бывшей поругался, вот и решил в Чечню ехать.

«Да, дела», — подумалось Вовке. Он не стал говорить «солдату удачи», что из Чечни уже вывели войска, все одно тот не поймет ничего, да и вряд ли все серьезно, очередная блажь наверняка.

Блажь не блажь, но в знакомый кабинет вошли вместе. Вместо женщины там сидел седовласый отставник. Быстро пробежав глазами по Вовкиному личному делу, отставник нашел там всевозможные шероховатости относительно здоровья, да и послужного списка кандидата. Предложил походить по частям, может, где и дадут отношение.

— Да поймите, — взмолился Вовка, — я не хочу тут плац ломом подметать, мне бы в «горячую точку».

— А куда я тебя отправлю? Вот смотри, если не веришь, с Таджикистана, с 201 дивизии письмо.

С этими словами чиновник протянул ему машинописный листок, где среди множества требований к кандидатам значилось, что было особо подчеркнуто чернилами: «Из Чечни не брать. (Кроме срочников)». Пока Владимир читал и перечитывал эти строки, работник военкомата переключил свое внимание на Игоря. Он словно не замечал, что тот пьян и лыка не вяжет. Напротив, с напором и энергией, присущей зазывалам и рекламным агентам, утверждал тому, что выбор правильный. Перед Агеевым была развернута перспектива прекрасной службы в Таджикистане или Закавказье. Тут же Агееву были вручены разные запросы и вместе с Вовкой они вышли из кабинета. Вовка огорченный, казавшаяся такой надежной, палочка-выручалочка вдруг выпала из рук и куда-то закатилась. Игорь напротив довольный, будет чем теперь похвастать перед очередной любовницей, чем надавить на жалость и оправдать последующие пьянки.

Придя домой, и печально взглянув на решительно растущий живот своей подруги Вовка, грустно развернув газету с объявлениями, засел за телефон. Долго ли, коротко ли, но поиски завершились успехом, удалось, в конце осени, пристроиться сторожем на заброшенный завод, где задержка копеечной зарплаты составляла около семи — восьми месяцев. Хоть какое да дело. А реальных путей вылезти из надвигающейся нищеты Вовка никак не видел. «Эх, лучше бы инвалидом стать тогда, тогда бы пенсию получал, побольше нынешней зарплаты, которую все равно увижу не скоро», — не раз в душе своей говорил он. Особо укрепился он в этом после разговора с местным дворовым дурачком Бакланом.

Тогда Вовка по первому снежку топал домой с ночного дежурства на заводе. Навстречу ему вырулил собственной персоной Слава Баклан в резиновых сапогах, украшенных звенящими колокольчиками. Слава был не то что бы полный дурак, а именно душевнобольной. Отличался эксцентричным поведением, но подчас высказывал весьма здравые суждения. Так вышло и тут.

— Здравствуй, отец родной, — как обычно обратился Баклан к Вовке.

Надо заметить, что Слава питал к тому искреннее почтение, особо укрепившееся в нем после возвращения Вовки с Кавказа. Почтение было связано не с героическим прошлым нашего героя, а куда более приземленными и плотскими делами. Будучи в подпитии, а стало быть, в добродушном настроении он не раз

поил Славку, слушая его байки о жизни в «психушке», а также, совсем уж раздобрев, профинансировал ему вызов девушки из «эскорт-услуг». Правда, несмотря на вызов, Слава так и не потерял невинность, но Владимир стал для него и вправду отцом родным, о чем Баклан твердил всем и к месту и не к месту.

— Я отец родной в больничке был. — Порадовал он своего благодетеля. — Мне группу вторую пожизненно дали.

— Слав, а на кой черт тебе это надо? — спросил Вовка. — Ты же вроде не совсем то и дурак. Или, правда, дурак?

— Э, отец родной, — ехидно прощебетал «дурак в законе». — Я то хоть и дурак, а четыреста «штук» пенсию каждый месяц получаю, и без задержек. А вот ты умный, на двести «штук» работу еле нашел, да и то их еще неизвестно когда дадут. Вот и подумай, отец родной, кто из нас дурак?

— Блин, Слав, — обреченно произнес Вовка, — а дурак и вправду я.

Разговор и такая меткая характеристика его положения оптимизма Вовке не придал. Надо срочно что-то делать. Выход наметился в тот же вечер. Появился Агеев Игорь, пьяный слегка. С кучей анкет и направлений. Он опять посетил военкомат. Надо же было ему поддерживать имидж. На этот раз, как он поведал, идет набор в пограничники.

— Они из «горячих точек» не вылезают, вся служба по командировкам. — Утверждал Игорь. — Мне капитан их так сказал. Он сам в военкомате людей отбирает.

Особо не доверяя словам соседа, Вовка все-таки решил наутро сам все разведать. Домочадцев, памятуя о том, что женщина вряд ли посоветует что разумное, посвящать в свои планы не стал.

В том же кабинете, где он был пару недель назад, действительно вместе с отставником сидел капитан с зелеными погонами пограничники. Удивительно, но Агеев вопреки себе, не соврал. Все было, так как он и говорил. Капитан с радостью накинулся на Владимира. Видно туго было у него с желающими. Оно и не мудрено. Погранотряд был создан около года назад и уже съездил в командировку на полгода в Дагестан, а после нее, почти весь, с трудом набранный, личный состав разбежался. А теперь опять будут командировки на границы, а ехать некому. Вот и сидят «купцы» в каждом военкомате. Зарплата нормальная, в пять раз больше чем тут сторожем получают. Платят почти вовремя. Только поторопись, а то командировка на носу.

На душе полегчало. Наконец-то хоть почва под ногами появится. А то куда Вова не ходил, везде одни обещания неслыханных богатств, которые должны свалиться на голову

успешного распространителя Гербалайфа и прочей ему подобной продукции. Последнюю такую контору он посетил буквально за три дня до того, когда пошел по объявлению, приглашающему юристов, экономистов, врачей и учителей на высокооплачиваемую работу с перспективой карьерного роста.

Тогда в помещении актового зала, собралось огромное количество женщин с растерянными лицами несчастных домохозяек нищих домов, верящих всякому, кто пообещает изменить их жизнь. И видящих во всяком краснобае принца на белом коне. На сцену поднялась женщина лет тридцати и стала рассказывать неестественно бодрым голосом, историю создания их компании по производству некого чудо — лекарства из пчелиного меда. Настолько чудодейственного, что пусти его в открытую продажу, так тем же днем сметут все прилавки. А вот посему и распространяется оно путем создания сети и так далее и тому подобное. Потом она с благоговением указала рукой на стену, где висели портреты улыбающихся дежурными улыбками неизвестных личностей, и с дрожью в голосе пояснила, что вот эти люди добились небывалого успеха в компании и теперь благоденствуют и желают того же остальным. На лицах большей части женской аудитории отразилось искреннее почитание и надежда затесаться в круг этих сетевых небожителей. А Володю напротив расперла тоска. «Опять напрасно время потратил, — подумал он, — лучше бы дома сказки почитал, чем этот бред слушать». И он уже совсем собрался тогда уходить, как услышал, что женщина предлагает рассказать о чудо лекарстве ветеранам фирмы. «А что, посмотрю хоть, что за люди на эту дудку ведутся», — с этой мыслью он остался на месте. На сцену тем временем поднимались почтенные матроны и с приклеенной улыбкой повествовали об чудесном исцелении от мочекаменной болезни, бесплодия, язвы желудка и кажется даже от алкоголизма после приема препарата. Аудитория внимала, некоторые делали записи в блокнотах. Кажется, они созрели и ждали одного, когда же за чисто символическую плату в двести «баксов» им вручат лицензии дистрибьюторов. А Вова в душе давился со смеху: «Ну что за идиотизм. Как доверчива эта публика». Когда ведущая этого шоу обратилась с вопросом к будущим сотрудникам:

— А может еще, кто может что-то рассказать?

Вовка не выдержал и поднял руку.

— А, вот молодой человек что-то нам хочет поведать, — радостно отозвалась женщина на сцене. — Ну, расскажите всем.

— Да дело такое, — давясь смехом, импровизировал Владимир, — долгое время я страдал импотенцией, что привело почти к распаду моей семьи.

Аудитория и женщина состроили скорбные мины, выражая соболезнования рассказчику.

— Но, — торжественно произнес он, — однажды мне попала в руки баночка этого чудного препарата.

Аудитория замерла в ожидании.

— Так вот, — продолжил рассказчик, — я смазал, значит им свое причинное место и, вы не представляете, жену было от него не оторвать. Теперь моя личная жизнь — полная гармония. — Торжественно закончил он монолог.

Владимир ожидал бури негодования. Изгнания с позором такого еретика из этого святого места. Но произошло что-то вообще неожиданное. Часть аудитории зааплодировала. В заднем ряду, правда, грохнулся со смеху парень нерусской национальности, но это не убавило мажорного настроения публики. А женщина на сцене одарила Вову лучезарной улыбкой и сказала всем:

— Вот видите, молодой человек открыл для нас новые грани применения нашего препарата. Но это не все, у нас есть еще и вот это.

С этими словами, столик перед женщиной украсили новые баночки. Далее последовал, рассказал еще об одном философском камне, извлеченном на этот раз из пчелиных лапок. И снова вопрос: «А кто об этом снадобье знает?» И снова поднялся Вова.

— О, молодой человек видно хорошо знаком с нашей продукцией! — Обрадовалась ведущая. — Ну, расскажите нам, как помог вам этот препарат. Напустив на лицо максимально серьезное выражение, Вова начал свой рассказ:

— Вот я в Чечне, когда был, то там одному парню голову оторвало. — Он замер ожидая реакции зала, но все замерли в пристальном молчании. — И вот мы пчел тогда наловили, лапки им пообрывали. Голову тому парню на место приставили и лапками пчелиными закрепили. Вот и жив остался человек.

Раздались аплодисменты. Лицо ведущей вновь озарилось улыбкой. Но вскоре все поняли, что история слишком уж фантастична. Закрались сомнения в правдивости рассказчика. Желая поправить положение, она заметила:

— Наверное, молодой человек хотел сказать, что его товарищ был ранен и ему помог настой из пчелиных лапок.

— Нет, — уверенным и твердым голосом настаивал Володя, — его голова на полтора метра отлетела. Мы тогда ее еще криво прирастили.

Парень на заднем ряду, разразился хохотом. Несколько женщин покинули аудиторию. Заторопился на выход и Владимир.

Он уже опасался быть разорванным на части разгневанными дистрибюторами, но женщина со сцены сделала настойчивую попытку вернуть его.

— Молодой человек, вы не останетесь? Наше собеседование еще не закончилось.

— Нет, — буркнул, убегая, несостоявшийся герой капиталистического труда.

Примерно такими сборищами тружеников сетевого маркетинга заканчивались и другие собеседования. Казалось, что мир помешался на этом. Ничего реального, только нелепые обещания процветания именно в их фирме. А вокруг стояли неработавшие заводы, но как грибы под дождем вырастали коммерческие магазины и ларьки. Еще много требовалось охранников, но при взгляде на Вовкино отнюдь не богатырское сложение, руководители, записав его данные, обещали перезвонить. И так везде. Не мудрено, что ему снова захотелось в «горячую точку», хоть какая-то реальная работа. Предложение капитана-пограничника было той самой палочкой-выручалочкой.

Тут же были заполнены анкеты, и он полетел, как на крыльях собирать бумаги. Но он еще не догадывался, какой сюрприз поджидает впереди.

Наступили первые зимние дни. Продолжая сторожить завод и потихоньку на дежурствах, вместе с ушлым напарником расхищать алюминий, Вова собрал необходимые документы и прошел медкомиссию в районном военкомате. Теперь оставался последний этап — областная медкомиссия. Капитан — пограничник всячески поторапливал его. Вместе с Вовкой оформлялись еще несколько ребят с его района. Игорь Агеев конечно забыл о желании служить, по крайней мере, не появлялся на комиссиях.

Наконец Вова примерно представлял, как будет дальше жить. Более или менее смирился с дальнейшими трудностями будущей семейной жизни. С Ольгой они пока не расписывались. Жили попеременно то у него, то у ее матери. Семья была какя — то более чем призрачная. Становилось ясно, что в принципе люди они чужие друг другу. Но по большому счету Владимир другого и не ожидал. Относился к этому спокойно, по философски. Многие люди живут в браке без всяких взаимных чувств, просто вдвоем лучше чем в одиночку. Вот, в общем, и все. Все планы на дальнейшую жизнь у Оли не шли дальше добычи материальных благ. Как и чем их будет добывать кормилец, роль которого отводилась Вове, ее мало интересовало. «Не важно, чем ты занимаешься, важно, сколько ты зарабатываешь», — к этому сводилась ее жизненная философия. Относительно оформления

своего сожителя на службу она не высказывала ни радости, ни печали, ведь неизвестно пока, сколько он там будет зарабатывать. Но в принципе обещанная зарплата вполне должна была удовлетворить небогатую женщину. Сама Оля за свою недолгую жизнь дальше продавщицы не поднималась, хотя была по-женски не так уж глупа. Однако последнее время, перед знакомством не работала вообще нигде. А трудоустроиться с беременностью это вообще было нереально, поэтому Вовке и предстояло тянуть на себе весь воз. Казалось бы, обычные житейские трудности, но как тяжело было сознавать, что добывать кусок хлеба насущного придется опять экстремальным путем, где-нибудь в «горячих точках», или того хуже, влача солдатчину в воинской части дома.

Врач-невропатолог областной медкомиссии придирчиво рассматривала военный билет Владимира. Только что, эта женщина средних лет с равнодушно-усталым лицом признала годными к службе десяток юношей, всеми силами доказывавших свою неполноценность. Вова был уверен, что на фоне этих призывников, он выглядит образцом физического и душевного здоровья. И тут его ждало разочарование. Случилось страшное, он не попал пальцем в кончик носа, стоя в «позе Ромберга». Нет, не то чтобы совсем не попал, попал, но неуверенно. Вот это и заставило врача повнимательнее присмотреться к кандидату.

— Я не могу вас пропустить, — спокойным голосом произнесла врач. — У вас контузия. Вряд ли Вы сможете служить.

— Но, может быть… — пытался выиграть неравную схватку Вова. — Я это, припил вчера немного… — хватался он как утопающий за соломинку, — может поэтому…

Ему сейчас явственно представилась дальнейшая перспектива поисков заработка вслепую. И вообще, неужели тяжелая и неблагодарная работа за копейки более благотворна для здоровья, чем служба?

— Это не похмелье, — сказала врач. — Думаете, я не могу отличить похмелье от черепно-мозговой травмы?

— Поймите, — взмолился он, — мне же жить не на что. Тут хоть заработаю.

— Слушайте, — спокойно ответила врач, — заработать Вы сможете и тут. Могли бы за свои полученные деньги образование высшее получить. А то привыкли такие как вы по «горячим точкам» мотаться, да пьянствовать там. — И немного смягчившись. — Ладно, я ничего Вам писать пока не буду. Завтра снова придете, раз говорите, что с похмелья.

Удрученный Вова вышел из обл. военкомата и не знал, что же предпринять. Завтра пройти комиссию ему не светило тоже. Дома он с грустью посмотрел на Ольгу. Успокоить Владимира она явно

не могла. Дежурные фразы: «Ну, ничего, как-нибудь, все будет хорошо», — явно не вселяли уверенность. Его часто удивляло, как многие люди живут годами в пустой, ни на чем не основанной вере в то, что все действительно образуется. Верят в какое-то чудо и годами ждут его прихода.

Он сам жил без розовых очков. С чего бы вдруг придет чудо, если ничего к этому не располагает? Странно сочетались во Владимире искренняя вера в Бога (хотя исправным христианином его назвать было затруднительно), он просто верил в Бога и как ни странно, разум находил доводы в пользу Веры. Но при этом в повседневной жизни, он начисто игнорировал вмешательство Провиденья, или правильнее сказать не рассматривал его всерьез. Тут он был материалистом поболее всех классиков Марксизма вместе взятых. Поэтому вместо пустых надежд стал думать, что же все-таки можно предпринять в такой крайне неприятной ситуации. И озарение пришло.

Вспомнил Вова об еще одном кандидате, что оформлялся вместе с ним. То был муторный парень двадцати с лишним лет, по имени Семен. Семен тоже служил в Чечне, но мало совсем — два месяца. То был какой-то вертлявый человек, вечно пьяненький, хулиганистый. Но несколько раз Вова видел, что он мастерски рисует и подделывает почерк. Плюс его авантюризм. Лучше помощника в плане Вовы было не найти, если тот конечно согласится.

Семен конечно согласился. Какой же русский откажется выпить на халяву. Через пару часов они уже колдовали в Вовкиной квартире над «Актом медицинского освидетельствования кандидата на военную службу». Замысел был до безобразия прост, как и все гениальное. Надо было всего то лишь, скопировать подпись врача с аналогичного акта Семена в Вовкин акт. А потом уже Владимир планировал отдать акт секретарю комиссии, которая ставит печать. Конечно, секретарь не должна внимательно разглядывать подпись. А подпись невропатолога вышла на славу, лучше, чем подлинная. Окрыленные успехом подельщики решили после очередной рюмки конечно, разом разрубить гордиев узел медицинских проблем. С искусством, достойным лучшего применения, были заполнены все графы акта.

— О, один к одному, как у меня, — с гордостью продемонстрировал Семен свою работу.

Да, работа действительно была выполнена на славу. Все должно было пройти как по маслу. Проводив гостя, Вова в радужном настроении лег спать. Выход наметился. Чудо свершилось.

Но чуду не дано было случиться. Вова самым жалчайшим образом попался со своей подделкой. Нет, поначалу все шло отлично. Секретарь комиссии, просмотрев бумагу, уже готова была положить ее в папку на подпись председателю, как вдруг… Вдруг в кабинет вошла та самая врач-невропатолог и надо же беде случиться узнала Вову, который пытался уже ретироваться из кабинета. Она не просто узнала его, а еще взяла секретаря акт, где с изумлением увидела собственное заключение о годности к службе. Произошла немая сцена, после которой Вове предложено было пройти к председателю комиссии для разбирательства. «А на кой черт мне это нужно», решил Вова и покинул кабинет, не обращая внимания на крики и угрозы в свой адрес. Все рухнуло. Вот теперь он действительно не знал что делать.

Пару дней он был в полной прострации. В военкомат не ходил, что там делать то? Семен уже стал пограничником в день, когда Вовку постигло несчастье. На третий день, сидя на лавке во дворе с Бакланом и слушая его байки, Вовка увидел капитана-пограничника, шедшего видимо на обед (военкомат, надо заметить, находился на первом этаже их дома, с тыльной стороны). Капитан узнал Володю и поинтересовался: чего тот никак не оформится. Услышав о его бедах, капитан сказал, что дело в принципе еще не совсем безнадежно. Можно пройти комиссию в их поликлинике — пограничной.

— Короче, после обеда зайди в военкомат, там все решим. — Сказал капитан, — и друга своего приводи тоже, — имелся в виду Слава, который успел за это время выпросить у капитана десятку и пару сигарет.

После обеда Владимир был в ставшем родным кабинете военкомата. Перед его лицом гневно потрясал бумагами отставник:

— Что это такое! Позор! Да тебя под суд надо за подделку документов! Вот прислали нам с областной комиссии! — и с этими словами он кинул на стол перечеркнутую жирно накрест медицинскую карту.

Вовка особо то не напугался перспективы суда, но пугало другое, что вряд ли, несмотря на уверения пограничника, удастся попасть на службу. Тут вошел и сам капитан.

— А за что вы его ругаете то, собственно говоря? Парень не от службы косить бумаги подделал, а наоборот, несмотря на контузию служить рвется.

— Служить? Да ему сидеть надо, а не служить! — ответил отставник.

Но гнев его был явно неискренен и являлся данью традиции. Сошлись на том, что Владимир получил направление на

комиссию в поликлинику при погранотряде. Надо сказать, что слишком уж наш герой не обнадежился. Уж если простейшую комиссию пройти не удалось, то у пограничников вообще пропадет. Уж там то, наверное, строгий спрос. Для себя ведь отбирают. Но как бы там ни было, решил все-таки для очистки совести пройти все до конца.

С трепетом душевным спустя три дня зашел Володя в поликлинику погранотряда и через час вышел оттуда полностью годным к любым тяготам и невзгодам воинской службы, о чем свидетельствовал небольшой клочок зеленой бумаги. За один день, до Нового 1997 года Владимир влился в ряды Пограничного отряда особого назначения N-ской группы пограничных войск.

Глава 2

Служба в пограничном отряде оправдала худшие ожидания Владимира. Вместо командировок по «горячим точкам» была солдатчина и муштра. Впрочем, и сама знаменитая командировка в Дагестан, со слов оставшихся в отряде ее немногочисленных ветеранов, мало напоминала ту службу, что была в Чечне у Вовки и его сослуживцев. Обычная служба, только в более трудных условиях и за большие деньги. Боев не было, и никаких потерь отряд не нес. Впрочем, это обстоятельство было на руку. Отряд являл собой очередной эксперимент переходного периода. Он был на 90 % укомплектован контрактниками, которые получали возможность, как и их командиры впрочем, тоже, почувствовать на себе все прелести профессиональной армии. Обе стороны были явно не в восторге друг от друга. Служили такие же, как Вовка неудачники. Офицеры прекрасно понимали, что начнись нормальная жизнь, когда всем будет работа и зарплата, в отряде останутся единицы солдат. Впрочем, и так народа не хватало. А тех, кого хватало, хватало обычно до получки. После получке отряд терял бойцов. Нет, они вовсе не погибали, а просто занырнув в алкогольную пучину, по всплытии из нее либо увольнялись сами, либо изгонялись командованием. Через полтора года службы ряды пограничников покинул и Владимир. В военной службе он начисто разочаровался. Через полгода службы семья рассталась с ним. Но все по порядку.

Служба занимала достаточно много времени. Домой приходил только спать. Зимой Владимир стал отцом. Ольга родила дочь. Теперь все мысли ее, как и большинства женщин сосредоточились на ребенке. Вовка и ранее не обласканный ее вниманием, теперь совсем остался за бортом. Впрочем, и сам свежеиспеченный глава семьи не слишком обременял себя домашними делами, чаще пребывая на насточертевшей ему службе. Некое разнообразие в солдатские будни внесли командировки на свежеустановленную границу с Украиной. Первая командировка случилась сразу после Дня Победы. Ей предшествовал парад на главной площади города, где выдрессированные мужики из отряда заняли почетное второе место, уступив первенство курсантам военного училища. Сие достижение было удивительно, если учесть, что в ожидании начала торжества солдаты неоднократно посещали магазин для приобретения спиртного. Несколько человек были вообще не в состоянии маршировать и предусмотрительно, были выведены из строя командирами.

Потом последовали полтора месяца непонятной службы на непонятной границе. Пограничный пост напоминал пост ГАИ. Осматривали машины, проверяли документы. При этом безбожно брали магарычи горилкой, которую везли контрабандой с Украины. Сами контрабандисты были бесконечно рады таким расценкам — литр и вперед. На стационарных постах, говорили они, такса намного выше. Что говорить, пили неплохо там, местные жители относились к пограничникам более чем радушно. В первую очередь из-за того, что у солдат были деньги, которых в нищих селах давно не видели. Оживилась торговля самогонкой, заработал простаивавший без покупателей магазин. Такая же картина была и последующих командировках.

Вскоре по приезду Ольга, забрав дочь, покинула Владимира. Был предъявлен стандартный набор обвинений: пьянство, невнимание к семье, нищета, и прочее. Но он понимал, что главная причина это просто отсутствие душевной близости и уверенность женщин, что все мужчины, кроме того, что рядом с ними, несомненно, лучше.

— Оля, — пытался вразумить ее Владимир, — ну хорошие мужики — то, хорошим бабам достались, а плохие, сама понимаешь, плохим.

Это, в общем-то, неглупое, суждение сыграло роль торпеды, пущенной в утлую лодочку семейной жизни. Остаток того, первого отпуска, оставшись один у разбитого корыта, он пропьянствовал. Случилась даже белая горячка, но не агрессивная. Просто тараканы мерещились, что по потолку строевым шагом ходили. Через три дня тараканам строевая надоела, и они исчезли вместе со своим командиром — чудовищных размеров тараканищем с красными лампасами на лапках. Теперь служить вообще не хотелось. «Да на кой ляд оно мне надо, как пацану тут выкобениваться? Всех денег не заработаешь, до пенсии тут не дослужу. Ну его все…» — так думал Вова каждый день, приходя со службы домой, где его ждали старуха-мать и не менее постаревший кот Барсик. Интерес к жизни угас. Наступило полное отупение. Было неуютно и одиноко даже в толпе сослуживцев, в массе своей людей довольно ограниченных. Хотя были конечно, и люди интересные на самом деле, но так мало.

Осенью закончились командировки. Теперь вообще стала тоска. В отряде закручивали гайки. Новых командировок не ожидалось. Вовка и еще несколько ребят написали рапорта с просьбой о переводе на Таджико — Афганскую границу, но не вышло. Туда отправляли только офицеров и прапорщиков. С одним из отправленных туда, майором Петиным, замполитом

мотоманевренной группы, где проходил службу наш герой, произошла удивительная история, послужившая темой многочисленных сплетен.

В отряде существовала традиция, за склонных к пьянству военнослужащих, зарплату получали их родственники по доверенности. Так было и с Петиным. За него жалование выдавали его супруге. Под это новшество едва не попал и наш герой, но получать за него деньги было не кому, и обошлось. А в целом Петин был толковый офицер и неплохой человек, но вот покусал его змей зеленый.

И вот отправлен был Петин на Таджико — Афганскую границу. А различные задолженности и в немалой сумме, отряд ему не выплатил. Через год, загорелый до черноты, уже подполковник Петин, приехал в отпуск и первым делом отправился в отряд получить долги. Служба в трудных условиях явно пошла ему на пользу. Теперь он был, там, у себя, начальник разведки погранотряда. В фин. части, однако, заслуженного офицера ждало разочарование. Деньги получит только его жена и точка. А с женой бравый офицер никаких отношений не поддерживал и с трудом представлял, где она вообще находится. И так целый месяц слонялся обожженный солнцем подполковник по отряду, безуспешно пытаясь получить причитающееся. Но так и убыл ни с чем обратно.

Владимир ходил на службу просто как робот. Ему было совершенно безразлично все. Карьерный рост не светил тоже. Офицеров и прапорщиков своих был перебор. Офицеры здраво смотрели на ситуацию и часто повторяли: «Понимаем, вы тут все временно, пересидеть безработицу. А вот заработают заводы, и все разбежитесь». Все чаще и чаще об увольнении думал и Владимир. Надо было уже определяться, как жить дальше. Бесперспективность службы была видна невооруженным глазом. Даже самые упорные солдаты, те, кто устроился на неплохие места, и те увольнялись, едва кончался срок службы. Таких было мало, ветеранов отряда. Увольняемые в основном устраивались в частную охрану. Новым хозяевам жизни требовались охранники. Вообще по газетным объявлениям создавалось впечатление, что нужны только охранники, распространители и девушки по вызову. Иных вакансий не предлагалось.

Семен, тот, что помогал Вовке подделать медицину, трудился в частной охранной фирме. Его выгнали за пьянство в командировке, через полгода службы. А раньше Семен хвалился, что будет служить до пенсии и так радовался, что нашел свое призвание. Военная служба была для Семена как жгучая любовница, от которой теряют голову, вот он ее и потерял (и

голову и любовницу). Для Вовки служба была как надоевшая жена, от которой так просто не отделаешься, вот он и продержался полтора года. Больше не хватило терпения. Да все это хорошо, кормить себя, содержать ребенка (деньги он старался регулярно передавать), но полный тупик впереди. С этим невозможно было смириться. Особенно вгоняли тоску немногочисленные встречи с товарищами по университету. Правда, сам Владимир стремился их избегать, но несколько раз видели его. На фоне вальяжных юристов Владимир в поношенной форме с лычками младшего сержанта выглядел проигрышно. И ведь даже пыль в глаза не пустишь, все на погонах написано, чего ты в жизни достиг. Замкнутые какие-то были вчерашние товарищи. Иногда Владимиру приходила в голову парадоксальная мысль, что эти, достигшие успеха в жизни люди, пожалуй несчастнее его, попавшего из князи в грязи. Вечно озабоченные, занятые, вертящиеся в своем мире и не видящие ничего вокруг из того, что напрямую не влияет на их благополучие и положение в обществе. Сколькими условностями они связаны. Частенько приходила и такая крамольная мыслишка, что лиши их атрибутов преуспевания и кто знает, что от многих вообще останется, пустота. Те неудачники, вроде бы опустившиеся люди, с которыми он когда-то делил военные трудности, да и некоторые из нынешних сослуживцев представляли из себя ЛИЧНОСТИ сами по себе, без богатств и чинов, имели свой, богатый внутренний мир, пусть и не всегда правильный с точки зрения большинства, но СВОЙ. Да, конечно они казались грубыми, неотесанными, по сравнению с достигшими успеха согражданами. Но легко быть добрым и культурно-выглядящим, когда ты защищен от многих негативных сторон жизни. А вот когда ты один на один с миром, когда у тебя нет ни связей, ни положения, ни денег, то мир к тебе поворачивается жестокой стороной. Напрашивалось сравнение с собаками: большие, крупные псы, как правило, добродушны. А почему им быть злыми? Ведь их абы кто не задевает, относятся с опаской, уважительно, зло на них не срывают. А вот на маленьких собачонках любой норовит показать, что он венец творения. С чего же им добрыми то быть. Вот они и лают на всех и чуть что зубы выпускают. Вот и выходит: для одних жизнь, а других борьба за выживание.

Владимир понимал, что никто, ни он, ни окружающие не виноваты в этом. Так устроен мир. Но как трудно оставаться философом, когда живешь среди людей, имеешь ребенка, пусть и не живущего с тобой. От тебя ждут, что вот-вот ты станешь «как все», вдруг начнешь зарабатывать хорошо, появятся у тебя все

признаки успеха. А тебе лично уже не нужно все это. Устал. Надоела гонка осла за мешком сена. Почему человек в глазах большинства людей ценен тем, сколько он имеет? Да, говорят только душа там и прочее, а на деле все взвешено и измерено. А мера веса? Да вот она — презренный метал. Но такие мысли приходили бессонными одинокими ночами. Когда же наступал день, наступала и жизнь «как у всех».

Покинув пограничный отряд, Владимир возобновил хождение по мукам. Гражданская жизнь, несмотря на внешний блеск, оказалась куда более жестокой, чем внешне грубая военная. С трудом удалось устроиться в частное охранное предприятие. Вот где он во всей красе увидел прелести рыночных отношений.

Фирма носила громкое название «Закон» и принадлежала известному в городе человеку, крупному предпринимателю и депутату местной думы. «Ну уж тут не пропаду, — думал обрадованный тем, что взят в такую солидную организацию охранником на испытательный срок, Вова. — Черт с ним, что форму за свои деньги приобретать, да и не оформили никак пока. Все будет нормально. Москва ведь тоже не сразу строилась».

Пришлось стоять Владимиру в павильоне, выводить оттуда пьяных. Ни дубинки, ни тем более оружия ему, да и другим охранникам не давали. Так, стоял как манекен. А пришло время зарплаты, то вообще узнал, что стажировка бесплатна. Месяц так, впустую прошел. Но и других было не лучше.

— Ты скажи, в твою смену КАМАЗ с сахаром стоял во дворе? — интересовался начальник у одного из коллег Владимира, выдавая зарплату.

— Да, и не только в мою, он неделю стоял, — уже чувствуя подвох, отвечал усатый мужик лет сорока.

— А ответь мне, — продолжал допрос начальник, постукивая по ведомости татуированными изображениями перстней пальцами, — куда три мешка пропали оттуда. Он когда на базу приехал разгружаться, трех мешков нет?

— А я почем знаю, — все еще надеясь выкрутиться, оправдывался незадачливый охранник. — Он опечатанный стоял, уехал претензий не имел. Чего он сразу не сказал, а только на базе заметил? Кто его мешки считал? Он как стал к нам, так кузов зашнурован был, опечатан. Нам КАМАЗ вообще не сдавал под охрану. Просто поставил и все.

— Ну, это не ответ. Вот когда скажешь, как пропали мешки, тогда зарплату и получишь. Иди. — Закончил разговор начальник.

И так было каждую получку. Всегда находились причины кому-то не заплатить за реальные или вымышленные упущения.

Два раза вообще никому ничего не выплатили, объяснили какими-то трудностями в расчетах. Это произошло как раз в канун выборов, на которых баллотировался ХОЗЯИН. Оно, по правде сказать, жалование было в два раза меньше чем в отряде. Вовку все это бесило. Полная неопределенность. Дадут, не дадут, когда и сколько дадут. Его удивляло, что большинство работавших с ним не находили ничего несправедливого в этом. Хозяин — барин, ему виднее. А хозяин и его прихлебатели пользовались этим от души. Штрафовали почем зря. Ни как не укладывалось в голове, почему люди, на которых они работали, которым они своим трудом создавали благополучие, так были равнодушно-жестоки к своим работникам. Вот так просто, взять и не заплатить, или заплатить часть, положив остальное в свой карман. Ведь сами тратили за ночь в клубах по годовой зарплате какого-нибудь работяги. Охраняя злачные места, Вова видел этих «хозяев жизни», запросто выкидывавших без счета столько, сколько он заработал в свое время в Чечне и при этом таких бережливых, когда выдавали своим работникам те жалкие крохи, на которые едва можно было существовать. Люди приспосабливались, а вот Вовка никак не мог. Бывшая его лучшая половина торговала где-то в магазине, потихоньку приворовывая оттуда и, в общем, сводила концы с концами. А Вовке, откуда чего воровать? Все опечатано да заперто. Да хоть бы и была возможность, он чувствовал, что, вряд ли сможет ей воспользоваться. «Ну, неужели нельзя честно жить, не обманывая, не ловча?» — задавал он себе безответный вопрос. Хотелось верить, что это не так.

А обманывали все. Обманул надежды и Жириновский, который весной 1999 года объявил по телевизору набор добровольцев в Югославию. Вовка пришел в первый же день в офис партии. Там заполнили необходимые анкеты и заявления и уверили, что поедет он, чуть ли не завтра. «Хуже не будет», — рассудил Владимир. Самой неожиданной была реакция Ольги. Она очень близко к сердцу приняла его решение и всяко его в нем поддерживала.

— Это хорошо будет, если ты в Югославию попадешь. Там закрепиться если сможешь, то сможешь, товар сюда возить оттуда, а я продавать тут буду. — Так она объяснила свою заинтересованность в поступке экс-благоверного.

А Вовка уж грешным делом заподозрил у нее сочувствие к братскому сербскому народу. Вот и пойми тут женщин. Но их мечтам не пришлось сбыться. Все ЛДПРовские призывы оказались очередной пиаровской акцией.

Владимир купил лицензию частного охранника. Теперь стало

немного лучше. Один раз повезло совсем. Устроился случайно в филиал Московской фирмы. Москвичи, не поняв сразу обстановку, установили жалование по своим меркам, что приятно шокировало провинциалов. Вовка три месяца, пока длилось это счастье, ходил кум королю. Ольга сразу вновь увидела в нем мужчину своей мечты. Но по прошествии трех месяцев москвичи одумались, одумалась и Ольга. Сразу увидела все недостатки своего непутевого сожителя. Впрочем, о его недостатках она сразу же забывала, едва тот становился на ноги. Так продолжалось до начала Второй Чеченской войны.

Заявления тогда еще премьера, В.В. Путина о том, что террористов будут мочить в сортирах, вселяло в него надежду, что эта кампания очень скоро закончится, так как чисто с военной точки зрения ничего уж архисложного в подавлении боевиков не было. Однако кадры, которые показывали в новостях все настойчивей и сильнее кололи совесть. «Вот, ребята снова воюют, а я тут сижу ерундой занимаюсь. Добро барское за копейки стерегу», — подобные мысли возникали у него после каждого блока новостей с Кавказа. Но уж очень не хотелось бросать отлаженный, как тогда казалось быт. Некоторую, но далеко не такую как принято считать, роль в его искушении играли и обещанные Президентом «боевые». Как бы там ни было, но Владимир героически боролся с искушением пойти в военкомат до весны 2000 года. Уже уехали некоторые его знакомые по первой кампании. А он все сидел дома, ходил на наскучившую работу и ложился спать с нелюбимой женщиной. Несколько раз, по пьянке, конечно, он с приятелями собирался идти и оформляться ехать. Но, протрезвев, все шли на свои работы или к своим семьям. Наконец в конце мая 2000 года его взорвало.

Глава 3

— Нет, Владимир, ну ты сам посуди, мы фирма коммерческая, у наш каждая копейка на счету, а тут целый стол пропал, — вещал директор частного охранного предприятия «Левиафан-666» Петр Андреевич стоявшему перед ним работнику.

Ничего страшного сегодня, в общем, то не было. Обычное дело перед зарплатой, надо же к чему-то придраться, чтобы не все заплатить. Володя настроился на полтинник. А за что больше то могут содрать? Он вообще на тот пост, где стол пропал, заступил три дня назад, а о пропаже твердят неделю как.

— Так Петр Андреевич, я тогда когда стол этот хренов пропал на том посту и не стоял, — скорее для самооправдания за уже потерянный полтинник зарплаты возразил Вова.

— Владимир, а я и не говорю, что в твою смену украли, с тех в чью смену пропал, мы всю зарплату удержали, а с тебя только двести рублей, — как ни в чем не бывало, парировал Вовкины возражения многохитрый директор.

«Во черти, содрали все-таки! Ох, да что же такое, ну везде норовят обмануть», — с грустью подумал Владимир, кладя в карман жалкие остатки получки. Как ему все это уже надоело. Куда не пойдешь везде так: пару — тройку месяцев нормально платят, а потом пошли чудеса. О том, что он юрист, Вовка стал забывать, ибо по специальности нигде устроиться не мог. Вот тут и лопнуло его терпение. Подойдя к дому, он пошел не в подъезд, а направился прямым ходом по знакомому пути — в военкомат.

Памятуя первую кампанию и оформление в пограничники, более чем холодный прием, оказанный ему тогда, Владимир настроился на долгое оформление, а, еще тайно утешая свою совесть, надеялся на непрохождение мед. комиссии по причине ранения полученного в 1996 году. Однако с приходом нового Президента отношение к армии и таким как он, хотя бы чисто внешне, поменялось. Теперь Вовка одним днем выправили все необходимые документы, получил кучу направлений в разные места и далее события приняли какой-то фантастический оборот. Войдя в уже знакомый кабинет, где набирают контрактников, чисто с ознакомительными намерениями он вышел оттуда с прочной убежденностью ехать снова. Какое-то тепло разлилось в нем, подумалось о том, что вновь увидит старых товарищей, встретит массу интересных новых людей. Вырвется, хотя бы на время, из бездушного мира капиталистической гонки за благами потребления. Страх прошел. Весь день Владимира, словно черти, носили по городу. Во всех учреждениях, где узнавали только,

куда и зачем он отправляется, мгновенно и без очереди оформляли необходимые справки, причем совершенно бесплатно. Везде ему была «зеленая улица». Вернувшись вечером домой, Владимир понял, что за один день проделал то, на что ранее уходила неделя. Осталось утром сдать анализы, получить результаты и все можно идти на комиссию.

Ночью, однако, радость его от достигнутых днем успехов несколько омрачилась. Ольга, бывшая его благоверная по установившейся тогда традиции вновь нанесла ему дружественный визит. Он не стал ничего говорить ни ей, ни матери, все еще в тайне (к своему стыду) надеясь на то что, где-нибудь завалится и не поедет. И вот после неплохо проведенного в постели времени экс-супруга подошла, за какой надобностью к полке, где хранились настольные книги и различные документы. Вовка совсем забыл что там, на виду лежали и добытые этим днем справки и различные направления с военкомата. В благодушном и расслабленном настроении, лежа на диване, он любовался, при ярком свете, обнаженным женским телом. Как тут…..

— Это еще что такое?! — раздался гневный крик. — Опять за старое взялся?! Что это такое я тебя спрашиваю?

Экс-супруга повернулась к нему лицом и размахивала добытыми документами. Лицо ее исказил праведный гнев женщины застукавшей мужа с любовницей.

— Решил семью бросить? — продолжила она свой обличительный монолог. — Ни я, ни дочь тебе не нужны?! — И далее совсем уж нелепо. — Решил изменять мне?

Не зная толком, что и ответить, Вова стал что-то робко блеять про «боевые», которые подправят совместный семейный бюджет. Ну не на его же зарплату стража частных владений, в самом деле, всерьез рассчитывать. Но общеизвестно, что доводы разума действуют на женщин подобно красной тряпке на быка. Так случилось и тут. Высказав в его адрес массу обвинений, некоторые вполне справедливые (неудачник, не умеешь деньги делать как Юра, Коля, Вася, Сережа и пр..), а некоторые явно уж совсем фантастические (импотент, ненасытный маньяк, извращенец) его дражайшая половина поспешно оделась и, несмотря на позднюю ночь, покинула скромное жилище, не позволив даже проводить себя.

Теперь Владимир понял, что надо идти до конца. В душе появилась твердая уверенность, что он сможет пройти медицину. Еще недели две до начала июня он, в ускоренном темпе, оформлял недостающие документы, продолжая при этом работать. Но кто бы знал, как скучны стали для него те

дежурства, он едва выносил их, очень тосковал, если свободное время приходилось на выходные дни. Ведь тогда время вообще пролетало впустую. Вместе с ним оформлялись еще некоторые его знакомые по дому, но никто из них так и не пошел до конца. С другой стороны он познакомился с замечательным парнем, Михаилом, и еще с несколькими интересными ребятами. На вторую чеченскую людей ехало явно больше чем на первую, это внешне сильно бросалось в глаза, уже на входе в 4-ое отделение военкомата.

Когда пришло его время проходить мед. комиссию, а проходится она снова в два этапа: сначала в районном военкомате, а потом в областном, сердце его снова выпрыгивало от возбуждения и тревоги: «А вдруг не пройду?» Но к его радости и удивлению произошло невероятное, фантастическое… Одним днем удалось пройти обе комиссии, причем первую проскочил минут за двадцать, не раздеваясь ни в одном кабинете. В областном военкомате ему только один раз у хирурга предложили раздеться, но, узнав, что по контракту, удовлетворились расстегнутой рубашкой. Да… такого Владимир не ожидал, памятуя предыдущий опыт. Нет, конечно, пришлось поставить литр водки в военкомате для быстроты прохождения, но это «священный литр» в некотором роде традиция как, допустим, разбивать бутылку шампанского о нос сходящего со стапелей корабля. Тем же днем он еще успел выполнить последние формальности и был полностью готов к отправке. Оставалось только ждать партии. И тут к нему пришел настоящий страх. Он вспомнил отчетливо события четырех — пятилетней давности, те картины ясно и четко предстали перед его глазами. Откуда-то из глубины души пришло некое предчувствие смерти. Случайно или нет, но его измученный раздумьями мозг сам подсовывал ему все необходимое, в течении недели с небольшим пока он ждал отправки, ему все время попадали на глаза различные «гробовые» атрибуты. Особенно Владимира шокировали слова матери: «Вот тебя убьют там, а ты подумал на что, я тебя буду хоронить? У меня ведь пенсия одна, а «боевые» за тебя я получать не собираюсь, я старая и в часть не поеду». После этих слов Владимир впал в какой то ступор. «Да что вы меня хороните то? — думал он, — я ведь уже Первую войну прошел и ничего, только ранение». И тут же накатывали валом воспоминания и вновь его бросало в холодный пот.

По повестке с военкомата он уволился одним днем с работы, так как уже не находил в себе силы выйти даже на одно дежурство. Страх Владимир по русской привычке, стал глушить спиртным. Потом, отрезав пути к отступлению, продал свой

телевизор и видеомагнитофон. Этакий «синдром Тараса Бульбы», который перед отъездом в Запорожскую сечь всю ночь бил горшки — черепки. Сколько ведь веков прошло, а ничего не изменилось. И сейчас наверное Тарасы Бульбы колотят горшки перед отправками. Деньги, как водится, прогулял с «девушками по вызову», и в общем, глядя на осиротевшую тумбочку, он понял что все, мосты сожжены, надо ехать. Последнюю ночь перед отъездом провел у своей давней любовницы, дамы «бальзаковского» возраста Любы, которую к тому времени уволили из военкомата за какие-то темные делишки, где предавался диким извращениям, описывать которые не позволяет мое природное целомудрие. Все повторялось, как и пять лет тому назад. За это время Владимира, чуть живого от пьянства несколько раз вызывали в военкомат, чтобы он подтвердил твердость своих намерений «мочить в сортире» мировой терроризм (в 1995 году ничего подобного его не спрашивали). Конечно Владимир с радостью подтверждал это и снова шел продолжать оргии. Немного успокоили его уверения работников военкомата о том, что отправлять партию будут в какой-то гаубичный артиллерийский полк. Все-таки артиллерия не пехота, риска меньше. Вещи давно были собраны и дожидались момента отъезда, который не замедлил наступить середине июня 2000 года.

С районного военкомата наша небольшая группа в составе Владимира, Михаила и еще двух ребят, с которыми он одно время вместе работал, двинулась в центр города к областному военкомату. Все кроме Владимира ехали впервые. Бросалось в глаза полное отсутствие провожающих. Вовку, как обычно, несмотря на его протесты, пошла провожать мать. «Слава Богу, хоть Люба не увязалась», — в душе радовался он. В областном военкомате собралась уже приличная толпа отъезжающих и тоже все без провожатых. Почти все уже под хмельком. Несмотря на многочисленные угрозы офицеров безжалостно отчислять пьяных, все получили пайки и были готовы к посадке на поезд, до которой оставалось часа четыре. Владимир, до последнего надеялся, что придет провожать его Ольга вместе с дочерью (они жила буквально напротив областного военкомата). Но тщетно, хотя за день до этого он только и названивал ее родственникам по телефону, сообщая о часе и месте отправки. Тут встретил он и Вадима, своего знакомого по службе в погранотряде. Вадим сразу прибился к их маленькой, но уже успевшей познакомиться четверке.

Ожидать поезд группу отвели в Центральный военкомат. Там уже собралась приличная толпа. Стоял стойкий сивушный дух.

Кто-то спал за столами, кто-то резался в карты, кто-то грозился порвать на части всех «чехов». Одним словом снова встреча с «братвой». Страх прошел. Овладело какое то возбуждение, навроде коллективного психоза. Все смеялись. Но что бросалось в глаза, смех был нервным, истеричным, а в глазах многих стояла такая душевная мука и тоска, что стало ясным — не от хорошей жизни ребята едут. Бегут, бегут от самих себя, от мира, где видимо, нет им места. Недаром все без провожатых. Многие очень плохо, бедно одеты, чуть ли не в лохмотьях. Одна колоритная личность привлекла внимание еще в областном военкомате. Мужчина примерно лет тридцати с лишним, нарядно одетый, словно с какой-то вечеринки и полупустым пакетом в руке. Всю дорогу до поезда он причитал: «И чего меня снова-то сюда понесло? И как это я снова то попал? Настроение необычного мужчины было сродни Вовкиному. Он ведь тоже так и не понял, почему так вот внезапно сорвался и все бросил. Они разговорились. Оказалось, что мужчина тоже участвовал в кампании 1995–96 годов, правда служили они в разных частях и местах. Он был не сильно пьян, но производил впечатление человека резко выбитого из жизненной колеи. Услышать от него что-то внятное Вовке не удалось, да впрочем и так все было ясно. Несмотря на веселье, в лицах почти всех ребят читалась тоска и душевная боль. Видимо каждый что-то пережил на «гражданке» и теперь мчался на встречу опасности, надеясь что-то изменить или поправить в жизни.

И вот вокзал. Закупили водки, еще к той, что была припасена с собой. А как без нее? Кто же на трезвую голову да добровольно воевать ездит? Герои фильмов «Спецназ», «Мужская работа» или персонажи песен «Любе»? А Вы в жизни их видели?

Тут Володя заметил удивительную картину. Пришла девушка молодая красивая и стройная провожать Сергея, молодого парня, бросавшегося в глаза своими хорошими манерами. Вот так диво… Сергей с девушкой уединились, насколько это можно сделать в толпе, и целовались друг с другом. Столько нежности было в их глазах и ласках, что я, Вовка, да и не только он, поневоле залюбовались этой парочкой. Их то девушки и жены не провожали…

И вот вся «братва» в поезде. Все, теперь ясно, что они поехали и быть им 100 % солдатами… Тут же все накрыли столики, и пошел пир горой. Сопровождающий офицер особого рвения в наведении порядка не предпринимал. Впрочем, надо заметить пьянка шла более менее в спокойном русле. Ехали то все земляки и люди немолодые, в общем-то. Бросался в глаза, как белая ворона, один парень в очках, сидевший на боковой плацкарте. Он

единственный не пил, не примыкал к компаниям и просто читал книгу. Был тот парень весьма опрятно одет, даже в белую рубашку. Всем своим видом напоминал не потенциального «солдата удачи», а студента-отличника, этакого «ботаника». Ночью запасы водки и самогона закончились, и начался натуральный обмен: сух. паек на водку у проводников. Но и эта водка к утру была выпита.

Парень в новеньком «навороченном» камуфляже, утверждал всю дорогу, что любит воевать, это его призвание и пр… Когда он снял куртку, то все увидели на его груди слева, удивительную «наколку» в виде мишени и надпись «снайпер, цельсь сюда», такая же мишень украшала и левую лопатку парня.

— Я уже второй раз еду, — возбужденно твердил «мишень». — Люблю я это дело… Жаль, полк наш вывели рано, только два месяца успел побыть. Нет, пацаны, война это мое дело, мое призвание. Теперь до конца останусь. Контракт на всю катушку заключу.

Выйдя покурить в тамбур, Вовка увидел там странного мужчину, того самого, одетого как будто с вечеринки, который яростно спорил с двумя молодыми парнями. Увидев Владимира, мужчина воспрял духом и запросил у него поддержку:

— Вот, ты то там уже был, объясни этим дуракам, что там совсем не сказка!

Но объяснять что-либо «дуракам» никакого желания, да и смысла не было. Вовка просто посочувствовал мужику, согласившись с ним, а парни потеряли интерес к спору.

А в общем, не считая пары обмочившихся в штаны и трех обрыгавшихся, дорога прошла спокойно. И утром невыспавшаяся, не похмеленная команда высаживалась на вокзале в Москве.

Здесь в метро произошло небольшое происшествие изрядно повеселившее «братву». Рядом с партией, в вагоне, стоял молодой усатый человек в форме, с медалью на груди. Поначалу будущие контрактники уважительно рассматривали его, полагая, что этот парень приехал «оттуда». Но вскоре разглядели, что форма не военная, а казачья с лампасами и прочей атрибутикой насильственно возрождаемого сословия. А медаль на его груди не боевая а «10 лет казачьим войскам России». О, что тут началось…

— Эй ты, есаул, — раздался голос, — фуражка не жмет?!

Казак продолжал молча стоять, не обращая внимания на столь неотесанную публику. Но не тут то было. Через секунду к нему подскочили двое будущих защитников Отечества и со смехом натянули фуражку на уши. Сопротивление «есаула», весьма робкое, надо заметить, было мгновенно подавлено.

— Вот так то лучше, самое в пору, — произнес один из

глумителей казачества.

Остальные разразились громким хохотом. Затянули песню: «Есаул, есаул, что-ж ты бросил коня…» Покрасневший до корней волос казак, не вынеся такого глумления, спрыгнул на ближайшей станции.

Примерно к обеду их партию и еще партии с других городов привезли в подмосковный поселок в расположение Таманской дивизии.

Пока шли к воротам КПП, бросался в глаза один дядька лет под сорок, в грязной светлой рубашке и таких же грязных и порванных брюках. Дядька волок по земле за оторванный ремень, огромную сумку. Весь путь до казармы он то и дело выкрикивал: «Афган! Чечня! Карабах!»

В отличии от кампании 1995 года теперь, как выяснилось, отправки осуществлялись не по воздуху, а по железной дороге, что составляло кучу проблем с билетами, бронированием мест и прочим. Первым делом как обычно стали отбирать специалистов: водителей, сварщиков, механиков. Их стали отбирать, еще не дав зайти в казарму. Найдя нужных специалистов, офицеры тут же увели их и тем же днем обмундированные с заключенным контрактом эти люди уехали с NN-ским полком Таманской дивизии. А вот остальным пришлось попариться.

В казарме толпились люди. Некоторые уже не первый день. Кто-то дожидался отправки и был уже одет в форму, кто-то, как и они, только прибыли и не успели еще переодеться и освоиться. Вновьприбывшие волновались в ожидании заключения контракта. Владимир был спокоен, по прошлому опыту зная, что контракт заключат на 100 %. Что бы его не заключили, надо уж было бы очень постараться. Но выяснилось, что кое-что все-таки поменялось.

Когда Владимир стоял и, как ветеран контрактной службы, объяснял ребятам что и почем, как будут их всех раскидывать, к нему подошел «ботаник», да тот самый что в поезде не пил, а всю дорогу читал книгу. Смущенно протерев очки, он обратился с вопросом:

— Слушай, а тут по разговорам понял, что ты юристом был на гражданке, и едешь уже во второй раз?

— Ну да, все верно, — согласился Владимир.

— Вот скажи, пожалуйста, — продолжал «ботаник», — меня возьмут с судимостью? Я пять лет отсидел. Возьмут меня?

При этом он так просяще смотрел на Владимира, словно тот был командир того полка, куда «ботаника» должны взять. «Во чудеса, — пронеслось в его голове, — до чего же обманчива внешность. Вот уж на кого не подумал бы никогда».

— А она у тебя снята? Погашена? — поинтересовался Вова.

По опыту 1995 года он знал, что судимых брали, с некоторыми, он лично имел честь служить. Тогда брали со снятыми или погашенными судимостями. Было бы желание…

— Погашена, погашена, уже давно погашена, — скороговоркой ответил «ботаник», — и характеристики отличные с работы и по месту жительства.

— Да думаю, проблем не будет, по закону ты чист, — ответил Владимир.

Разговор их услышали, и тут же к нему подбежали два мужичка с какого-то другого города, явно алкогольно-судимой внешности.

— Брат! А нас возьмут? — Наперебой затрещали мужики, протягивая какие-то бумаги. — Вот посмотри брат, нас возьмут?

Бумаги оказались весьма прелюбопытными. Из справок с РОВД по месту жительства дядек, следовало, что те имели внушительный перечень судимостей (кражи и хулиганство), отсидели немало лет в местах «не столь отдаленных», но в данное время судимости их погашены. Более того, хитрые мужички как гласил документ: «Твердо встали на путь исправления и активно помогают органам внутренних дел в охране общественного порядка». Да… дела…

— Да думают, возьмут вас, — совершенно искренне утешил Владимир мужиков.

Но выяснилось, что все-таки он отстал от жизни, ни «ботаника», ни мужичков на службу не взяли. Вскоре они понуро брели в сторону КПП. Отбор проводился несколько строже, чем раньше. В огромной комнате находились представители артиллерийского пока и W-ского мотострелкового. Про последний полк Владимир слышал еще в первую кампанию и надо заметить ничего хорошего (большие потери, жестокость). Вот уж куда ему совсем не хотелось попадать. Но судьба распорядилась так, что зачислили его именно в W-ский мотострелковый. Впрочем, не его одного, а подавляющее большинство. В артиллерийский попало совсем немного.

Были еще новшества. Не брали теперь тех, кто разорвал «по-плохому» контракт. Парень с «наколкой» «снайпер целься сюда» вскоре понуро побрел к воротам КПП. Свой камуфляж он поменял на гражданский костюм того самого странного мужчины, что не мог понять, как это его снова занесло. Однако его занесло всерьез. Контракт с ним заключили без проблем.

Вообще ехавших по второму, а то и третьему разу было очень много. У Владимира сложилось впечатление, что сформировалось некое сословие наемников. До того похожие судьбы. Разбитые

семьи, нищета и безработица. Не умение пристроиться в мирной жизни. Рядом с ним койку занимал мужик лет сорока. Разговорились. Выяснили, что в Первой кампании были вместе, просто не видели друг друга. Он еще и во вторую успел съездить, отбыл весь трехмесячный контракт. А дальше…

— Э, брат, не спрашивай, — с горечью в голосе говорил ветеран. — Деньги получил восемьдесят тысяч. Ну, напился в Москве, понятное дело. Попал в «ментовку». Проспался там. Выпускают, документы все возвратили. Спрашиваю, а деньги? А не было у тебя денег, отвечают. Вот так брат, гол как сокол и приехал домой. И сразу опять сюда оформляться.

Трудно сказать, насколько правдив был его рассказа, но Владимиру осталось только посочувствовать своему однополчанину. Было искренне жаль его. И таких было немало. Ох, немало.

Одному парню отказали по причине его совсем уж пьяного вида. Однако худа без добра не бывает. Уж как он сумел втереться в доверия к «купцам» из NN-ского полка Таманской дивизии, но часа через два он уже обмундированный и с вещами ожидал вечерней отправки. А остальным предстояло жить тут целую неделю.

Неделя, проведенная в Таманской дивизии в ожидании отправки, была довольно скучна. Гнетущее впечатление производили солдаты — «срочники», служившие в дивизии. Все грязные, худые, что «молодой», что «дед» все едино. Они испытывали какой-то ужас перед своими офицерами. А те с ними особо и не церемонились. Офицеры же напротив имели бравый и подтянутый вид.

Все дни контрактников только и строили на плацу и пересчитывали. Иногда подряжали на хоз. работы. Все были в напряжении. Только и ходили разговоры о том, что не сегодня-завтра отменят «боевые». Не обходилось и без курьезов.

На фоне шутников, которых собралось тут немало, ярко выделялись О-ские ребята. На второй день, когда прибывших переодели, все немного преобразились, избавившись от своих гражданских лохмотьев. Особое преображение произошло с тем самым дядькой, что чуть живой от пьянки волок по земле сумку. Он оказался тоже О-ским, как прапорщик запаса, получил отличное обмундирование. Вместо кирзовых сапог — высокие ботинки — «берцы», вместо жесткого солдатского ремня с блестящей бляхой — офицерскую портупею и, гвоздь программы — полевую сумку-планшет.

Теперь он ходил как щеголь на фоне остальных, любуясь вновь обретенными звездочками, в предвкушении благ грядущей

прапорской службы. Но недолго продолжалось его самолюбование. Часа через два, на очередном построении, прапорщик стоял позади команды О-цких. Земляки обошлись с ним крайне непочтительно. Прапорщику обменяли «берцы» на «кирзачи», портупею на ремень с бляхой, а его планшет крутил над головой высокий парень. Прапорщик, очевидно, оспаривал условия обмена, так как между ним и остальными шла ожесточенная перепалка. Наконец парень, крутивший планшет громко, на весь плац крикнул:

— Мы сейчас прапорщика еще и в ж…. отымеем.

Строй разразился гомерическим хохотом. Не сдержал улыбки даже построивший команду строгий майор. Какая-то атмосфера веселого безумия царила вокруг. Покрасневший прапорщик буркнул себе под нос:

— Погодите, вот приедем в полк я вам покажу…

В ночь перед отправкой события приняли несколько криминальный оттенок.

Грядущую отправку праздновали бурно. Все засиделись и закисли порядком за эту неделю. Выпивку достали просто. Обменяли новую форму на старую с доплатой. Такую услугу с радостью оказали солдаты — «срочники» Таманской дивизии.

Глубоко ночью Михаилу пришла в голову мысль: «А не раздобыть ли нам мяса в столовой?» Пьяная мысль была поддержана на ура и через минуту в столовую двинулось человек двадцать. Столовая понятно в столь поздний час была закрыта. Но это не остановило добытчиков мяса. Двери то были стеклянные. Не составило большого труда разбить стекло и открыть замок изнутри. На шум выглянул солдат — «срочник», видимо повар, ночевавший на рабочем месте. Но, увидев голодающих, он тут же скрылся в недрах столовой. Войти то голодающие вошли, а вот где искать вожделенное мясо никто не знал. Подсобки представляли собой путанный лабиринт, в котором мог заблудиться сам мифологический Тесей. Но если тому помогала Ариадна, то Мишка решил в качестве путеводной нити использовать того самого солдата. С криком: «Я сейчас этого «срочника» вы… у!» — он рванул на шум, раздавшийся где-то в недрах кухонного лабиринта. Поняв, что дело принимает дурной оборот, Вовка схватил за рукав Вадима, также решившего полакомиться и со словами: «Дергаем отсюда, пока они тут беды не натворили!» — утащил его в казарму. А беду видимо натворили, так как через полчаса «продотряд» вернулся с целым тазом жареного мяса с чесноком. Казарма гуляла. Вовка, правда, в это время уже уснул от выпитого.

На утро всех контрактников как обычно построили, а далее

стали заставлять дышать. То и дело из строя кого-то выводили и отводили в сторону. Владимир, не без оснований, полагал, что это очередная антиалкогольная компания и с некоторым трепетом в душе дыхнул в лицо подошедшего офицера. Перегаром от него разило за версту.

— Что, пить сюда приехал? — спросил офицер. И не дожидаясь ответа пошел дальше обнюхивать строй.

Вскоре строй покинул Вадим, хотя пил он накануне куда меньше Вовки, а вот на мясо налегал. Таинственно испарился Михаил. Отобранных увели в штаб, остальных распустили. Тут объявился и Мишка. Оказывается, вызвался чинить машину, вот и не был на построении. Пока он отмывался от мазута, появился Вадим.

— Чего в штаб-то водили? — спросил его Вовка, — ты вроде не пьян. Я вон как змей-Горыныч перегаром дышу и то ничего, мимо пронеслось.

— А они не перегар вынюхивали, — печально произнес Вадим, — они искали от кого мясом и чесноком несет. А я вчера как назло мяса переел.

— И что? — спросил Мишка.

— Ну, заставили расписку писать на тысячу триста рублей (курс 2000 года), — продолжил Вадик свой грустный рассказ. — Все на нас мясо повесили и дверь разбитую.

— А, не зря я вызвался машину чинить, — обрадовался Мишка. — Я же знал, что с утра кипешь начнется.

На том вобщем-то дело со столовой было закрыто.

Вскоре команда получили сухие пайки на трое суток и мешок сахара, и огромный пакет чая на всю команду. «Братву» погрузили в кузов «Уралов». Погрузили так плотно, что все лежали вперемешку друг на друге. Но вскоре уже были в Москве.

Что стали делать первым делом на вокзале? Правильно, искать где еще выпить. Взвалив на свои могучие плечи мешок с сахаром, Мишка в компании нахлебников, пошел по многочисленным привокзальным кафе, предлагать свой товар. Сахар и чай сбыли довольно быстро и надо заметить весьма выгодно. Хватило их кампании часа на два пирушки. Но радость вскоре омрачилась. Откуда ни возьмись, появилось несколько ребят, которые почувствовали себя обделенными. Одним словом назрела межрегиональная драка.

И драка случилась. Правда, не такая массовая, как хотели ее разжигатели. Большинство ребят из разных городов, все-таки были достаточно здравомыслящи. Но, тем не менее, раскол произошел. А тут еще выяснилось, что с билетами произошла какая-то неувязка. Вся команда двинулась на площадь трех

вокзалов. Там предстояло ждать поезда до позднего вечера. На вокзале конфликт вновь стал разгораться. Но не всех одолела драчливая истерия.

Многие стали расходиться по вокзалу, желая спокойно провести время до отправки. Вовка с Вадимом тоже покинули бурлящий страстями вокзал. На их счастье у Вадима остались достаточно новые и добротные джинсы. Вот их и обменяли на водку. Обмен происходил в подземном переходе, где уже торговались другие сослуживцы с какой-то теткой. Тетка охотно скупала вещи. Джинсы ушли за литр водки. Радостные от совершенной успешно по их меркам сделки, они с Вадимом расселись в скверике неподалеку и немного припили. И тут появилась ОНА.

— Ребята, не угостите? — раздался слегка хрипловатый женский голос.

Говорят: «Не бывает некрасивых женщин. Бывает много света и мало водки». Так и в этом случае. ОНА была явно БОМЖиха лет тридцати. Не такая уж и страшная и грязная. Впрочем, одну бутылочку друзья к ее приходу уже опорожнили. Одним словом они были рады, что хоть кто-то из противоположного пола составил компанию.

Друзьям было весело и беззаботно. Предстоял путь в неизвестность и они отрывались по полной. Вскоре женщина предложила оказать им некие специфические услуги за стакан водки. Нет смысла говорить от твердости нравственных устоев наших героев в то время. Конечно целомудрие, тут же стыдливо прикрыв, глаза поспешно бежало от них, а они от него. Но не все вышло так безоблачно, как им хотелось бы.

Когда женщина привела их в укромное место, а им оказался какой-то заброшенный парк, то аппетиты ее возросли до целой бутылки. Но плохо она знала душу русского солдата. Разве отдаст он полностью свой любимый напиток, делающий его столь отважным и страшным для врагов? Конечно нет. Женщина ушла восвояси, а перед друзьями, после выпитой бутылки, встал вопрос: «А где мы, собственно говоря, находимся?» Ведь они даже не запомнили, как петляли к этому пустынному парку. А солнце уже клонилось к закату, что означало скорый отъезд поезда. Как сумасшедшие стали Вовка с Вадиком метаться по проулкам-закоулкам в поисках вокзала, надо еще заметить, что из памяти их начисто вылетело, с какого именно из трех вокзалов должен отходить их поезд. Когда удалось наконец, найти нужную площадь времени оставалось совсем в обрез, минут десять, не больше. Конечно, первым делом стали искать большие партии людей в форме. Но как назло, со всех вокзалов отправлялись

партии солдат, как «срочников», так и контрактников, в разные концы света. По закону подлости нашли они нужный вокзал, после неудачного обследования первых двух. С ужасом увидели вдали огоньки отъехавшего поезда.

— Три минуты как ушел, — пояснил им стоявший на платформе железнодорожник.

Вместе с партией уехали и их вещи. Владимиру показалось в тот момент, что неведомая сила останавливает его, словно спасает от чего-то страшного. Все прежние страхи вновь проснулись в нем. Тут еще куда то запропастился и Вадим. Несколько минут Вовка в прострации простоял на платформе. В памяти всплыла информация о прохождении поезда через родной город. Тут же, как в сказке, подвернулась попутная электричка. Через несколько минут он уже пытался догнать поезд на электричке, едущей в том же направлении. Будь он чуточку потрезвее и менее взволнован, то понял бы всю абсурдность своих действий, но в тот момент ничего путного в голову ему не приходило. Полупьяный, растерянный шлялся Вовка по полупустому вагону электрички. Энергия бурлила. От волнения он не мог просто так вот сесть и ехать. «Как быть?» — вертелось в его голове. Конкретного плана действий не было. Выйдя из тамбура после очередного перекура, он увидел одинокую девушку с сумкой, сидевшую на скамейке. Основной инстинкт, подогретый алкоголем, овладел им. Не думая ни о каких условностях и приличиях, так мешавших ему в отношениях с противоположным полом, Вовка просто бесцеремонно расселся рядом с ней.

— Привет, куда едешь? — начал он знакомство.

— В М-ск, — на удивление приветливо ответила попутчица.

— Куда? — удивился Вовка, услышав название родного города.

— В М-ск, с Москвы еду. С мужем развелась, вот домой возвращаюсь.

Все дурные мысли, беспокойство, вылетели из Вовкиной головы. С настойчивостью самца-гамадрила, он стал обхаживать попутчицу. За три часа полупьяного разговора Владимир достиг куда большего, нежели раньше неделями академических бесед и финансовых вливаний. При пересадке в Рязани, в ожидании следующей электрички, он выполнил свою мужскую задачу. Не примите моего героя за альфонса, но он с удовольствием поужинал и выпил за счет своей подруги. Вместе с Надей, так звали ее, он добрался до дома. Не представляя толком, что дальше делать. Полагая, что утро все-таки мудренее вечера «молодые» легли спать.

Утро, оправдывая поговорку, принесло приятные сюрпризы.

Появился Вадим, проехавший тем же маршрутом, только со следующей электричкой. И буквально через несколько минут после него позвонил… Сергей (тот самый парень, кого на вокзале провожала подруга). Оказалось, что он тоже отстал от поезда, да не он один, не досчитались около десятка человек, это еще на полпути.

Как говорится одна голова — хорошо, а две лучше. С Вадимом они быстро решили двигать в Нижегородскую область, где стоял полк, в который их зачислили, и там предстать пред очами командиров. Они вполне обоснованно надеялись на благополучный исход дела. Сергей, однако их разумную мысль не поддержал. Он замялся и сказал, что будет по новой оформляться через военкомат и т. д. и т. п… Стало ясно, что едва ли он куда поедет.

Надя, по извечному бабьему свойству, противиться голосу разума, заголосила и запричитала, что никуда Вовку не пустит и останется жить с ним и не переживет разлуки и прочее и прочее. «Ага, — подумал Вовка, — посмотрим, как ты заговоришь, когда я перестану быть гамадрилом». По собственному опыту он знал, что после с ним вообще говорить женщинам не о чем.

В известность о своем неудачном возвращении Вовка благоразумно никого не поставил, опасаясь насмешек. Вновь попрощавшись с матерью, утром следующего дня они втроем, Надя вызвалась провожать их до следующей пересадки, электричками тронулись в путь.

Трудна была дорога. Но все-таки на четвертые сутки Вовка с Вадимом, наконец, добрались до поселка в Нижегородской области, где располагался полк. С волнением в груди они в сопровождении начальника строевой части шли к командиру (вернее к исполняющему его обязанности). Им оказался стройный подполковник невысокого роста со строгим и усталым лицом. Встретил нас «путешественников» понятно без особого восторга.

— Все, уволить их к чертовой матери! — примерно таков был смысл его речи.

Когда надежда совсем покинула наших героев, подполковник внезапно спросил:

— Как, хорошо в Москве попили?

— Плохо товарищ полковник, — ответил Вовка, — если бы хорошо мы бы тут не стояли.

— А что так?

В глазах подполковника промелькнула какая то искорка, и Вовка вдруг понял, что вот он шанс уладить дело. Его словно прорвало, и стал рассказывать ему историю с БОМЖихой. Вадим стоял, растерявшись, а подполковник, слушая рассказ, разразился

таким смехом, что едва не упал со стула. Ход был верный. От души насмеявшись над их похождениями, повторяя:

— Ну надо, бабу на водку поменяли, ай молодцы, — он, махнув рукой, отправил их в казарму ожидать отправки.

Казарма была полна свежеиспеченных контрактников, которые постоянно прибывали и прибывали. Многие жили здесь уже по неделе — две.

Оказалось, что такие горемыки не они одни. Познакомились с мужичком, проспавшим недели две назад свою отправку. Припил где-то в поселке, провалялся в лесу, пришел в полк, а команда его уехала. На свою беду мужик пропил еще и форму, а теперь безуспешно пытался получить новую.

На третий день нахождения в полку, приехала очередная партия и разместилась в соседнем кубрике. Один из вновьприбывших бросался в глаза. Высокий, тощий, молодой парень, с изможденным лицом и отсутствующим пустым взглядом. В тот день он остался один в своем кубрике.

Владимир увидел, как тот рылся в вещах, лежавших на кровати. Дело обычное. Но тут в кубрик вошел Витек, контрактник из старожилов казармы, вторую или третью неделю ждущий отправки, по совместительству являвшийся их зам. ком. Взвода. Он резко накинулся с кулаками на новичка что рылся в вещах.

— Ты, козел! Ты мой бумажник украл! — С этими словами Витек бесцеремонно залез вору в карман и действительно вытащил бумажник.

— Пацаны! — это Виктор обратился пришедшим с обеда обитателям кубрика, зашедшим за ним следом, — эта крыса мой бумажник украл. Он неделю назад уже приезжал, его тогда за крысятничество выгнали, а он опять приехал и опять за свое.

Вор стоял молча, словно невменяемый. А разъяренный Витек повалил его на пол и стал пинать ногами. При этом из избиваемого как из рога изобилия посыпались бумажники, документы и всякая всячина. Теперь все убедились, что пойман воришка — «крыса». На него накинулось сразу несколько человек. Его в мгновение раздели догола. Обыскали полностью. Нашли еще какие-то вещи. Разъяренные потерпевшие готовы были растерзать вора. Они бы и растерзали его, не появись в казарме офицер. Последний уложил одетого в костюм Адама воришку на койку, стоявшую прямо напротив Вовкиной, что позволило тому внимательнее разглядеть виновника торжества. Сразу кинулись в глаза его исколотые руки и по-прежнему отсутствующий, безжизненный взгляд — верные признаки наркомана. Его одежду, документы и личное дело, разъяренные контрактники утопили в

сортире. Но на этом злоключения «крысы» не закончились.

Пришла пора идти на обед следующей партии, в которой находился и Владимир с Вадимом. Обед припозднился и когда насытившиеся «солдаты удачи» курили возле казармы, на плацу уже шел развод наряда. Со скучающе-усталым видом «срочники» слушали инструктаж офицера.

— Пацаны! — вдруг подкинул кто-то идею. — Пошли «крысу» воспитывать!

Тут уж дважды повторять не пришлось. Десятка два человек рвануло бегом на третий этаж казармы, где они жили. И уже через несколько секунд, подгоняемый пинками и тычками сослуживцев на порог казармы выкатился абсолютно голый парень. Под улюлюканье толпы он побежал прямо через плац, на котором полным ходом шел развод к забору части. Весь строй «срочников», как по команде, повернулся в его сторону, дивясь такому чуду, ранее не виданному. А виновник торжества стал перелазить через невысокий деревянный забор окружавший часть. Он не обратил внимания на колючую проволоку в один ряд небрежно накинутую на забор и зацепился гениталиями за колючку. Громко вскрикнув, он свалился мешком за территорией полка.

— Что тут творится?! — раздался голос майора, руководившего сборами.

— «Крысу» поймали, товарищ майор, — отвечали в один голос «поборники правосудия». — Вы бы на нашем месте разве не так бы поступили бы?

Майор не стал вступать в дискуссии, а просто подошел к забору, откинул доску, оказалось, что там имелась внушительная щель, и стал звать бедолагу обратно. Вскоре майор и голый парень вернулись к казарме. Вору дали одеть брюки и куртку «афганки», принесенные из казармы «срочников», те мыли этой одеждой полы. Брюки едва доходили «крысе» до колен, а рукава куртки оканчивались чуть ниже локтей. Большая часть пуговиц отсутствовала. Грязный, босой, избитый, без документов и денег, под свист и крики толпы вор отправился к КПП.

Дикая и варварская картина, для Владимира, бывшего юриста, показалась образчиком быстрого и справедливого суда и неотвратимой кары за содеянное. Не укради. Неважно кто и кем был раньше. Теперь, когда жизнь свела всех вместе, эта разношерстная толпа проявила куда больше благоразумия и справедливости чем сотни политиков, юристов, бизнесменов. Коллектив их, далеко не самых лучших, по меркам обывателя людей, оказался куда здоровее и честнее, нежели большинство коллективов «нормальных людей», живущих «как все», с

которыми Владимиру приходилось иметь дело в мирной гражданской жизни.

Прошла еще пара дней, без особых приключений и эксцессов. Наконец наступил радостный и волнующий день отправки. Нашим героям, понятно не дали ни пайка, ни проездных. Просто сказали добираться вместе со всеми «зайцами». Партия была огромная, человек двести. Ясно, что билетов и прочего никто не проверял. Все в форме, все одинаковы, пересчитать их по головам проводникам было не под силу. Как обычно прикладывались к стакану. Вовка с Вадимом попали в компанию радушных Курчан и те всю дорогу потчевали их.

Некоторая робость возникла при пересечении Украинской границы (а поезд проходил по территории Украины) но проблем не возникло и тут, все прошло гладко, без сучка и задоринки. Пограничники проверяли только военные билеты.

Из соседнего вагона пограничники вывели двух завернутых в простыни девушек. Уж как их уговорили контрактники ехать, осталось загадкой, но пока то, да се, их одежды умудрились куда-то исчезнуть, по всей видимости, были пропиты. Документов у девчонок не было, вот их и высадили.

Потом, предстояло провести еще две ночи в Моздоке, под открытым небом, благо стояла жара и не было дождя. А после, всех не усадили в чрево огромного транспортного вертолета — «коровы» и доставили непосредственно в полк. Вполне естественно, что Владимир, да и Вадим тоже, испытывали некую робость от предстоящей встречи с отцами-командирами, как никак, а припоздали на две недели.

Все повторяется. Также как и пять лет назад, Владимир вновь стоял в строю под палящим солнцем на вытоптанной тысячами сапог, площадке перед штабом. Майор — начальник строевой части проверял списки прибывших и прочие необходимые формальности. Многих, особо ценных специалистов, как обычно, тут же забирали к себе командиры подразделений. Некоторых оставляли ждать на месте. По окончании переклички был задан как обычно вопрос:

— Всех назвал? Никого не пропустил?

Вот и пришло время, действовать, но Вадим куда-то запропастился. Он вообще имел привычку исчезать в нужную минуту. Однако, решив не мешкать, Владимир тут же назвался и объяснил, что отстал от поезда. И застыл в ожидании страшной ругани в свой адрес, а в глубине души приготовился к посадке в яму, но майор напротив, радостно подошел к нему и стал хвалить за то, что он вот, несмотря ни на что нашел силы добраться сюда, а вот остальные десять или больше человек, что отбились по

дороге, так и не соизволили больше объявиться. Речь свою начальник строевой части произнес довольно громко, видимо в назидание прочим, после чего передал «блудного сына полка» в распоряжение загорелого до черноты невысокого майора со спокойными и мудрыми глазами. Это и был его новый командир мотострелкового батальона. Окинув взглядом свое пополнение, майор весело произнес:

— Да расслабьтесь вы, не звери же здесь. Чего напряглись?

Владимир понял тогда, что ему очень повезло с командиром. Так оно и вышло впоследствии. Комбат оказался настоящим боевым офицером, он уже участвовал в первой кампании и тут находился почти полгода. В течении часа всех быстро распределили по взводам, и осталось ждать транспорта.

— А чего стоял, молчал!!! — вдруг донесся гневный голос начальника строевой части. — В яму захотел?!

Оказалось, что это в адрес Вадика, который, наконец, объявился и понуро стоял перед разозленным майором. Почти всех уже распределили и вволю оторвавшись на незадачливом товарище, начальник строевой, чуть ли в пинки погнал его к стоявшей напротив батальона, куда зачислили Вовку, группе артиллеристов.

Уже под вечер Володя и еще ребята, стояли перед командиром взвода и получали автоматы. Когда через несколько минут в блиндаже взвода на их приветствие: «Здорово мужики!» — раздалось: «Мужики в поле пашут, а здесь пацаны!», — Володя понял что, наконец, мытарства окончились. Он среди своих ребят. Началась служба.

Глава 4

Ни шатко ни валко прошло три дня службы. Более менее удалось обжиться в блиндаже. Пришло еще пополнение. Взвод, куда попал служить Владимир, стоял недалеко от небольшого чеченского села. Оборудованы позиции были образцово-показательно. Все под землей — жилье, кухня, маленькая банька и даже сортир. Служба по большей части, состояла в дежурстве в качестве наблюдателя. Как правило, пост этот выставлялся попарно, каждому выпадало стоять половину дня и половину ночи. Погода все эти дни стояла жаркая. Так же как и раньше, у всех новичков расстроились желудки, и они частенько посещали подземное место общего пользования.

Командовал взводом молодой лейтенант, недавний выпускник училища. Несмотря на хулиганскую внешность и манеры забияки, взводный был, в общем-то, вполне толковым и нормальным командиром. По крайней мере, лишнего не требовал и по-пустому не придирался.

Владимиру нравилось сидеть в окопе наблюдателем и смотреть на горы, покрытые лесом. Отсюда они казались холмами, поросшими густой травой. Наконец он смог отдохнуть от нервотрепки последних пяти лет гражданской жизни, с бесконечной погоней за заработками, борьбы за место под солнцем (в которой он обычно бывал побежден). Он отписал короткие скупые письма домой матери, сообщив новый адрес. Отписал также и Наде, особо не надеясь на ответ, но кто знает. Ольге писать не видел смысла, а дочь читать еще не умела по малолетству.

В паре с ним обычно стоял молодой москвич — снайпер. Валера, так звали снайпера, оказался прекрасным напарником для такого времяпровождения. Он был один из немногих снайперов, кто по настоящему знал все секреты и хитрости данной профессии. В первый же день он с изумлением обнаружил, что его СВД (снайперская винтовка Драгунова) заряжена патронами от ПК (пулемет Калашникова). К удивлению многих, в том числе командира взвода, он поведал, что нужны специальные патроны для СВД. Таковых не нашлось в расположении, но тем же днем, по наводке старожилов, вместе с Вовкой, направился в небольшую посадку позади окопов и там, в огромной яме, оставшейся от прежнего блиндажа, были обнаружены в изобилии пачки самых разнообразных боеприпасов, едва присыпанных землей.

Кроме того, Валерка был интересным собеседником, хотя

подчас и шокировал Вовку своей наивностью. Впрочем, этим страдали большинство сослуживцев, да и сам Вовка впервые тоже был так же наивен. Почти каждый день, сидя и подсчитывая количество «боевых», которые он получит, Валерий строил планы на будущее.

— Вот отбуду тут полгода, — вслух размышлял он, — а потом диплом техникума куплю.

— Валер, за каким? — изумился Вова.

— По новой контракт заключу, но уже прапорщиком. Еще послужу здесь, — последовал уверенный ответ.

— Э, Валер, да ты что? Думаешь «боевые» будут вечно платить? Дай то Бог, если на наш срок хватит, — еще больше изумлялся Вовка.

— Да будут, будут платить. Я тут хочу все деньги получить, сколько получится. В квартире евроремонт сделаю, «иномарку» куплю. Только сейчас нам по восемьсот десять в сутки идет, — как ни в чем не бывало продолжал он, — а тогда я буду по восемьсот пятьдесят рублей «боевых» получать в сутки. Вот и прикинь сам, сколько выйдет у меня?

— А не проще ли так, самому, тот же «технарь» закончить, или институт?

— Нее, я быстрее обратно хочу, а так мне несколько лет учиться придется.

Вот так они и делили шкуру неубитого медведя. Впрочем, построение воздушных замков было любимым занятием почти всех без исключения контрактников, впрочем, и офицеров тоже.

Другой соратник Владимира по борьбе с терроризмом — Олег, тоже любил помечтать. Это был молодой парень, как и Вовка, из российской провинции. Мечты его были о поступлении в милицию.

— А чего ты сразу то в «ментовку» не пошел? — спрашивал его Вова.

— А мне сказали, — отвечал Олег, — что сначала в «горячей точке» надо послужить, а потом возьмут.

— Ну, Олег, желаю только удачи, — осталось сказать несколько изумленному Владимиру.

По прошлому опыту он знал, что не слишком то жалуют после «горячих точек». Если уж берут, то сразу берут, а не с такими вот «стажировками».

С Валеркой и Олегом, Вовке чаще всего и выпадало делить службу на наблюдательном посту. Жили они в подземной кухне, которая не функционировала. Все равно всю еду получали в батальоне. Кроме них там постоянно жил санинструктор. Это был совсем молодой парень, только после «срочки», оказался

Вовкиным земляком. Земляк был постоянно занят всякими хозяйственными делами и не слишком общителен. Первые дни протекали однообразно, пока не наступил День полка.

Отпраздновать его должны были с большим размахом. Намечался приезд артистов для праздничного концерта.

Утром праздничного дня, командир взвода отобрал пять человек для присутствия на концерте. Отбор проводился по простому принципу — у кого форма новая. А так как новая форма была у новичков, то все новички, а именно Олег с Валеркой и Вовка, туда и были отправлены. Из оружия взяли только автоматы с одним магазином. «Больше и не надо. Оружие только для виду там нужно», — сказал взводный. Но дальше произошло куда как интереснее. По прибытии небольшой, нарядно одетой и слабо, только для проформы вооруженной, группы в батальон, выяснилось, что собраны они совсем не для праздничного концерта, а для ВМГ (войсковая маневренная группа). Комбат пришел в расстройство от экипировки прибывших, обругал в сердцах, матерным словом, взводного, но ничего изменить было уже нельзя. Время не было. Надо было выдвигаться в полк, где собирались остальные участники ВМГ. Впрочем и остальные участники, а их набралось два десятка, были вооружены не лучше, а командовавший группой, лейтенант, тот, что вез Вовкину партию из России, вообще еще не получил оружия.

Но, тем не менее, под звуки праздничного концерта, шедшего недалеко от штаба, их погрузили в кузов «Урала» и отправили сопровождать милиционеров. Вся суть задачи была проста. Подстраховывать и охранять двух милиционеров, которые будут проверять машины на дороге. Все было бы хорошо, но не было ни воды, ни еды с собой. Погода стояла жаркая. Дико хотелось пить. Но дороги, попавшие под контроль, были совсем безлюдны. Солдаты сразу ложились и на травку по обе стороны дороги, и вяло наблюдали за подступами. Запасов воды, что припасли «менты» хватило ненадолго, по глотку на брата и все. Без воды стало совсем худо. Но к счастью, после очередной смены места, невдалеке, в поле заметили чечена, мирно пахавшего что-то, на тракторе в поле.

У сына гор глаза вылезли на лоб, когда к нему кинулась бегом толпа русских солдат. Аллах знает, что он подумал в этот момент. Но когда узнал в чем дело, то с радостью и облегчением протянул неверным пятилитровую канистру воды, которая была опустошена в считанные секунды. Но все-таки жажду перебили. Впрочем, все равно солнце уже клонилось к закату и так мучительно, как днем пить не хотелось. ВМГ подходило к концу. Никаких происшествий в тот день не было. Уставшие и голодные

солдаты спустя час уже возвращались в полк.

В полной темноте «Урал» остановился позади полковой кухни. Там, в офицерской столовой шло гулянье по поводу праздника. Звучали тосты. Один из них был произнесен командиром полка особо громко:

— Я предлагаю просто выпить, за простого русского солдата!

Тем временем «простые русские солдаты», приехавшие с ВМГ были озадачены начальником тыла перетаскивать продукты на складе. Больше в тот момент людей не нашлось, а они так кстати приехали. Хлюпая в потемках по жидкой грязи от вечно сливаемых помоев, они под звуки веселой музыки и произносимых в их честь тостов еще целый час грузили ящики и мешки.

Прибыв во взвод, троица уехавших на праздник, увидела, что их обед и ужин съедены, все решили, что раз День части, то там уж их наверняка откормили. Впрочем, с голоду они не умерли. Володькин земляк извлек из каких-то тайников банку тушенки из командирского НЗ, оберегать который также вменялось в его обязанности.

— Эй, ребята, кто первый на пост пойдет? — в землянке показалась голова зам. ком. Взвода.

— Пошли Валер, один хрен пока не спим, — предложил Вовка снайперу.

Он предпочитал дежурить с ним, чем с вечно спящим на ходу Олегом. Валерка не стал возражать и полез в мешок за гражданской болоньевой курточкой. Вовка в свою очередь натянул свитер. Зимнюю одежду им никому из новичков не выдали, а ночью все-таки было прохладно, вот и выходили из положения, кто как мог. Минут через пять они устраивались поудобнее на импровизированных лежанках. Вовка, как более легко одетый, занял лежбище, покрытое бронежилетом, накрыв его предусмотрительно плащом ОЗК, который планировал одеть на себя, когда станет холоднее.

Тьма стояла хоть глаз коли. Изредка она освещалась вспышками осветительных ракет и снарядов.

— Валер, у тебя курить осталось? — со слабой надеждой в голосе спросил Вовка.

Его табак закончился еще на ВМГ. И тут… о чудо! Валерка извлек на свет, вернее на тьму початую пачку сигарет с фильтром. Ну ни хрена себе!

— Ну ты даешь! — обрадовался Вовка, — что «чехи» что ли угостили?

— Нее, менты, мои земляки и коллеги, — ответил Валерка. — Я ведь в ОМОНе раньше служил. А тут сослуживцев встретил.

— А с ОМОНа чего ушел? — затягиваясь сигаретой, спросил Вова. — Или выперли за пьянку? Колись, чего уж там. Тока не говори, что мало платили, на гражданке, небось, больше то и не заработал.

— Да не, не за пьянку, — с грустью в голосе отвечал бывший страж порядка. — Приложил одному пьяному, ну и вот…

— Небось, еще и карманы обшарил, — сел на любимого конька Вовка.

— Нет, у этого не шарил, все равно он пустой уже был. А так конечно трясли пьяных. Ну сам понимаешь, зарплата маленькая, — завел Валерка старую корумпировано — ментовскую песню.

— Слушай, Валера, давай без дураков говорить, начистоту, — раздраженно прервал Владимир, жалобную песнь, отставного Омоновца. — Зарплата в ментовке маленькая? А что у работяги больше? Ладно, я не беру Москву, чем черт не шутит, может у вас там и по-другому. А вот нас, провинцию возьмем. Да у нас любой ментовский сержант первогодок получает столько, сколько квалифицированный рабочий на заводе, и уж точно раз в пять больше крестьянина в районе, при том еще и льготы имеет. И ведь все равно взятки берут.

— Вов, да все равно мизер все это, за такую работу платят, — перебил его Валерка. — Не проживешь на одну ментовскую зарплату, как не крути.

— Хорошо, Валера, допустим, не проживешь. А раз так, давай тащи, что плохо лежит, взятки хапай. Разницу, так скажем, компенсируем. А что тогда дворнику, например, делать? А? Ему что с топором на большую дорогу идти получается надо? Ну что не так? У него ведь тоже семья тоже, на его зарплату уж точно не проживешь.

— Ладно, Вова, хорош из себя правильного корчить тут. Сам небось хапал на раз, вот и выперли, потому что не делился, — рассмеялся в ответ Валерка.

— Валера, вот как на духу, не хапал.

— Ну загнул…

— Да подожди ты, — Владимир разошелся не на шутку. — Нет, правда, не хапал. И не потому что такой правильный был, просто не давал никто. Я что пешка там был. Всех ходов — выходов еще не знал. Базара нет, если бы по сей день работал бы, то брал бы. Ну, по крайней мере, не отказывался бы, коли давали бы. Знаешь, ведь пока меня жизнь мордой в дерьмо не ткнула, я тоже мало по сторонам смотрел. Тоже знаешь, казалось мне, что вот мало денег, то да се. А ведь разобраться, я раз в пять больше колхозника тогда имел. Ладно я, а повыше меня кто был, тоже им

всегда на жизнь не хватало.

Произнеся свой монолог, Володя поднялся и накинул на себя плащ ОЗК. Стало немного холодать. Желая размяться, он подошел к брустверу и сделал три одиночных выстрела в поле. По ночам так всегда развлекались солдаты. Совмещая приятное с полезным. Такие периодические ночные прострелы поощрялись командирами, стоявших на передовой подразделений.

— Жаль «ночника» нет, — с сожалением сказал Валера, тоже подтянувшийся к брустверу со свой СВД. — Я бы винтовку пристрелял бы. А ты Вова, не горячись. Не мы такие — жизнь такая.

— Да нет, Валера, именно мы, мы такие. Вот и жизнь такая, какие мы. — Поставил точку в споре Вова. — Давай еще закурим.

— Давай, — Валерка достал еще две сигареты из пачки. — Вот еще один прошел, — глянув на часы, добавил он. — Еще восемьсот десять рубликов в кармане.

— Тебе бы только «бабки» считать, — отозвался Вовка.

Далее, как это обычно бывало, Валера стал строить финансовые планы на будущее. Потом разговор плавно перешел на «женский вопрос», а потом их дежурство закончилось.

Утром Вовка попал в наряд на батальонную кухню. По опыту он знал, что это не самый худший вариант времяпровождения. Его желудок радостно ожидал предстоящего праздника. В батальоне собралась сборная команда кухонных разнорабочих. Никого из них Вовка не знал, но общий язык нашли быстро. Работа была совсем несложной, а кормежка сытной, тут Вовка не ошибся в своих предчувствиях. Командовал кухней его земляк — Виктор, тоже контрактник, служащий тут третий месяц, явно бывший на гражданке торгашом или снабженцем. Правда, особой радости от встречи с соплеменником он не испытал. Виктор, не первый день уже командовавший, приобрел замашки прапорщика и не особо сближался с солдатами. Но коробку спичек и несколько сигарет выпросить у него удалось. С куревом всегда было туго.

Правой рукой Виктора на кухне был Митроха, что это: имя, фамилия или кличка выяснить не удалось. Митроха был солдат — «срочник» на побегушках. Немытый, нечесаный, в засаленной форме он выполнял тут самую грязную и тяжелую работу. В перекурах Митроха жаловался на свою горемычную судьбу.

— Эх, ребята, я же дембель, в конце концов. А вот невезуха. В полк попал полгода «летал» по «духанке». Ну, думаю, вот молодые придут, ну и я оттдохну, так сюда попал. А тут вообще «духов» нет. Я один «срочник», остальные «контрабасы», опять я «дух». Мой призыв дембеляет уж давно, а я тут год послезавтра

как будет, все в «молодых» хожу. Так и не довелось за всю службу отдохнуть, «молодых» погонять.

Контрактники, в основном мужики, годящиеся тому в отцы, грохнули со смеху, слушая откровения Митрохи.

— Слышь, Митроха, а «боевые» тебе же начисляют? — раздался вопрос.

— Ну конечно, как и всем, — ответил «вечный дух».

— За год целый «боевые», ни хера себе, да ты самый богатый человек в полку. Ты тут «бабла» загребешь, сколько твоим «дембелям» не снилось, а еще пищишь. Иди воду горячую тащи, — прервал словесный поток Митрохи, подошедший Виктор.

Мимо палаток промелькнула молодая женщина, аппетитные формы которой обтягивались шортами и короткой майкой. Изголодавшиеся глаза «солдат удачи» как по команде уставились на нее. Вовка на правах земляка задал Виктору волновавший всех вопрос:

— А это кто?

— А, Юля это. — Отозвался Виктор. — Последние дни тут, уже уволена. Вот «вертушку» ждет.

— Что, уже полгода отбыла? — поинтересовался Вовка.

— Нет, только месяц. Ротному дала, а замполит батальона прознал и вломил командиру полка. Теперь ее домой отправляют. Да она сильно и не расстроена. Штуку баксов за месяц получит, на шубу хватит, а бабе чего еще надо.

— Во дела! — Удивился кто-то из чистивших картошку мужиков. — Я то думал, если баба не дала, то уволят, а тут дала, и увольняют. Хрень какая-то выходит.

— Нет, мужики, тут дело такое, — Виктор присел и начал рассказ. — Тут в апреле майор один медсестру завалил. Она с ним трахалась, а потом одному прапору дала. Майор забухал и по пьяне ее грохнул. Заревновал. Ну, тогда командир полка и запретил блядство. Только с ним и его замами можно. Остальным запрет. Как узнает, тут ту бабу сразу и домой.

— А сам к ней не подкатывал?

— Не, без толку. Тут глядите офицеров сколько. На нас она и смотреть не станет. Ладно, мужики, дочищайте быстрее картошку, я вам с собой с офицерской кухни отсыплю.

Поздно вечером, уже по темноте, грязный, но хорошо отъевшийся с котелком вареной картошки с тушенкой Владимир вернулся во взвод. Там почти никого не было. Его ждали с нетерпением. Некого было выставлять в ночь на пост. Половина взвода уехала в Ханкалу, сопровождать колонну. Валерка тоже уехал. Ночь предстояло провести с Олегом, который в ожидании напарника уже час одиноко сидел в окопе. Благоразумно захватив

с собой котелок и слив остатки уже остывшего чая в другой котелок, Вовка отправился на ночное бдение. Пробираясь в полной темноте, по узкому извилистому ходу сообщения он со всего маху треснулся лбом об бетонную плиту. «Что за черт?» — только и осталось подумать ему. Но взлетевшая в это время белая ракета осветила бетонное перекрытие над окопом. Оказалось, что за время кухонных работ во взводе успели возвести перекрытую щель. Не плохо…

Показались очертания сидящего на земле с автоматом на коленях Олега. Вовка приготовился отвечать на пароль. Но вопроса не последовало. «Узнал наверное», — решил Вовка. Устав попирался тут постоянно. Он подошел в плотную к сидящему часовому. Тот никак не реагировал. Поставив котелки на лежанку, Вовка слегка ткнул сапогом Олега.

— Вставай, а то «чехи» в ж… трахнут. Бабой проснешься.

— А, Вов, ты, — сонным голосом произнес Олег, — и снова попытался поудобнее устроиться для сна.

— Слушай, Олег, — серьезно заговорил Вова, — ты уж если спать захочешь, мне сначала скажи. Ну его на х…, береженого Бог бережет.

— Да брось, все равно никто не пройдет. Минное поле впереди, а вокруг наши. — С каким то пофигизмом ответил Олег.

— Хорош дуру гнать, — огрызнулся Вовка. — Ладно, мне уж похеру, никаких планов. Что сейчас помру, что через сто лет. А ты то вроде жениться там говорил собрался? В ментовку устроиться, в чем я впрочем, весьма сомневаюсь. Ладно, надеюсь понял. Расскажи лучше, тут что перекрытия какие-то поставили. Еще чего не накопали, а то пойдем обратно и в какой яме вообще сгинем, будут потом неделю искать и «боевые» выплатить забудут.

— А, Вова, тут сегодня целая стройка была. Кран приезжал тут, плитой окоп перекрыли. Завтра еще приедут, «ракушку» рыть будут.

— «Ракушку»? — удивленно переспросил Вовка. — Это что еще за чудо?

— А, это такая хреновина, ну вроде лабиринта. Завтра машина выкопает, увидим.

— Да, тут, наверное, крепость целая будет. — То ли мечтательно, то ли скептически протянул Владимир. — Ладно, поживем — увидим. Давай лучше перекусим, мне вон на кухне отсыпали картошки.

Ночная трапеза вышла на славу. Картошкой солдат редко баловали. Это был рацион офицерской столовой. Стал накрапывать дождь. Вовка, поежившись, завернулся в плащ ОЗК.

Он чувствовал, как его зазнобило. Наверное, перегрелся весь день под солнцем, а вот теперь трясет всего. Дождь усилился. Озноб тоже. Пошли круги перед глазами. «Черт, — подумал Вовка, — так и вырублюсь вообще. И Олег уснет и все, иди кто захочет». Он взглянул на напарника. Тот не меняя позы, обняв автомат, сидел уже полчаса. Глаза были закрыты. Желая взбодриться и проверить крепость сна партнера, Владимир встал и выстрелил в сторону поля. Выстрел прогремел почти над самым ухом Олега, а теплая гильза шлепнула его в лоб. Тот неспешно открыв глаза, только произнес:

— А, все нормально? — И продолжил свой безмятежный сон.

Вовку злила эта безмятежная спячка. Ну вот ведь говорил же этот человек, что за те деньги, что ему платят, он на все готов. А вот ведь только до дела доходит и все. «Ладно, хрен с ним, станет совсем плохо, тогда уж разбужу его не по детски, — решил Вовка, — а пока потерплю».

Утром, когда сменились, удалось поспать. Убаюкивал рокот землеройной машины, вычерпывавшей своими ковшами горы земли. К вечеру позиция взвода превратилась в неприступную крепость. С тыла возник высокий земляной вал и глубокий ров. Жизнь шла своим чередом.

Глава 5

Дни проходили за днями. Владимир стал замечать за собой какую-то полную пустоту и отсутствие надежды. Большинство из его товарищей только тем и были заняты, что мечтали, как будут жить дома. Как распорядятся полученными деньгами. Еще животрепещущей темой были слухи о возможной отмене «боевых» и неком грядущем перемещении полка на новое место. Постоянно не покидало его ощущение, что все снова повторяется. Он идет по замкнутому кругу. Если тогда, пять лет назад все было ново не только для него, но и вообще для всей страны, забывшей что такое война на собственной территории, то теперь никакой новизны не было. Хотя кое-что поменялось. Существенно изменился сам подход к операции. Теперь боевики не ходили на переговоры, предпочитали не носить форму и свои знаки различия. По большей части предпочитали маскироваться под местных жителей.

Владимир лежал на нарах в блиндаже и рассматривал муравья бегавшего по потолку. День уже подходил к вечеру. По уму надо бы поспать перед дежурством, но совсем не хотелось. Вот уже третий месяц тут, а никакой тоски по дому. Вообще никакой. Даже мысль не цепляется за какое-либо приятное воспоминание. Даже о дочери он думал как-то отдаленно. Об Ольге он практически вообще не вспоминал. Было ясно, что ее благосклонность прямопропорциональна его материальному положению. Странно, но и Надиных писем он сильно не ждал, хотя ловил себя на мысли, что она пожалуй, баба ничего, если уж повелась на него, когда он был гол как сокол. Хотя кто этих баб разберет… Он подумал, что дома было больше стрессов чем тут, вот так парадокс. Ведь скажи кому, не поверят. Вовка вспомнил одного знакомого, который отговаривал его от поездки. Парень, его ровесник, работал на пилораме, получал там какие-то копейки. Но ехать на войну! Да вы что, там ранят или не дай Бог убьют. А кто семью, детей его, будет его кормить? И вот в письме из дома, сообщили, что парню тому на пилораме пальцы отрезало. Теперь ни работы, ни денег. Работал то у частника, ну и ясное дело без всякого оформления. Вот тебе и ирония судьбы. Как вот теперь он семью прокормит? Тут вот неделю назад парню одному БМП ногу прищемило, да так что нет, пожалуй, уж ноги, не радость ясно, но по крайней мере, документы все путем оформили. Пенсию хоть парень будет получать. А на «гражданке» такое случись? Вот и подумаешь тут, где оно опаснее то.

А тут еще Юрка вспомнился, земляк Владимира по первой

кампании. Тоже история… Узнал тут уже, от земляка тоже и сослуживца по тем дням общего. Умер Юрка. Самоубийство. Вот так то. А мечтал «тачку» купить, как и многие. Впрочем, и тот земляк, что сообщил об этом, тоже о «тачке» мечтал. Да так и до сих пор мечтает. А Вовка не мечтал. То, что ему было необходимо, он мог бы приобрести за те «боевые», что он уже заработал. Теперь отсутствовала даже материальная сторона, а домой не хотелось. И ведь вот еще что странно. Тот страх, что преследовал его перед отъездом, напрочь пропал. Даже хотелось чего-нибудь остренького. Хотя разобраться то по уму, служба сейчас была лучше не придумать. Но не только Вовка, а подавляющее большинство ребят стремились поехать на ВМГ или в засаду. И силком ведь никто не гонит и деньги те же, что тут сиди, что с автоматом бегай. Чудно устроен человек.

От философского и вредного для душевного здоровья самокопания Владимира оторвал звук, чего бы вы думали? Колокольчиков и коровье мычание. Под аккомпанемент этого импровизированного хора с оркестром раздалось соло Валерки:

— Пацаны, да держите их! Загоняйте куда-нибудь! Я что один их ловить буду!

Пацаны в блиндаже, однако спали. Володя решил вылезти и посмотреть, что там за чудо случилось. А случилось действительно чудо. По территории взвода носилось целых семь испуганных коров различной весовой категории. Валерке удалось привязать двух коров к столбу, еще одну он держал за ошейник с колокольчиком. Вряд ли Вовка мог быть тут особо полезен. Со скотиной он отродясь дела не имел, впрочем, как и Валерка. Но нашлись на счастье ребята из деревни. Они сразу увели двух коров в посадку и забили их. Ужин обещал быть сытным.

Оказалось, что Валера, когда пристреливал СВД, заметил стадо коров, пасшееся у села, на том краю минного поля. Коровы с какого-то перепуга и рванули в их сторону. Нет, не все конечно, а только эти семеро. Прямо по минному полю. Пастух засуетился понятно, но за ними не пошел, береженого Бог бережет. А мина ни одна не рванула. И вышли прямо на Валеркин окоп. Ну а он уж не растерялся. На что парень в городе всю жизнь прожил, а сумел их во взвод загнать.

Случай с минным полем был уже не первый. До этого бараны так же пытались прорваться. Тогда зенитчики стояли на усилении, со своей пушкой двуствольной, так они с радости полстада размолотили. А минное поле было управляемое, рубильником включалось на НП (наблюдательный пост) командира взвода. Да вот какие-то неполадки вечно с ним выходили. Ладно, что скотина проходила, а вот если «чехи»? Но

все были рады своим ходом пришедшей пище. Командир взвода уже распорядился отвести пятерых коров в батальон, а двух оставили. Крошечное стадо, подгоняя прикладом, конвоировал Олег. Животные, видимо поняв, что попали не туда, метались из стороны в сторону, но неопытный пастух все-таки сумел с горем пополам доставить трех коров. Две убежали куда-то в сторону штаба полка.

К вечеру уже горел костер, на котором умельцы жарили свежую говядину. Кое-что раздарили по соседям. Откуда-то принесли брагу. Немного, правда, только по кружке на брата хватило. Но и то хорошо. Мяса было немерено. Казалось, хватит на неделю. Но ничего подобного. К рассвету не осталось ни кусочка. Все съедено подчистую. Еще и мало оказалось. Весь следующий день никто не хотел смотреть на солдатскую еду. Но не спроста видать коровы по полю ходили. На следующий день, когда уже стемнело и большинство спало, со стороны «чехов» затрещали автоматные очереди.

— Подъем! Тревога! — закричал вбежавший в блиндаж часовой.

— А кто тревогу объявил? Кто проверять приехал? — раздался из глубины блиндажа сонный голос.

Проверки с учебными тревогами проходили во взводе, ставшим образцово-показательным периодически. К ним уже перестали относиться всерьез. Расторопность солдат напрямую зависела от уровня проверяющего. А выстрелы? Ну и что? И так каждую ночь стреляют.

— Эй, тебя е… т кто объявил! — рявкнул первым проснувшийся и оценивший серьезность обстановки зам. ком. Взвода. — Сказано тревога, вот вскакивай и беги!

Кто спешно, а кто неторопливо, солдаты, разобрав оружие, разбежались по окопам. Владимир вместе с Валеркой, и еще двумя ребятами побежали в окоп своего отделения, где уже сидел Олег и посылал автоматные очереди в поле перед собой. Стрельба с обоих сторон велась не прицельно. Пули разрозненно пролетали с жужжанием над окопом. Ответный огонь тоже был в белый свет как в копейку. Несколько раз поле освещали ракетами. Но в высокой траве никого видно не было. Вскоре «чехи» прекратили стрельбу. Но отбоя тревоги не было, и до самого утра взвод просидел в окопах, время от времени, простреливая местность.

Этот инцидент, как и предыдущие подобные окончился без потерь с обоих сторон. Хотя бывало такое далеко не всегда. Не так давно было ВМГ, колонну сопровождали. Часть одна выводилась, вот и прикрывал ее полк. Обстреляли тогда, конкретно, ранили одного с их взвода, в ногу. В других взводах

убитые были. Больше десятка человек тогда потеряли. Снова тряслись руки, до первого выстрела. Снова страх, страх, глушащий все инстинкты, становишься роботом. Чувство мухи под мухобойкой. Странно, но от страха пропадает и сам страх. Все кажется как со стороны, как мультфильм. А потом, когда все кончено и ты цел, эйфория. А уже потом, прокручиваешь в голове, что могло бы быть и волосы дыбом. А что быть могло, вон, перед глазами лежит. Нет, не привыкнуть к этому. Но прав народ: на миру и смерть красна. Все быстро забывается. Слезы, сопли не в моде. А иначе как? Начни только и думать о страшном, так с ума все сойдут. А так, покурили, посмеялись, поругались, вот и психотерапия. Ни один психолог лучше не проведет.

Шуточки бывали часто еще те… Так однажды Вовка с Валеркой, идя ночью менять Олега решили развлечься. Подойдя к окопу со стороны минного поля, они намеренно громко стали говорить гортанными голосами, пародируя акцент местных жителей.

— Э! Брат, сваи идут! — гортанил Валерка.

— Нэ стрелай дарагой! — вторил ему Вовка.

Самое интересное, что Олег вообще никак не собирался реагировать на визит гостей. Он как обычно находился в полудреме и даже не спросил пароль. Да, будь на его месте другой, и кто знает, как бы окончилась шутка. Но кто об том думал.

А душа как очищалась здесь. Снова, как тогда, пять лет назад, глядя а ночное небо и величественные горы, присутствовало чувство единения с мирозданием. Ничего не мешало этому единению. Ни какие суетные мирские заботы. Ради этого стоило ехать сюда. Владимиру вновь и вновь становилось тут ясно, что БОГ есть. Вот просто, есть и все. Без всяких объяснений. ОН словно САМ входил в душу. Там дома, ЕГО загораживала цивилизация и ее мнимые и истинные блага. Здесь хрупкий барьер отсутствовал. БОГ становился ближе. «Неужели люди не понимают, что БОГ есть, — часто думал тут Владимир. — Неужели не понимают, что кроме имиджа и завес лжи, которые мы напускаем, есть высший суд и высшая истина? Разве можно творить зло, зная, что воздаяние неотвратимо?» Ответа на эти вопросы не было.

Пронеслось еще несколько однообразных дней. И вот Владимира отстоявшего на посту, подозвал командир роты, прибывший с проверкой во взвод.

— Поедешь со мной в штаб полка, — сказал ротный.

Владимир несколько удивился. Вины за собой он никакой не чувствовал и не понял, чем вызвано такое внимание к его

скромной персоне. Вызов к таким небожителям как штаб полка, должен был означать какую-то великую провинность, такую великую, что аж представить страшно, если уж в полку потребовался. Однако ротный смотрел на него совсем не как на злостного нарушителя, да и не был Вовка таковым, вот и решил осторожно поинтересоваться:

— Товарищ старший лейтенант, а надолго. В смысле вещи, оружие брать?

— Пока ничего не бери. Там видно будет. — Ответил ротный.

Так и не поняв, зачем он понадобился, Вовка залез в кузов ГАЗ-66, на котором ездил ротный и вскоре стоял перед начальником штаба полка, стройным грузином с майорскими звездами на плечах. Впрочем, Вовка был не один, кроме него привезли еще четверых солдат.

— Вот товарищ майор, — обратился ротный к начальнику штаба. — Мой боец, высшее образование, читать и писать умеет.

Через минуту все прояснилось. В штабе возникла большая нужда в писарях. Вот и стали искать по полку грамотеев. Собрали вместе с Вовкой пятерых. Причина такого количества вакансий в теплом местечке выяснилась часом спустя.

Час спустя, незадолго до совещания офицеров, из ямы были извлечены прежние штабники. Начальник штаба лично решил провести им строевой смотр перед отправкой обратно в подразделения. Солдат — «срочник» маленькими, почти маникюрными ножницами состригал их явно неуставные шевелюры. Нет смысла говорить, что вышли за прически. Облагороженные, в соответствии с военными представлениями они были переданы своим командирам. История их грехопадения была проста и банальна в наше время. Что-то намудрили они с приказом о начислении «боевых» и еще со льготными справками. Кто его знает, насколько именно они были виноваты, но, судя по помятому виду, в яме пришлось им несладко. Впрочем, пострадали не они одни. Начальника строевой части тоже сняли с его должности, но без ямы и стрижки под барана конечно. Репрессии не обошли даже вечного посыльного при штабе — Колю, молодого парня, недавно совсем отслужившего срочную во флоте. Морячок ночуя в яме, днем продолжал исполнять обязанности посыльного с хоз. работами в нагрузку.

На следующий день Владимира зачислили в штат взвода военной полиции. Там он был определен на жительство и поставлен на довольствие. Это было довольно уникальное и возможно единственное подразделение, об истории создания которого стоит рассказать особо.

Когда-то, видимо в конце 90-х годов идея создания военной

полиции витала в воздухе. По крайней мере, в печати высказывались такие мысли. И, по всей видимости, эта идея отразилась в неведомых приказах. Так во исполнение их в полку и был создан взвод военной полиции. Но видимо идея потухла, а взвод так и остался. Официально, его состав числился в своих подразделениях, но жили отдельно, в непосредственной близости к штабу. В обязанности взводу была поставлена охрана въезда в полк и ям, выкопанных тут же, на территории взвода, где содержались арестованные.

Обстановка во взводе была неплохая. К арестованным солдатам относились более чем либерально. Яма для них была оборудована с максимальным комфортом, надзора почти никакого. В свободное от штабных дел время Владимир тоже, как и все нес службу на посту, что было совсем не обременительно. Конечно, есть стал лучше и больше. Штабная служба была тоже не из самых трудных. В прежнее время Вовка может оказался бы на седьмом небе от счастья, но теперь был совершенно равнодушен к такому счастливому повороту судьбы. Он четко понимал, что это все временно и не стоит строить долгих планов на штабное процветание. Он понимал, что в любой момент может слететь оттуда как предшественники, даже без всякой вины. Все это воздерживало его от панибратских отношений с офицерами и высокомерия к сослуживцам. Кто знает, как все еще может обернуться. Об этом часто повторял ему его земляк Виктор, тот, что командовал кухней в батальоне. Теперь он с радостью признал в Вовке земляка и удивлялся, как же раньше не встретил его. Вовка не стал напоминать тому о прохладном отношении его тогда еще в наряде. Не надо быть семи пядей во лбу, что бы не понимать, что не человек красит место, а место человека. Место Вовку явно украшало. Виктор теперь частенько подкидывал ему подарочки в виде тушенки и сигарет.

К своей радости Владимир узнал, что его друг и земляк Мишка служит под боком, водителем БМП у зама командира полка. Теперь часто они встречались. От него Вовка и узнал, что пока везли их партию, то разбежалось в дороге десяток человек. Там драка в поезде случилась. Серега, тот, кого девушка провожала, как увидал, что в тамбуре поезда дело до поножовщины почти дошло, так вещи свои в руки и спрыгнул на станции. Они же ведь через родной город проезжали. «А вещи как», — поинтересовался Вовка своими шмотками, а вдруг целы. У него было там кое-что полезное. «А твои вещи Вова, пропил я в поезде. Кто же знал, что ты доберешься. И Вадима тоже вещички пропили», — как ни в чем не бывало, сказал Мишка. Ну, пропил так пропил. Все равно радостно, что почти рядом теперь

оказались.

Возвращаясь от Мишки, Владимир увидел, что у штаба происходит нечто необычное. К штабу подъехал УАЗик из которого буквально вывалился средних лет военный, в расстегнутом камуфляже и без знаков различия.

— Брат, закурить не будет, — с добродушием хмельного человека, читавшемся на его лице, обратился тот к сидевшему на солнышке начальнику штаба.

— Я тебе не брат, а начальник штаба полка. — Вспылил майор. Уж что за муха его укусила. — Ты кто такой вообще и чего пьяный?

— Не кипятись брат, — военный полез обниматься к нач. штабу. — Я комендант района, сам подполковник. В гости к вам заехал.

Тут бы делу и закончиться. Но нач. штаба завелся.

— Вы что тут себе позволяете, — строго уставным голосом заговорил он. — Да я вас сейчас арестовать прикажу.

А надо заметить, что более старших чем майор Дорошвили, в полку в тот момент не было. Он был за командира. Остальные на выезде. Вот видать и решил показать, кто тут хозяин. Вот и показал. Не успев произнести слова об аресте, как из УАЗика выскочил солдат обвешанный гранатами и встал рядом с комендантом. Вид солдата был под стать своему начальнику, тоже под мухой. Дорошвили пошел на принцип.

— Часовой, арестуйте их, — сказал он скучающему под грибком солдату комендантского взвода.

Едва тот успел подойти к машине и взять автоматы, лежавшие на сиденье, как солдат схватил гранату, и вынув чеку, закричал:

— Не дам своего командира арестовать! Не подходи!

События стали принимать непредсказуемый оборот. Дорошвили успел дал знать в развед. роту и оттуда уже бежали, передергивая на ходу затворы оружия десяток человек. Через секунду штаб был оцеплен. Ни одна из сторон не желала уступать другой. Ситуация требовала какого-то выхода. Неожиданно, обстановку, сам того не ведая, разрядил морячок. Он только закончил копать яму под сортир. За выполнение этой задачи ему было обещано досрочное освобождение из ямы. Он спешил изо всех сил. Продравшись через оцепление он подошел к начальнику штаба и заикаясь, он всегда заикался, доложил:

— Т..т..товарищ м. майор, я яму в. вырыл. Т..толчок готов т. теперь. М..не м. можно из ямы освобождаться?

На фоне всех развернувшихся бурных событий, выглядел морячок с его докладом более чем комично. Участники

противостояния заулыбались. Обстановка разрядилась. Начальник штаба же миролюбиво заговорил с комендантом. Солдат вставлял обратно кольцо в гранату. Оцепление ушло. Буря не состоялась.

Морячок был конечно же освобожден от своего наказания, растроганный начальника штаба даже на радостях представил моряка к медали «За воинскую доблесть». Морячок вообще был человеком незаменимым. Подобно Фигаро он поспевал везде и всюду. Он не хотел быть посыльным. Не по своей воле попал в комендантский взвод. Все время рвался на ВМГ. Но где бы нашли лучшего посыльного? Он был исполнителен и кроток. Мог сутками бегать по различным поручениям. Казалось, что не будь его и управление полком будет безнадежно нарушено.

Через несколько дней объявился и Вадим собственной персоной. Вадим появился в группе увольняющихся. Так как «боевые» теперь были урезаны, не до конца конечно, дней по десять — пятнадцать в месяц закрывали, то увольняться стали чаще. Увольняемых раз в неделю приводили в штаб на комиссию. Кого-то отговаривали от решения рвать контракт, некоторых, прослуживших меньше трех месяцев и желающих уволиться, для вразумления водворяли в яму.

— Вадик, привет! — обрадовался Вовка встрече с товарищем по странствиям. — А ты за каким увольняться собраться?

— Да Вов, «боевые» то урезали. Платят мало. Чего тут служить? — грустно отвечал Вадим.

— Вадим, дело твое конечно, но полсрока уже отпахал. Чего рыпаться то теперь. Да и денег все больше получишь, чем дома. Ты же квартиру вроде купить хотел?

Вадим как-то неуверенно посмотрел на двух мужиков алкогольного вида, с которыми вместе его привели, ожидая от них поддержки.

— Да мы на гражданке больше заработаем, чем тут. Вадик, не слушай его. Он ерунду несет. — Дружно заговорили мужики.

Как уж они собирались обогатиться дома, было загадкой. Ребята явно не походили на преуспевающих бизнесменов или высококлассных специалистов. Просто из породы тех, что «да я за такие «бабки» что угодно сделаю», а когда надо делать, то сразу все не по ихнему. Много таких уже Вовка насмотрелся. Вот только чего Вадим то под их дудку стал плясать непонятно.

После комиссии двух Вадимовых сослуживцев, как прослуживших меньше месяца отвели в яму для образумления, а Вадиму дали неделю на раздумье.

— Слушай, Вадюх, — говорил ему на прощанье Вовка, — если чего там, какие трудности, давай за тебя похлопочу. Может

перевестись куда хочешь? Мы может с Мишкой подсуетимся.

Но Вадим остался при своем. Через неделю его уволили, и он улетел в Россию. Мишка тоже время от времени высказывал мысли об досрочном увольнении. Желания такие напрямую были связаны с настроениями его шефа — заместителя командира полка. Будучи не в духе он, частенько садясь на башню, пинал сапогом Мишку в шлем и орал: «А ну люк закрой!» Вот после этого тот клялся и божился, что последний день служит, что не может терпеть этого бардака. В довершении ко всему, он строил планы грядущей покупки КАМАЗа и торговли мясом вместе с еще одним земляком, уволившемся месяц назад. Тот якобы подготовит дома всю необходимую базу. Но от земляка, как и следовало ожидать, не было ни слуху ни духу. Вообще можно было до бесконечности диву даваться доверчивости сослуживцев.

Вот взять, например известную троицу разведчиков. Эти три друга заключили между собой соглашение — купить каждому по классной иномарке. Все вроде хорошо, просто похвально. Отбыв первый контракт, они скинулись и купили навороченейший джип одному и по дороге умудрились разбить его. Но духом не пали, слова не нарушили и поехали снова. Все втроем. А тут на тебе, «боевые» урезали. И урезают месяц за месяцем. Теперь им втроем дай Бог, хоть бы на нашу машину одну хватило бы. А дальше вообще полк может, выведут.

Покупать и бить машины тем же днем стало какой-то модой. В Вовкиной роте тоже старшина из контрактников, отбыл срок, уехал домой, а через месяц снова тут. В чем дело? Да машину купил и разбил тем же днем. Совсем всмятку. Ремонту не подлежит. Вот надо теперь успеть на новую заработать. И в строевой части, тоже солдат один рассказывал. Тоже приехал, взял машину и тоже так же разбил. «Ну, на кузов новый я уже вроде заработал», — успокаивал он себя. Дай то Бог.

Не менее чудные дела были и во взводе полиции. Попали в яму четверо контрактников. Дом чеченский разграбили, беременную хозяйскую жену вроде изнасиловали, а в довесок местного, чеченского участкового в плен взяли. Разоружили того, в роту привели как боевика. Допросили понятно с пристрастием. А теперь вот арестованы. Уголовное дело завели на них. Один Вовкин земляк тоже оказался. Поступок их, в глазах солдат преступлением не был и отношение к узникам было более чем корректное. Двоих вскоре освободили, оказались не при чем. А двое, в том числе и земляк Вовин — Василий, остались. Иногда, время от времени в яму водворялись пленные. Они сидели связанные в глубоких колодцах. Сидели недолго. К вечеру их забирали разведчики или ФСБисты. У тех свои ямы были. По

ночам оттуда слышались душераздирающие вопли пленников. Через сутки — трое они исчезали.

Обновился и состав взвода. Прежние закончили контракт. Пополнение взяли из вновь прибывших новичков.

С партией контрактников попавших во взвод военной полиции прибыл и Леха. Молодой парень лет двадцати двух — двадцати трех. Здоровый крепкий качек с остриженной наголо головой и корявыми «наколками» на левой груди и плече. Своим внешним видом и телосложением он чем-то напоминал Арнольда Шварцнеггера.

Формально он, как и все, был зачислен в мотострелковую роту наводчиком ПК (пулемета Калашникова). Но во взводе военной полиции данное средство истребления себе подобных было совершенно излишне, поэтому вооружили Леху обычным АК-74 с деревянным, похожим на весло прикладом.

Первых дня два он «фанател» от самой мысли, что попал на войну. Его приводило в восторг все: оружие, техника, форма. Однако, как это обычно бывает, восторги вскоре стали проходить, и более того он почувствовал обиду, как только получил военный билет и увидел свою должность.

— Как же так? — вопрошал он коменданта, — я же наводчик ПК. Мне же пулемет положен! А почему не дают?

— Да на кой ляд он тебе нужен? Таскать лишних пять кило на себе? — отговаривал его усталый капитан, шестой месяц тащивший здесь лямку.

— А как же! А вдруг что?

Комендант махал рукой и уходил. К увещеваниям коменданта присоединялись и другие, более умудренные военным опытом товарищи. Но тщетно.

А Леха продолжал самолюбование собой — вооруженным и очень опасным для врагов. Уж каких только выкрутасов он не выделывал с врученным оружием. То так возьмет, то так наденет. Но все равно, без ПК не то… Не мог Леха смириться с мыслью, что его лишили столь грозного атрибута войны.

И все-таки, через две недели неустанных просьб, комендант сдался и Лехе был вручен долгожданный пулемет (автомат тоже остался числиться за ним). Радости нашего героя не было конца. Он долго и любовно протирал свою долгожданную смертоносную игрушку, тщательно, перебирая каждый патрон, снарядил ленту. А затем, взяв пулемет в руки и обмотавшись лентой, запрыгнул на нары и прокричал:

— Я Конан-варвар двадцатого века!!! Я люблю воевать!!!

Он и вправду был похож на Конана — варвара из известного фильма. Голый по пояс, с великолепно развитой мускулатурой и

грозной машиной войны в руках. Мечта сбылась. Радости его не было конца и края.

Так прошел месяц. Месяц караулов, выездов на сопровождение командиров и ФСБистов и пр… На выездах Леха грозно посматривал по сторонам, водя стволом своего любимца направо и налево. Он словно (А может быть и правда) позировал, видя себя со стороны неустрашимым и грозным воином. Все время, сколько Владимир близко наблюдал Леху, он только и твердил, что ему нравится война, что он будет тут до конца, а если удастся, то посетит еще «горячие точки». Восторг так и прорывался в каждом его слове.

Но война это не только парадная сторона, это еще и грязная изнанка, которую ему еще только предстояло узнать.

Как это часто случалось, взвод погорел на пьянстве. Доступ к вожделенному напитку тут был весьма облегчен. Мимо постоянно шли колонны. Сами солдаты, сопровождая начальников, на БМП взвода могли кое-чем разжиться. И разживались очень даже неплохо. Взвод военной полиции превратился даже в своего рода водочный магазин. Заправлял всей торговлей один из вечных арестантов, что был под следствием за какие-то дела так давно, что никто уж и не помнил, за что он собственно и сидит. Да он уж и не сидел даже, а жил со всеми в палатке и иногда, когда не было людей, его выставляли на пост.

Взвод заменили в полном составе, ночь продержали в яме, которую доселе они добросовестно охраняли, а утром вывели на плац для воспитательного шоу.

Командира полка, подполковник Рыков, молодой, энергичный офицер не стал читать долгих нотаций. Просто со словами: «Ну, я то могу себе позволить, — при этом выразительно щелкнул пальцами по горлу, — а вы-то куда претесь?» стал поливать водкой головы вчерашних «полицейских». Теперь «грешникам» предстояло идти продолжать службу в те подразделения, где они числились по штату.

Следующая с Алексеем встреча произошла месяц спустя. Уже наступила глубокая осень. Непрерывные дожди, вечно липнущая к ногам, готовая приклеить тебя намертво грязь. Вечно затянутое грязными тучами небо. В один из таких сумрачных дней, Вовка по какой то необходимости зашел в медицинскую роту. Внезапно его окликнул солдат с забинтованной ступней, понуро сидевший у палатки и куривший «козью ногу». Подойдя к нему Владимир с трудом смог узнать в этом изможденном человеке Алексея — этого «Конана — варвара XX века». Он исхудал, грязь как загар въелась в него. Замызганный, дырявый бушлат, стоптанный, облепленный глиной сапог на левой ноге. Правая — в

потемневших бинтах. Они присели и закурили.

— Леха, как ты сюда попал? — поинтересовался Вовка.

— Да вот, выстрелил в ногу случайно. Черт его знает, как вышло. Автомат вниз стволом держал, и курок дернул, а он не на предохранители был, — грустно отвечал «Конан».

— Да… Бывает, — посочувствовал он ему. — А теперь что?

Сама по себе эта история была очень правдоподобна. Подобных случаев было очень много. Люди свыкались с оружием и забывались. Часто бывало, что, почистив автомат и пристегнув магазин, руки у многих сами тянулись дослать патрон в патронник и нажать курок. В сущности этого явления, пусть разбираются психиатры и психологи. Из за этого «контрольного» выстрела случалось, погибали посторонние люди, оказавшиеся на пути выпущенной пули. Отвлекаясь немного скажу, что заметил еще одну интересную особенность человеческой психики. Ветхие стены палатки, казались прочными, и внутри создавалось впечатление, что ты в некой безопасности, как будто в доме с крепкими стенами. Направляя тот же ствол в стену палатки, казалось, что пуля дальше нее никуда не полетит. Но, я увлекся.

— В Ханкалу отправят не сегодня-завтра, — сказал Леха. — В госпиталь. Потом домой. Все, навоевался. Хватит. Ну его все к чертовой матери.

Владимир не стал напоминать ему о совсем недавних уверениях, о том, как ему все это нравится. Зачем? Человек сделал свой выбор. Они попрощались и расстались. Больше они не виделись.

Владимир нисколько не осуждал Алексея. Тот увидел изнанку, нормально вполне, что она не пришлась ему по вкусу. Слова о патриотизме и воинском долге смешны в условиях капитализма и наемной армии. Так зачем делать то, что тебе не нравится? Владимиру даже в голову не приходило, что Леха сам причинил себе рану. Зачем? Контракт можно было разорвать и так, без всяких членовредительств. Страховка? Ну не так уж она и велика, да и получить ее тоже не так просто.

Глава 6

В целом время стало пролетать значительно быстрее, чем во взводе. Дни были более насыщены, чем раньше. Смотря на партии улетающих домой и вновьприбывающих, а это происходило два раза в месяц, Владимир с непонятной грустью думал о том, что не за горами и его отбытие. Провожая Виктора и еще земляков, Вовка подумал вслух:

— А может мне еще контракт продлить на шесть месяцев. Пока вроде местечко тепленькое, чем не служить?

— Володя, брось, — отвечал Виктор. — Сегодня тебя подняли, завтра опустят. Брось. Дослужишь и все. Двигай домой как я. Нечего тут ловить. Пока мы нужны, а завтра станем не нужны и пинка нам под зад.

— Ты прав, — грустно согласился Владимир.

Эти мысли так были созвучны его собственным. Он снова, как и прежде видел бесперспективность этого пути. Ну продлит контракт, ну еще полгода тут, а потом? Остаться служить в полку в Мулино и ютиться там по чужим квартирам с небольшим солдатским жалованием лет так десять, не меньше до возможной пенсии. Завидная перспектива. А что будет с квартирой в родном городе? Вдруг старую мать разведут как лохушку, и подпишет ее какой-нибудь конторе, так заботящейся о престарелых гражданах за наследование жилья. Вот тогда вообще будет разбитое корыто. И вообще служить можно только со звездочками на погонах. Эту истину Вовка усвоил на своей шкуре. Без звездочек в армии делать нечего. Так и будешь быдлом. Некстати вспомнил он Лермонтовский роман о Печорине. «И чего этот зажравшийся кретин так издевался над радостью Грушницкого, получившего эполеты. Сам бы потащил солдатчину бы, тогда понял бы, чего так радовался бедный юнкер», — со злостью подумал Вовка. Но ему в отличие от Грушницкого эполеты со звездочками не светили. Нет, пока все, слава Богу, гладко идет. До конца дотянуть, тут немного осталось. И все. Нравится, не нравится, а жить то дома придется, на гражданке. Вот там и надо обустраиваться снова. Хотелось бы конечно Мишке поверить в его мясные планы, да много уж видел таких мечтателей. Прервала Вовкины размышления доставленная почта. Он прямиком направился к крытому грузовику связистов, где ее сортировали. Вовка боялся, что письма адресованные ему попадут в прежний взвод и пока он их получит снова, уже не будет смысла и отвечать.

Он не зря поторопился. Ему действительно пришло два

письма. От матери и… Нади. Придя во взвод Вовка, завалившись на нары, стал их читать. Чтение писем вообще было своего рода священнодействием для многих. Почта ходила плохо. От первого письма до ответа на него проходило не меньше месяца. Иногда зараз получали сразу несколько писем отправленных в разное время. Где уж там они накапливались, никто толком не знал. Может быть, даже просматривались цензурой, хотя есть ли в наше время военные тайны?

Письмо из дома не содержало особо ничего интересного. Все там по-прежнему шло. Интересным только показался визит Ольги к матери. Экс-супруга не могла никак поверить, что Вовка все-таки уехал. Оно и не мудрено. Много мужиков тогда, как выпьют да с женами — любовницами поругаются, так и давай в Чечню ехать. А проспятся, помирятся, и куда настрой боевой делся. Видимо новое Ольгино окружение состояло из таких. А что, бабы народ жалостливый. Навешай им лапшу на уши, они и все, растаяли. Ах, бедный, да там тебя же убьют — покалечат, сиди уж дома, дай я тебя пожалею. Да оно и неплохо так вот слезу пустить, но, черт побери, почему ведутся то именно на ложь. Вот вправду ведь, соберется мужик на самом деле ехать, без дураков, так никто тут его жалеть не собирается. Бреши, мол, бреши, да меру знай. А потом дивятся, куда это он пропал? Более ничего интересного письмо не содержало.

Надина весточка была интересна самим фактом своего существования. Надя оправдывала свое имя — Надежда. Она действительно дарила надежду. Просто приятно было получить ее, вот и все. А так по содержанию: сплошные эмоции. А впрочем, чего еще то можно писать едва знакомому человеку. Но и за то спасибо, решил Вова. Вот так бывает, сведет же судьба. Он тут же отписал Наде ответ. Подумал и добавил туда, что пока письмо дойдет и он следом приедет, так что звони уж лучше тогда домой. Ответа писать не стоит. Вова был искренне рад. Может, наконец, личная жизнь устроится. Одиночество порядком надоело ему. Уже не только женщин, но и друзей у него практически не осталось. Со многими он плавно погасил отношения: люди пустые, что с ними время тратить. Одни рисовки, ни одного настоящего, пусть даже неверного поступка. Другие знакомые, кто добился в жизни хоть самого малого успеха, уже не хотели знаться с ним — закоренелым неудачником. Невезение это как заразная болезнь, лучше уж подальше держаться от зараженного.

Кончив писать, Вовка глянул на подвешенные к потолку палатки наручные часы: 20.00. Пора было вставать на пост. Достав из пирамиды автомат, он сел на табуретку возле пустующей ямы. Все арестанты шлялись по палатке и трепались с

конвоирами. Пост был чистой формальностью. После совещания в яму, за какие-то провинности, было водворено пятеро офицеров во главе с целым майором. Сидеть они должны были отдельно. Но пока шлялись по палатке в надежде остаться в ней на ночлег. «Блин, целое офицерское собрание», — подумалось Вовке. Это уже было не первое «офицерское собрание». Один из «узников», молодой лейтенант — «двухгодичник» сидел уже трое суток. Владимир улыбнулся, вспомнив как этот офицер попал сюда.

В тот день шел холодный осенний дождь. Зайдя на обед в палатку, Вовка обратил внимание, что Василий ходит с сияющим видом.

— Пошли, чего-то покажу, — потянул он Владимира к ямам.

Подведя его к глубокой как колодец одиночной яме, Вася указал пальцем на сидевшего ней молодого человека, ежившегося в бушлате под дождем.

— Вот смотри, — он ткнул пальцем в яму, — это мой ротный — п…с сидит. Я из-за него сюда сел. А теперь его командир полка посадил. Вот пускай и сидит тут. — И обращаясь к лейтенанту — Что, командир, хорошо? Вот так тебе козлу и надо.

— Дай закурить, пожалуйста, — обратился лейтенант к Вовке.

Едва тот попытался протянуть сигарету арестованному, как Василий сграбастал ее огромной рукой.

— Эй, Вова, ничего этому козлине не давай. Пускай так сидит.

Тут надо сделать небольшое разъяснение. Василий и его подельник вскоре после возбуждения уголовного дела были завербованы оперуполномоченным ФСБ, который находился в полку. Больше они в яме не сидели. Жили в палатке, как все. Иногда исчезали по ночам. Пользовались различными привилегиями и в свободное время просто шлялись по полку. Однажды припив Василий рассказал Вовке, что по ночам их посылали под видом торговцев оружием в чеченские дома. Там они предлагали хозяевам купить гранаты или патроны. Потом докладывали о тех, кто согласился на сделку. За их деятельность было обещано смягчение приговора. Так ли все было, как рассказал Василий, Вовка не знал, но жили подельники явно неплохо. Имели доступ к водке. За пьянку их никто не трогал. Жили очень вольготно. А тут такая радость — попал ротный в яму. Василий почему-то считал, что именно по вине своего командира он оказался под следствием. Впрочем, большинство контрактников считали своих ротных виновниками всех своих бед. На вопрос, чего в яму попал? Или чего увольняешься? Следовал привычный ответ: ротный п…с.

На следующий вечер Владимир увидел в палатке удивительную картину. На нарах сидели в обнимку Василий и его ротный. Лейтенант пьяным голосом вещал прямо в ухо своему бывшему подчиненному:

— Да, Вася, ты прав козлы они все.

— И не говори Серега, — отвечал тот.

В ту ночь они легли спать на одну шконку, из-за недостатка места. Теперь они стали друзья — не разлей вода. В яме лейтенант больше не сидел. Жил в палатке со своим новым другом.

Сегодня заклятые друзья опять вели беседу о превратностях военной судьбы и несправедливости начальства. К 22.00. в палатку зашел заместитель командира полка. Он был явно не в духе. Уж чем там насолили ему провинившиеся офицеры, но он лично решил проверить, будут ли они ночевать в яме. Офицеры никак не желали идти в «дом офицеров», роль которого выполнял заброшенный блиндаж. Но избежать негостеприимного дома удалось только майору. Он под всякими благовидными предлогами задерживался, пока зам. командира не ушел. Майор вместе с ротным Василия и остался ночевать в палатке. Не так повезло арестованным солдатам и их охранникам. Подполковник Рыков размял на них кулаки. Многие пострадали в тот вечер от его дурного нрава.

Сам по себе подполковник Рыков был фигурой интересной и противоречивой. Вовка часто наблюдал его в штабе. Это был ровесник нашего героя, но уже сделавший хорошую военную карьеру. Блестящий выпускник военной академии он был достаточно остроумен для военного. Его чисто армейская внешность скрывала недюжинный интеллект. При этом Рыков был жесток и, пожалуй, жесток. Он требовал неукоснительного выполнения своих приказов и не давал ни малейшей поблажки нарушителю. В то же время исполнительный солдат мог рассчитывать на полную его поддержку. Но не отнять у него было и личной трезвой и расчетливой смелости. Как правило, он лично участвовал в операциях проводимых полком. В критических ситуациях отнюдь не терял голову, а спокойно укрывшись в безопасном месте, грамотно руководил боем. Это было не трусостью и самосохранением, просто Рыков понимал, что гибель командира приведет к худшим последствиям. Потому знал то место, где он необходим. Жил зам. командира в отдельном КУНГе. Он готовился занять место командира полка.

Полковник Южков нынешний командир полка, готовился уйти на повышение. Южков был боевой офицер, командовал этим полком еще в первую кампанию. Своим внешним видом он очень

напоминал примелькавшегося на телеэкранах генерала Шаманова. Стараниями командира полк был превращен в настоящую боевую машину. Образчик его руководства однажды наблюдал Вовка. На совещании полковник Южков задал вопрос одному командиру, сколько у того машин на ходу. «Пять», — не задумываясь ответил офицер. «Вот и постройте их через двадцать минут перед штабом, — спокойно сказал командир, — я хочу на них поглядеть». Через двадцать минут у штаба стояло только три машины. Просто и ясно. Никакой показухи не получалось. Примерно такие же способы руководства были и у Рыкова, только более эмоциональны. Уже вскоре, после Володиного попадания в штаб подполковник Рыков стал полноправным хозяином в полку.

Глава 7

Осень вступила в свои права. Беспрерывно лили дожди. Снова такая знакомая липкая грязь. Все с нетерпением ждали зимних вещей. А их никак не давали. Даже теплое белье получили не все. Кто что нашел, тот то и носил. Вовке достался старый бушлатик от одного из уволенных ранее. Обжившийся во взводе полиции Василий обзавелся новеньким комплектом зимней и летней формы. Это произошло при поступлении новой партии контрактников.

В тот день подполковник Рыков придирчиво осматривал пополнение. Первым делом заставил всех поснимать вязаные шапочки и кроссовки и заменить их на уставную одежду. Затем последовал наркологический контроль. Один сильно неустойчивый контрактник был водворен в яму до следующей «вертушки» (вертолета), которая будет только через две недели. Так и не протрезвевший новобранец как куль свалился в яму. Василию с легкостью удалось убедить того выменять новую форму на стакан водки, так ему необходимой для преодоления тягот и невзгод военной службы. Переодетый в лохмотья несостоявшийся «солдат удачи» протрясся от холода оставшиеся две недели и был отправлен в Россию «вертушкой» с очередной партией уволенных.

Интересную карьеру сделал Олег Бредов, Вовкин напарник по бдениям на посту. Он стал при подполковнике Рыкова кем-то навроде денщика. Перед этим он успел побывать связистом в батальоне. Теперь Вовка с ним виделся ежедневно. От него он узнал, что Валера заболел желтухой, вскоре после того как Вовку забрали со взвода. Уезжая, Валерка сказал, что больше обратно не вернется. Наслужился. Обычное дело, те кто больше всех намеревался продержаться на службе, первыми же и оставляли ее. В тоже время Олег, от которого меньше всего ожидалось выносливости и терпения, продолжал тянуть лямку и в мыслях не имел досрочно расторгать контракт. Однако Олег долго не удержался на своем месте. Причиной тому было разглашение им военной тайны. Страшными секретами, разглашенными незадачливым денщиком были некоторые пикантные подробности интимной жизни подполковника Рыков с его любовницей — медсестрой Катей. Ну кто бы мог подумать, что грозный Рыков окажется мазохистом в постели!!!

Но если в сексе Рыков и был мягким и пушистым, то в отношении Олега все было совсем иначе.

— Чтобы сидел до моего возвращения! — приказал он,

водворяя Олега в яму.

Сам Рыков лично возглавил ВМГ и убыл на неопределенное время, еще раз огрев сапогом по голове Мишку, не успевшего закрыть водительский люк.

Прожив с комфортом две недели в палатке полицейского взвода, Олег отдохнул от Рыкова и был отправлен обратно в батальон, где неплохо пристроился писарем. Нет худа без добра. Теперь Олег повсюду ходил с добытой где-то красной папкой, символизировавшей его высокое положение.

Наступившие холода подкинули проблему отопления. Дров не хватало. Каждое подразделение само добывало себе топливо. В моду вошла топка керосином и соляркой. Каких только хитроумных приспособлений для этого не делали. Самой ходовой была капельница. Да, обычная медицинская капельница, с которой в печку капал керосин. Как бы с ней не боролось командование, из-за пожароопасности такого устройства, но соображения быстрого тепла глушили всякую осторожность. Солярку добывали на кухне. Там стояла открытая бочка. За керосином надо было ходить на вертолетную площадку. Обслуживал площадку контрактник Слава.

Слава имел внешность Алеши Карамазова из фильма «Братья Карамазовы». Одевался этот невысокий тридцатилетний мужчина с кротким лицом инока, в черную длинную телогрейку, напоминавшую подрясник, из-под черной вязаной шапочки, напоминавшей скуфейку, выбивались черные засаленные волосы. Дополняла сходство с подвижником редкие усы и бородка. Под стать внешности были кроткие манеры и тихий голос Славы. Но внешность как всегда была обманчива.

Служил Слава в полку на месяц меньше Вовки. Поначалу он был водителем в роте материального обеспечения. Попадал в переделки, когда колонны обстреливали «чехи». Был даже представлен к медали. А потом попал на вертолетную площадку. Именовался он авиадиспетчером. Над ним был только один начальник — авианаводчик. Списанный с летной работы по возрасту капитан. К Славе многие ходили за керосином. Перед его палаткой выстроилась батарея пустых трехлитровых банок. Когда «вертушка» садилась на площадку, Слава начинал доить «корову», так он называл сливание керосина с одноименного вертолета. Слава был весьма гостеприимен. Вовка часто просиживал с ним в палатке в ожидании «дойной коровы». Перед ним развернулась необычайная биография этого человека с монашеской внешностью. А жизнь у того была отнюдь не монашеская.

Давно еще Слава служил в милиции во вневедомственной

охране. И был он старшим лейтенантом. В некотором роде был он «оборотень в погонах». Воровал почем зря с охраняемых объектов все, что там плохо лежало. И был пойман коллегами с поличным. И получил срок — пять лет. Отсидел он их на ментовской зоне в Нижнем Тагиле. Как там ему сиделось, Слава не распространялся. Чем потом занимался, толком не говорил. Да наверное, как и Вовка, всем понемногу. Чем сейчас многие и занимаются. Но был у Славы «Москвич», не новый уже, но и не старый еще. Вот этот «Москвич» и азарт и привели его к нынешнему положению. Попал он на «Москвиче» в аварию. Как в анекдоте прям, въехал в крутую иномарку. Сам виноват был на все сто. «Москвич» полностью разбил, уже не восстановить, а иномарке ущерб причинил на пятьдесят тысяч рубликов. Не ясно, какими уж трудами, но Слава умудрился назанимать эти пятьдесят тысяч и понес их потерпевшим отдавать.

— И вот, Вова, — кротким голосом рассказывал Слава свою эпопею. — Иду я с этими деньгами по городу. И прохожу я значит, мимо казино. Подумал, вот ведь люди выигрывают тут. Дай я тоже сыграю. И долг верну, и сам еще с прибылью останусь. Ну и стал играть. Когда везло, когда нет, в общем, все деньги в том казино и остались. Вот теперь я за машину пятьдесят штук должен, тем, у кого занимал — пятьдесят штук, ну а про свою машину я уж молчу.

— Да, Слава, повезло тебе, — только и осталось сказать Вовке. — В рулетку то еще будешь играть?

— Конечно буду, — как ни в чем не бывало ответил Слава, наливая керосин в железную коробку — цинк из-под патронов.

Топился Слава самым радикальным способом. Наливал в цинк керосин, ставил его в печку и поджигал. Через минуту в палатке была баня. Из трубы раскаленной до красна печки, валил густой черный дым как из трубы паровоза.

— А, вон земляк твой пришел. — Слава кивнул на вошедшего в палатку патрульного по площадке, худого контрактника их лет, в грязном бушлате и стоптанных сапогах.

— Да мы земляки? — радостно сказал Вовка, приветствуя патрульного. — Я же тоже с М-ска.

— Я не с города самого, я с области, с Белогривки, — сказал Андрей, так звали нового знакомого. — Ты тут давно?

— Пять месяцев, скоро все. Домой. А тебе скоро?

— Да тоже мало осталось. Два с небольшим. Но думаю тут еще послужить.

Завязался обычный в таких случаях разговор. Оказалось что Андрей, как и Вовка тут не впервые. Тоже в первой побывал.

— Слушай, а ты в первую где служил? Может мы в одной

части были? Я в Грозном, в Северном был. — Поинтересовался Андрей.

— Не, Андрюх, я в Шалях в основном в NNN-ской бригаде. Год почти.

— Во, прям как я. Я сейчас думаю в комендантскую роту тут перевестись. Они мне отношение сделают. Там «боевые» все дни закрывают.

Вовка, слышавший разговор офицеров от том как «хорошо», еще «лучше» чем в полку закрывают «боевые» в комендатуре, только подивился детской наивности своих однополчан. Недавно с комендатуры приезжали офицеры, те, что приказ о «боевых» на подпись возят в группировку. Так они говорили, что в комендатуре даже офицерам больше десяти дней в месяц не закрывают, а солдатам так вообще — два, три дня, не больше. Но почему-то считается, что там хорошо, где нас нет.

— Андрюх, а вообще, чего ты собрался с деньгами то делать? Машину брать или чего?

— Ну Володь, надоело на чужого дядю спину гнуть. Хочу свое дело начать.

— О, — поразился Вовка, — и какое же, если не секрет?

— Да сам пока не знаю. «Бабки» сначала нужны. А с «бабками» там видно будет.

— Андрей, ну а в первую, ты же тоже заработал. Чего же дело не завел. Куда все подевал-то? Так и не поумнел ты ни хрена. Какой из тебя, да и из меня тоже, бизнесмен. Лохи мы, понимаешь, лохи. Андрей, ни ты, ни я, ни первые и не последние кто до ума ничего не довел.

— Ну Вов, — Андрей упорно не желал сдавать позиции и отказываться от своей пусть бредовой, но мечты. — Тогда, в Северном, нам деньги на руки давали, сам знаешь, все тут же и тратили. А теперь все будет пучком. Брось, Володя, мы еще с тобой дома в ресторане или баре встретимся, посидим.

— Да, встретимся, не сомневайся, — парировал Вова. — Я там буду охранником на дверях стоять и тебя пьяного выводить, когда ты там бутылки собирать будешь. Или наоборот. Вот, в таком именно виде мы с тобой и встретимся только. Вот в это я и могу поверить.

Слава, вполуха слушавший их разговор, выкладывал в это время на лежанку содержимое своих карманов. Обращала на себя внимание стопка визитных карточек с голыми девушками.

— Слав, а это что такое, дай гляну хоть на баб, — спросил Андрей.

— На, гляди, только штаны не испачкай, — Слава протянул карточки. — Это с наших Бр-ских эскорт — услуг визитки. Они

как приезжают, так их и оставляют на память. Вот я и собрал немного.

На лике Славы появилась мечтательная сластолюбивая улыбка.

— Блин, Слава, е мое, — восхитился Вовка. — Ты оказывается не только игрок, ты еще у нас и эротоман, извращенец! Ай, молодец! Ай, мужик настоящий!

— Ну, было немного дело, — скромно потупив глаза в землю, сказал Слава, пряча улыбку в бородке.

— Вот пацаны, — торжественно закончил Вовка, — вот тут и вся наша суть. Вот туда и уйдут наши денежки. А то строим тут планы, как умные ребята. А умные они сюда и не едут. Так что, братва, давайте лучше не планы банковские строить, а о бабах побазарим. Ты Слава, я смотрю, тут преуспел, хоть и выглядишь как монах.

— А ты чем лучше? — медовым голосом произнес Слава. — То-то от тебя и жена ушла. Сам говорил, как ее к извращениям принуждал.

Пошел типичный мужской треп об амурных похождениях, по большей части явно преувеличенных или вымышленных. Наконец прилетела «вертушка» и Слава, подхватив банки, потопал к ней, чавкая стоптанными сапогами по липкой, никак не замерзающей глине.

Постояв минут тридцать на площадке, «вертушка» приняла в свое чрево несколько раненых и больных, а также пару уволенных солдат. С непонятным чувством Вовка провожал, улетающий в Россию вертолет. Он сам не мог понять, стремиться ли он поскорее покинуть эти края. Можно и продлить контракт. Только надо ли? Все кончалось. Полк все больше переходил на мирные рельсы. Уже во многих подразделениях проводились зарядки, различные занятия, строевые смотры, физ. подготовка. Денег в то же время, платили меньше. Да, пока в штабе это все мало волнует. Но дальше, сколько не продляй контракт, все равно полк выведут. Это ясно. Уже ведь выводят войска. Остаться служить в 42 мотострелковой дивизии, которая тут будет, как обещают вечно. Но про нее он был наслышан от переведшихся с большими трудами оттуда контрактников. Там рассказывали, гоняют почем зря. Сплошной УСТАВ. Даже уставной с точки зрения солдат полка, стоящий по соседству артиллерийский полк был счастьем по сравнению с 42-ой. А у артиллеристов говорили тоже гайки закручены о-го-го. По крайней мере, утром и вечером с песней ходят. Их пение в полку слышно. Однажды партия новая прибыла контрактников, да как узнали, что в соседний артполк, так трое прямо тут же обратно в «вертушку» убежали. И улетели. А 42-ая

ведь говорят куда хуже. В комендатурах солдаты были тоже не в восторге от своей службы. Завидовали мотострелкам. Мол посвободнее живут. Вот они и все варианты. Эх, были бы звездочки, тогда бы можно серьезно думать, как дальше служить, а без них так, скотинка серая, кончится жизнь штабная, и будешь на плацу ногу тянуть. Вон и для плаца уже плиты привозить начали. Пытался Вовка и прапорщика получить, пользуясь моментом. Но увы, «звездных личностей» было хоть отбавляй, все укомплектовано, готовых девать некуда, чего новых то еще плодить, а солдат вот контрактников нехватка вечная. Вот солдатом, пожалуйста, в любое место на любую должность.

— Вот, скоро и мы так полетим, — с завистью сказал Андрей.

— Да, к сожалению, — ответил Вовка.

И подхватив две банки с керосином, попрощавшись пошел в палатку. Дойдя туда, он встретил Олега, спину которого украшала рация.

— Здорово был, чего это хвост отрастил? — спросил Вовка, показывая рукой на длинную антенну, качавшуюся над головой Олега.

— Да у комбата сегодня «пейджером». Он на совещание пришел.

«Пейджером» называли солдата, носившего рацию при командире. Он был действительно своего рода пейджером, принимал и передавал сообщения командира.

— Как там, в батальоне то дела? — поинтересовался Вовка. — У вас же комбат теперь новый.

— Ох, Вова, не говори, такого дурака прислали, — горестно вздохнул Олег. — Уставник отмороженный. Вообще в батальоне мрак. Яму там свою выкопал, чуть что не так, туда сажает. У прежнего комбата ни то, что ямы, охраны своей не было. А еще начальник штаба теперь, командир пятой роты. Тоже отморозок под стать ему. Песни утром и вечером поем, строевой ходим. А недавно вот, ВМГ было, блокпост выставили на дороге, ну все как обычно. Так комбат новый с утра заставил пробежки делать. Без оружия налегке бегали по дороге. А комбат еще кто что не так по морде. «Чехи» смотрят и х. еют, думают наверное, если уж русские своих так мордуют, так им вообще п. ц придет. Вот Вова, дела какие творятся. Ох, добить бы контракт и ноги отсюда, из дурдома этого.

— Да, Олег, времена тяжелые настали, — согласился Владимир. — Ну ничего, нам чуть-чуть осталось.

Тут к Вовке подошли двое ребят с комендантского взвода. Просьба стандартна, напечатать им характеристики да покрасивей. Их командир взвода, бывший конвойный прапорщик

особым красноречием не отличался. Они оба завтра должны были улетать. Контракт их окончился.

На следующий день, вертолет что увез «комендачей» к дому, привез одновременно и исполнительный лист на одного из них. Бедолага имел долг в триста тысяч рублей!!!

Глава 8

Календарная осень закончилась, а зима никак не желала наступать. Снега не выпадало. Если на ночь земля замерзала и покрывалась ледком, то днем, под солнцем вновь представляла из себя жидкую грязь. Владимир в очередной раз сменил место жительства. Теперь его перевели в зенитную батарею. Не то чтобы он что-то понимал в зенитках, просто она находилась вблизи штаба, удобно было. Хотя иногда, когда совсем не хватало людей, его ставили в состав расчета зенитки. Туда перевели еще одного парня со строевой части. Взвод военной полиции весь поменяли. Сменились и многие офицеры. Сменился начальник штаба. Новый начальник штаба, уже не молодой подполковник с боевым прошлым, никак не мог ужиться с Рыковым. Часто между ними происходили ссоры. Никто не хотел уступать друг другу. Война амбиций. А гайки закручивались все сильнее и сильнее.

Михаил, Вовкин земляк уже полным ходом готовился к увольнению. Он горел желанием быстрее начать торговлю мясом. Непонятно правда было, как он реально все это представляет. От его делового партнера не было ни слуху, ни духу. Вовка благоразумно решил уволиться после Нового года. Пускай и переслужит маленько, но зато избежит предновогодней неразберихи в полку. Правда, говорили офицеры, что замену ему найти надо. С грамотеями и вправду было напряженно. Желающие были, но А от Б не отличали. Но однажды, Саня, писарь со строевой части извлек в прямом смысле из-под земли Вовкину замену.

Заменой оказался высокий, худой парень по имени Влад. Он был земляк Сани, из роты связи. Последнее время местом его обитания была яма, куда его посадил за какие-то провинности командир роты. А перед тем, он лечился в мед. роте от чесотки. Чесотку ему вроде вылечили, хотя по инерции он продолжал иногда почесываться и до конца не избавился от сыпи. Влад был готов схватиться за любую возможность, чтобы вырваться из-под крылышка любимого командира. Теперь возможность эта подвернулась. Командир роты с радостью избавился от нерадивого бойца и тем же днем Влад уже осваивал штабные премудрости, которые заключались для него в обязанностях истопника, на первое время. Время он даром не терял и тут же стал налаживать связи с нужными, по его мнению, людьми. Вот тут и стало ясно, что не такой уж ротный Влада и п…с был. В яму своего воина он водворил явно за дело. Постоянно тот исчезал куда-то. А потом увлекся еще и собиранием всяких боеприпасов.

Сумка его буквально ломилась от патронов, тротиловых шашек, осветительных и сигнальных ракет и даже патронов для какого-то чудо — оружия, какого ни Вовка, ни Сашка отродясь не видели.

Как и большинство контрактников Влад был человек интересной судьбы. Первый раз он попал в эти края еще в 1999 году. Прослужил около трех месяцев и уволился с выводом полка. А деньги куда дел? А деньги проиграл в казино.

— Понимаешь, Вова, — рассказывал он. — Это так затягивает. Вот, например, я на свидание пришел, осталось еще полчаса до встречи. В кармане у меня сотня. Рядом казино. Я с сотней могу зайти и через полчаса с тысячей выйти. Баба пришла на встречу, а я уже при деньгах.

— Ну а потом? — Спросил Владимир.

— А так вот и потом. Выигрываешь, потом проигрываешь. И так вот пока все не проиграл.

Ох, не все было у Влада в порядке в душе. Виделось по нему, что что-то не так. Закрадывалось предчувствие, что человек этот явно плохо кончит, и сам к этому стремится. Все разговоры его сводились к криминальным темам. Нет, не был он судим и явно не якшался с блатными. Но тянуло его к этому миру. Какие-то странные идеи витали в его голове. В минуту откровенности Влад рассказал, что жена от него ушла. А новый сожитель — «крутой». И разогнал он Влада как щенка. Подробно то он не рассказал, как и что произошло. Но такая обида на него накатывала в это время.

— Я козлов их завалю дома! — Говорил он. — Я не зря тротил набрал. Я взорву козла этого и кодлу его!

— Да брось ты, — пытался Вовка вразумить его. — Еще неизвестно кто там кого завалит. Это раз. А второе, ты не уголовник, тебе скрыться где? Тех братва их иногда прикроет, а тебя кто? Кому ты нужен то?

— Нет, Вова, я их один хрен достану. Ты лучше вот, как следователь бывший скажи, можно ли бабу изнасиловать и чтобы не посадили?

— Ну ты спросил! Если удастся скрыться и тебя она не знает, то можно конечно. Хотя случай может все дело погубить.

— Нет, а вот если знает, например она меня. — Не унимался Влад, — вот смогут доказать, что я изнасиловал ее или нет?

— Ну, тут надо насилие доказать. — Владимир сел на своего любимого конька — юриспруденцию. — Сам факт насилия. Было ли оно вообще, физическое или психическое. Понимаешь? Ну, например, ты запугал ее, хоть и не бил.

— Вова, вот смотри, — глаза Влада загорелись. — Я, например жену бывшую в лес уведу, там то мы один на один. Свяжу ну и…

Влад так красноречиво стал излагать, что может случиться с его неверной супругой и так детально описал лес и все подробности, что у Владимира закралось сомнение, а не было ли этого на самом деле. Какая то маниакальная тяга к садизму и издевательству над женщинами постоянно сквозила у него. Хотя не сказать, чтобы Влад был грозен в реальной повседневной жизни.

— Влад, ну его на хрен. — Однажды посоветовал Вова. — Ты, мне кажется, плохо кончишь. Ты сам себя загоняешь куда-то. Я так вижу, что что-то у тебя неладное было дома. Ну было, да было. А сейчас, вот чего ты патроны да тротил собираешь? Знаешь ведь, как шмонают теперь. Тебе что Галкина мало? Так того хоть не пытали, а тебя по полной программе прокрутят на тапике (полевой телефон ТА-57, применяют для пыток электротоком). Да меня еще заодно, за компанию крутанут, и Сашке достанется. Так ты за свою дурь пострадаешь, а мы за что?

С Галкиным произошла нелепейшая история, но тем более поучительная. Был Галкин разведчиком. Хорошим разведчиком. И вот однажды, началась в полку компания по изъятию лишних боеприпасов. И нашли у Галкина под нарами целую сумку гранат. Казалось бы, забрали бы ее и черт с ней. Ведь не дома же они у него. Он же не крал их, тем более разведчик. Но его решили примерно наказать и возбудили уголовное дело, за незаконное хранение оружия. Нонсенс конечно, и перспектив судебных практически не было, Вовка то это понимал и успокоил Галкина. Но все равно сидел тот в яме и дожидался решения своей участи. Сидел понятно с комфортом. Солдаты, да и офицеры хорошо к нему относились, понимали ведь, что просто ни за что человек сидит, чтобы другим неповадно было. Улетающих тоже шмонали сильно. Командир сказал, что дела за оружие будут заводить не раздумывая.

Но сколько веревочке не виться, а кончик будет. Так и тут. Попался Влад самым жалчайшим образом. Сначала он обнаружил у себя на причинном месте огромную язву. Помимо того заметил, что сыпь его чесоточная как-то никак не проходит. И пошел он снова в медицинскую роту. На его счастье попал на прием к новому врачу, тот раньше на зоне работал и был в первую очередь врач, а не офицер. Вот и увидел он у Влада все признаки сифилиса. С ближайшей «вертушкой» его должны были отправить в Ханкалу (пригород Грозного, где расположена ставка группировки войск) в госпиталь. Заболел столь неприличной болезнью Влад еще дома, перед самой отправкой. А в мед. роте приняли ее за чесотку. Нет слов, чтобы выразить радость его сослуживцев, узнавших о недуге. Ведь ели, спали и мылись все

сообща. А что поделаешь то? Погоревали, повозмущались и понадеялись на русский авось. А все одно, в мед. роте лаборатории не было. А внешних признаков ни на ком не выскочило.

Сам больной активно готовился к лечению. Из предварительно выпотрошенного бронежилета он сделал хитроумную разгрузку со множеством карманов и кармашков. Туда он упаковал весь свой арсенал, который усиленно пополнял, не теряя впустую времени. И вот настал день отлета.

Больной надел свою разгрузку, под бушлат, надеясь, что офицер — авианаводчик, с которым он успел завести знакомство, не станет его обыскивать. А иной угрозы для его замысла не предвиделось. Но все произошло по известной поговорке: «вчера кент, а сегодня мент». Капитану перед этим, накрутил хвоста командир полка за пьянство. И он дабы показать раскаяние, ретиво кинулся исполнять свои обязанности. Первым попал под это Слава, он был острижен. А второй жертвой твердо ставшего на путь исправления офицера пал Влад. Первым делом были пресечены его попытки панибратского обращения. Еще вчера либеральный, как большинство летчиков, авианаводчик позволял обращение к себе со стороны солдат по имени, сегодня требовал не иначе как по званию, с присовокуплением слова «товарищ». А Влад, едва зайдя в палатку, сразу наступил на больной мозоль:

— Привет, Игорек, — поприветствовал он капитана. — Как голова после вчерашнего?

— Я вам товарищ солдат не Игорек, а капитан российской армии, — хмуро ответил авианаводчик. — А теперь давай, снимай все и предъявляй для досмотра.

— Да ладно, ну ты меня же не первый день знаешь, — не унимался Влад, так и не увидавший угрозу. — Я же в госпиталь лечу. Чего раздеваться то, вон «вертушка» уже стоит.

Но капитан был неумолим. Едва Влад снял бушлат, как взору предстали все его заначки. Попытки Влада полюбовно уладить неприятную ситуацию ни к чему не привели. Ставший суровым и строгим поборником буквы закона капитан задержал «контрабандиста». И посажен был несчастный Влад в яму к разведчикам. Тут надо бы заметить, что место это пользовалось особо дурной репутацией.

В разведроте, как впрочем и в ФСБ были свои отдельные ямы. Использовались они по большей части для содержания пленных и солдат, которых требовалось допросить с пристрастием. Нередко по вечерам оттуда раздавались душераздирающие вопли допрашиваемых. Ни для кого в полку не являлось секретом, чем чревато попадание в яму к разведчикам. Прекрасно это понимал и

Влад. Положение его усугубилось еще и тем, что командир полка возбудил на него уголовное дело за хищение боеприпасов. Как и следовало ожидать, обращение с Владом в яме было не столь гуманное, как с Галкиным. Уже вечером его крики оглашали округу.

Вовка побаивался и не без оснований, что может тоже загреметь в яму за компанию. Перспектива допроса с пристрастием не могла радовать. На следующий день в яму загремел Саня. Никакой вины за ним не было, но что-то там Влад видимо про него сказал. Правда, Сашка провел две ночи в условиях почти санаторных, под аккомпанемент воплей Влада. Но сгустившиеся тучи благополучно миновали Вовку. Его даже никто не спрашивал про незадачливого заменщика.

На третий день Сашка вернулся в строевую часть. А Влад пилил дрова разведчикам. У тех вообще был какой-то рабовладельческий строй. Всю черную и тяжелую работу выполняли такие как Влад арестанты, попавшие к ним в яму для следствия. Бедолага в одиночку разделывал бревна, не зная сна и отдыха топил печку. О прежних днях вспоминал как о потерянном рае. Тем временем хитроумный Александр решил перенять опыт разведчиков.

— Вова, — с возмущением говорил он, распиливая бревно, — да что же это такое? Наш боец там на разведку работает, а мы тут ишачить должны!

— Ну, так уж жизнь устроена, — перекладывая на козлах бревно, вздохнул Володя. — А вообще то Саш, мы тут тоже особо не перетруждаемся.

— Нет, надо нашего бойца к нам забрать. Пускай на нас работает. Нечего ему там чужим дядям помогать.

Александр был недоучившимся курсантом военного училища, и как подобает офицеру, смотрел на вещи стратегически. Влада он рассматривал как утраченную несправедливо дармовую силу. И тем же днем стал плести интригу по возвращению незаконно удерживаемой в чужих руках собственности. А топка печей действительно занимала много времени и сил. Владимир был в принципе не против мысли коллеги, единственно он сомневался в успехе предприятия. Но Александр был упорен и предприимчив. Какими путями он нашел подход к сердцу командира разведроты неведомо, но к вечеру он и Владимир уже сбрасывали в мешок консервы — выкуп за раба. Уйдя с полным мешком, Саша вернулся с Владом. Да, сцена привычная в античном мире, но несколько диковатая в конце XX-го века. Тем не менее, теперь у них был свой раб.

— Ух, ребята, спасибо! Выручили. — Радовался Влад. — У

разведчиков так погано было. Ну их на хрен. Ни дня, ни ночи покою не знал. Чуть что, так сразу говорят, мол на тапик захотел снова. Спасибо пацаны, в беде не оставили.

Произнеся свой монолог, Влад бесцеремонно улегся на длинный ящик, стоявший в закутке строевой части и блаженно растянувшись, закрыл глаза. Похоже, он собирался впервые выспаться за все время своих злоключений.

— Эй, ты че? Спать собрался? А дрова кто колоть будет? Печку топить? — Возмутился Сашка. — Ты че сам то говорил? «Ах, мне бы только от разведчиков вырваться, да я тут как пчелка трудиться буду». А теперь что спать собрался? Давай вон печь топи, нам работать надо.

— Сань, да ты что? — удивился Влад. — Я хоть посплю немного. Ну три ночи не спал.

— Ты наверное, Влад еще не понял, куда и зачем попал. — Менторским тоном произнес Саня. — Мы тебя у командира развед. роты выкупили за тушенку и сгущенку, чтобы ты штаб тут топил. А не хочешь, вон иди в разведку обратно. Они теперь сами дрова пилят, тебе обрадуются. У них ты блин, только крутиться успевал, как электровенник. А тут ишь ты, расслабился.

Влад просительно посмотрел на Вовку, надеясь от него найти поддержку. Но Вовке трудности несчастного больного были глубоко безразличны. Сам в конце концов виноват. Предупреждал же его, как дело окончится. Не надо тут было быть пророком. И вообще, в его положении он итак неплохо еще выкрутился. Не арестован, просто под наблюдением командования. Не сегодня — завтра, один хрен в госпиталь улетит. Подлечат, там суд. Ну, условно дадут в худшем случае. Деньги за время службы идут. Все лучше то чем на зоне. А он уж вообще в сказку захотел. Нет, за все в жизни надо платить. Потому не стал Вовка за него заступаться.

— Иди правда, печку топи, — сказал Вова, почувствовавший себя новым рабовладельцем. — Не захотел работать головой, работай руками.

Упавший духом новоиспеченный раб стал понуро разбирать поленицу, сваленную перед палаткой. Вскоре послышался стук топора. Новоиспеченные рабовладельцы засели за бумаги.

Удивительно, но на следующий день Влад принялся за старое. Опять стал собирать арсенал. Помощником избрал себе парня из саперной роты, с которым вместе сидел в яме. Сапер представлял собой вид неисправимого мечтателя. Прослужив около месяца в полку, он решил увольняться, за что и попал в яму. Послушать его, так теперь он дома будет деньги лопатой загребать. Прям тем же днем в киллеры пойдет. Все это

говорилось на полном серьезе. Конечно, большинство смеялось над мечтателем, а командиры предпочли отделаться от него, изолировав в подземелье.

— Опять ты дурью маешься, — пытался Вовка образумить Влада. — Чего ты с этим придурком связался? Он день — два еще тут и все, махнет до дома. Пускай там с ума сходит. А тебе то еще следствие все впереди. Суд, может быть. Мало тебе досталось? Еще хочешь?

— Вов, а чего мне может быть? — Жалобно спросил Влад. — Посадят?

— Думаю нет. Ты же по первой ходке. Тем более участник. Может вообще до суда не дойдешь. Ты хоть теперь поумней. Что сделал, то сделал. Дальше не наворочай.

— Нет, ну его на хрен больше так попадать.

— Чего, не понравилось? — съехидничал Вовка.

— Вова, да ну их. Отморозки какие-то. На тапике меня крутили. Хорошо хоть к яйцам провода не приматывали. Только к пальцам. Все пытали, куда да зачем вез? Хорошо что только один день. На следующий «чеха» привезли. Вот тому досталось, да… Ему и к яйцам привязывали, он орал только: «О! Алла!». Ничего не говорил. Рычал как зверь. Потом ему ногти вырвали пассатижами. Тогда вот заговорил. Знаешь, мне его, хоть и боевик, жалко стало.

— Чего, всей ротой что ли крутили его? — Лениво поинтересовался Вовка.

Это ему было не в диковину. Часто по ночам слышал крики пленных. И в яме у них они сидели, пока в разведку не отдавали.

— Нет, Вов, — ответил Влад. — Не все. Там несколько отморозков есть. Говорят: «Нам все равно кого крутить, хоть «чеха», хоть нашего». А некоторые вообще против категорически. Ни кого не мучают. Твой кстати земляк там есть, вот он из таких. А меня вот мой же зема и крутил.

— Ладно Влад, все прошло. Не горюй. Жизнь такова. Жизнь отнюдь не добра. И добро побеждает зло только в фильмах, а в новостях наоборот. — Пофилософствовал Вовка.

Через неделю Влад, уже под конвоем, отправился в Ханкалу. Приближался Новый год и Новый XXI Век. Кончался и Вовкин контракт. Все стремились встретить Новый год дома. От желающих уволиться и убыть побыстрее отбою не было. Мишка оседлал Вовку с просьбами попасть в ближайшую партию. Сам же Вовка сохранял олимпийское спокойствие. Он встретил здесь 1996 год, и ничего. Почему бы не встретить и 2001? Все получше чем дома. Он представлял, как будет там сидеть за бутылкой в одиночестве или в скучной компании случайных друзей. Зачем?

Уж лучше здесь. С отличными, хотя и не без недостатков, ребятами. И вот за неделю до праздника ушла последняя в этом году партия увольняемых. Вместе с ней отбыл и Михаил. Его сменил другой механник — водитель. Это был мужик сорока лет, побывавший, наверное, во всех горячих точках, начиная с Афганистана. Он последних лет пять служил в полку, так как жил в том же поселке, где полк и стоял. Хорошо знал всех командиров.

Василий, так звали нового механника — водителя, конечно человек был удивительный. Владимир часто говорил с ним, пытаясь выяснить, что его вот так заставляет слоняться. Какие вообще мысли о будущем. Как жить то собирается. Но Василий оказался на редкость наивным человеком. Единственной его мечтой было купить квартиру.

— А что же ты ее раньше не покупал? — спросил Вова, — ты ведь уже сколько заработать должен был за все свои контракты?

— Ну, — неопределенно отвечал Василий, — так вот получается. Ну в этот раз точно куплю.

— Дай то Бог.

Потихоньку, из случайно брошенных фраз, стало ясно, что каждый раз, заработав более менее прилично, Василий сразу попадал в лапы всяких аферистов, желавших поживиться за его счет. То вкладывал деньги в более чем сомнительные «пирамиды», то давал в долг всяким проходимцам. А часто пропивал. Типичная история. Какая уж тут квартира, хоть бы на хлеб хватало бы. Вовке казалось, что и в этот раз планы его сорвутся. Василий явно верил в людей. Он упорно не желал понять, что слово очень часто расходится с делом.

Из земляков остался один Андрей, который изредка навещал Вовку. Он по-прежнему был одержим разными идеями фикс. Отношения с комендатуры, куда он так желал перевестись, так и не пришло. Теперь Андрей был озабочен тем, как после увольнения заключить еще контракт, с какой-то МВДешной частью, где по его словам платили совсем уж бешеные деньги.

Такое поветрие было не у одного Андрея. Многие вновьприбывшие разочаровывались в службе. Черт знает, чего они вообще ожидали. Но почему-то думали, что в других местах будет лучше. А с чего бы там лучше? Некоторые договорились уже до того, что в Таджикистане платят по две тысячи рублей в день. Как ни уверяли их, те кто имел уже счастье там служить, что там в месяц столько едва выходит, никто ветеранам не верил. Хочется ведь верить, что «за морем телушка — полушка». Владимир уже ни во что это не верил. Планов не строил. Все итак было ясно. Жизнь сама отмерила его место. Есть ли смысл гнаться за

мифическим лишним рублем, что толку бегать за кормушкой и щипать крохи. Постоянно думать, не прикроют ли эту кормушку, под названием «боевые». От тебя ведь совершенно ничего не зависит, сколько отсыпят денег столько и получишь и когда отсыпят, тогда и получишь. Вся жизнь в зависимости. А отсыпят тебе ровно столько, чтобы ты с голода не помер. Большего ни президент, ни барин не даст. Им же жить надо, а тебе лишь существовать. А люди верили в пробуждение совести у власть имущих. Вот придет день и проснется она и поделятся. В таких вот мыслях и пребывал Владимир в канун нового века и окончания своей военной службы.

Глава 9

Перед праздниками в полк завезли долгожданную гуманитарную помощь — «гуманитарку», как ее называли. Состояла она в основном из кондитерских наборов, разных там карамелек и шоколадок. Еще завезли большую партию ватных штанов и телогреек. Одежда была явно изготовлена для ношения в местах лишения свободы. Но не для показа мод же ее привезли. Вполне сгодилась в тех условиях. Правда, на всех как обычно не хватило. Первым делом все ценное растащили, как и следовало ожидать, те кто охранял «гуманитарку». Весь комендантский взвод и штаб красовался в вязаных шапочках, также в небольшом количестве присланных с «гуманитаркой». Были и письма от школьников для неизвестного солдата. По большому счету трогательные сочинения. Но самое удивительное и невиданное доселе было шампанское, которое распределили по подразделениям. Это вообще было из ряда вон выходящее событие, приятно обрадовавшее солдат. Правда, долго судили — рядили, правда ли что на каждое подразделение дадут по ящику для солдат или все заберут себе офицеры. Но офицеры торжественно заверяли, что шампанское будет выдано.

Кроме этого, в полк приехали самодеятельные артисты из Дома офицеров делегация из старших офицеров и целый генерал. Генерала хотели поселить с почестями подобающими его высокому званию, но он скромно предпочел избрать местом своей дислокации скромную палатку в медицинской роте. Поступок этот показал генерала не только как человека скромного, но и наделенного определенными рыцарскими качества. Надо заметить, что населяли ту палатку врачи и медсестры медицинской роты, то есть женщины. Да не подумает читатель ничего плохого, просто генералом двигало достойное всяческих похвал желание защитить бедных женщин в столь неспокойном месте. Нет нужды говорить, что обитательницы палатки с радостью приняли такого высокого гостя. Который к тому же еще и весело развлек их, да и не только их, ночью. Но об этом чуть позднее.

А пока на плац подтягивались свободные от службы подразделения под началом своих командиров. Начался праздничный концерт. Произносились поздравительные речи. Играла музыка. Все проходило под открытым небом. Благо погода была совсем не зимняя. Снег так и не выпал. Мороза тоже не было. В целом от души все было сделано. Хоть и маленькая, но радость.

А вечером уже, получили долгожданное шампанское. В полку царила радостная и умиротворенная атмосфера. Пили шампанское и припасенную водку из простых алюминиевых кружек. Закусывали конфетами и консервами. Где были магнитофоны, звучала музыка. Царило простое и искреннее веселье. Пошатываясь, бродили солдаты и офицеры от палатки к палатке. В небо то и дело взмывали осветительные и сигнальные ракеты, трассирующие пули. Кто-то нестройно орал: «Ура!»

Палатку зенитной батареи, где Вовка встречал с ребятами Новый год, почтил своим присутствием замполит полка, старенький уже майор, вместе со своим более удачливым ровесником, полковником из штаба армии. Оба были в том весело-пьяном состоянии, которое заставляет человека вспомнить, что все люди — братья. Поздравив солдат, они угостились водочкой. Попытались повести беседу. Но тут градом обрушились вопросы о начислении «боевых», которые постоянно сокращались. Кто-то стал выпрашивать отпуск. Отделавшись общими обещаниями, политработники поспешили поздравлять следующее подразделение.

Уже в Новом году и веке Вовка отстоял положенное время на посту возле палатки. Он подумал, что видимо уже последний раз стоит на посту и держит в руках автомат. Завтра с него уже спишут оружие. С первой же партией он отправится домой. Контракт уже закончен. Полгода пронеслись. Кто-то из мудрых сказал, что история происходит сначала в трагедии, а потом повторяется в виде фарса. Так произошло и у Владимира. Вторая поездка в эти края прошла для него на редкость легко. Ощущение «дежа вью» не покидало его все эти шесть месяцев. Он не мог забыть те яркие, иногда страшные впечатления первой кампании. Сейчас ничего этого не было. Может просто возраст? Усталость от жизни, ее ударов и неудач? Раньше он с определенным трепетом ждал возвращения. Противоречивые чувства, смутные надежды тогда были в нем. Теперь ничего этого не было. Просто пустота. Ни радости, ни тоски. Многие завидовали ему, ну как же, не пройдет и недели и он будет дома. А что дома то? «Водку пить да баб е…», — как любили говорить о прелестях гражданской жизни. Но он то знал, что снова одиночество, вечная погоня за куском хлеба. Завистливые взоры соседей и вопросы типа, сколько ты там «бабок» заработал. И ведь больше то их ничего не интересовало. А потом, узнав о количестве «бабок» спиной ощущать их завистливые взгляды. Как будто им кто не давал туда же ехать. Или презрительное: «А что ты там, только в штабе сидел». Да хоть и сидел. Езжали бы сами, да сидели бы. А потом деньги кончатся и больше ты ни для кого не интересен. Пожив какое-то время

нормально, ты быстро привыкаешь жить «как люди», а потом снова как быдло. Не слишком веселые мысли крутились в его голове. Хотелось радоваться, но слишком трезвый взгляд на настоящее и будущее мешал просто так веселиться сейчас, находясь один на один со своими мыслями. Как назло стоять Владимиру пришлось возле зенитных установок установленных на машинах, стоявших позади палатки. Место полностью безлюдное. Даже почесать язык не с кем было. Спать совсем не хотелось. Хотя в солдатских палатках голоса уже стали затихать.

А тем временем в палатке мед. роты, где расположился генерал, веселье вступило в кульминационную фазу. Если бы Вовка стоял там, то настроение его значительно бы улучшилось. Тамошний наряд столпился вокруг этой палатки и слушал пение генерала в сопровождении женского хора. Постепенно, по мере опустошения сосудов с горячительными напитками, языки певцов все более и более заплетались, пение становилось все более нестройное. В какой-то момент генерал почувствовал себя совсем как дома и, подойдя к горящей печке, открыл ее створку и запросто помочился туда. Огонь был потушен. Клубы зловонного пара наполнили палатку. Медсестры под смех непочтительных солдат, которые подобно Хаму надсмехавшегося над пьяным Ноем, также надсмехались над генералом, вывалили наружу. Генерал, упав на первую попавшуюся койку, мирно заснул. Впрочем, генерал в целом оказался положительным мужиком и кроме вышеописанного инцидента никаких неприятностей, которые обычно бывают от высокопоставленных гостей, не причинил.

Наступило утро Нового уже года. Никаких особых происшествий в праздничную ночь, как ни странно не произошло. Палатки не горели, ни кого не застрелили случайно. Единственно разве что Слава подрался со своим капитаном. Но вскоре помирились. На память об инциденте у Славы остался ожог на пол лица, это капитан приложил его горящей дымовой шашкой от сигнального огня. Но благо глаз цел остался.

А Владимир начал не спеша начал оформлять документы на увольнение. Саня выписал ему проездные. Ближайшая отправка была только перед Рождеством. Вовка прошлялся неприкаянным эти дни. Замену ему нашли новую. Одного толкового Нижегородского парня, тоже с высшим образованием, который служил снайпером в первом батальоне.

В назначенный день, попрощавшись с друзьями, Вовка сидел в палатке Славы на вертолетной площадке и в компании двух ребят из противотанковой батареи ожидал «вертушки». Разговорились. Парни прослужили по месяцу, и решили все,

хватит.

— А что так? — Поинтересовался Вовка.

Противотанковая батарея вроде была не самым худшим местом в полку. И командир у них был покладистый. Уже старенький капитан из запаса, тоже контрактник.

— Да ну его на хрен. — В один голос заговорили парни. — Платят мало, чего там, «боевые» только по семь дней закрыли. Всякой ерундой маемся тут. Вон в Ч-скую бригаду пойдем, что у нас в городе стоит. Там «боевые» все закрывают и зарплата больше. Не то, что тут.

О Боже, сколько наслушался Владимир таких речей. Опять то же самое. У соседей всегда лучше. Гонятся парни за рублем, да не по той дорожке бегут. Помешался мир на деньгах.

Наконец, уже после обеда, долгожданная «вертушка» пролетающая на Ханкалу, сделала посадку. Лучше было не придумать. Забрав пассажиров, и Вовку в том числе она взмыла в воздух. Вместе с ними летел и скорбный груз — завернутое в блестящую пленку тело погибшего. Жизнь и смерть, скорбь и радость, все присутствовало воедино. В иллюминаторах те же картины. Разбитые дома, колоны техники, окопы и земляные валы.

Ханкала сильно изменилась. Пока пассажиры оформляли посадочный лист на следующую «вертушку» до Моздока, было время оглядеться. В Ханкале появилось много деревянных бараков. Шла большая стройка военного городка. В этом палаточно — барачном городе нетрудно было совсем заблудиться. Люди так и кишели. Улетающие, прилетающие, постоянный состав, приехавшие сопровождать колоны. У авиадиспетчера огромная очередь. Как и следовало ожидать, «вертушек» на всех желающих поскорее вырваться не хватало. Вовка заметил, как тут, на пороге возвращения им одолела такая же, как и всеми истерия: скорее, скорее отсюда. Скорее в жизнь. В новую жизнь. Они метались от «вертушки» к «вертушке» надеясь найти свободную. Им повезло, сжалился экипаж огромной МЧСовской «коровы». Сверх нормы туда посадили человек пятьдесят, совсем за так. Бывают же добрые люди. Благодаря им, Вовка с сотоварищами тем же вечером прибыли в Моздок.

Тут уже добрых людей не оказалось. Прямо у въезда на аэродром скопилась толпа водителей-частников. «Довезем хоть куда», — наперебой предлагали они свои услуги. Они и в самом деле были готовы везти в долг до части, а там расплатишься. Вовка уже слышал о том, что многие нанимают тут такси и едут в часть. Бывало, что нанимали целый автобус. Говорили, что поездом не доберешься. Билетов по требованиям не дают. Но

Вовке и еще десятку присоединившихся по дороге солдат, не хотелось в это верить. Они тронулись пешком до вокзала. Приморозило, и идти было легко. Здесь тоже еще не наступила зима.

Вокзал олицетворял собой цивилизацию. Море огней. Ларьки с разным товаром. Люди в гражданском, легковые машины. Вокруг вокзала снова толпа таксистов. Снова предложения довезти в долг до части. Как сговорились везде. Нет, только поездом, решили уволенные и двинулись к кассам.

У входа сидел милиционер с автоматом. Зал вокзала был пуст. Пропускали по несколько человек. Билетов конечно не дали. Только за наличные. «Ладно, — посовещавшись решили. — Проедем электричкой дальше, там возьмем». Чтобы не скучали в ожидании электрички, милиция устроила им тщательный обыск. Полчаса Вовка и компания стояли рассматривая фотороботы бородатых террористов развешанных на стенде перед входом в отделение милиции, пока перетряхивались их вещи. Террористы с портретов словно надсмехались над своими недавними противниками. «Вот вам, поделом. За что боролись, на то и напоролись», — казалось, говорили они.

Шмон закончился за несколько минут до прихода электрички. Следующая остановка была уже в Прохладном. Там все в точности повторилось. Отсутствие билетов по воинским требованиям, обыск. Те же таксисты, навязчиво предлагающие свои услуги. Правда, тут откуда-то нашлись деньги. Немного, но на выпивку хватило.

«Паленая» водка и коньяк продавались во всех ларьках. Продавцы не делали тайны из своего подпольного бизнеса. Сразу же, завидев солдат в нерешительности стоящих у витрины, предложили свой ходовой товар. Конечно, взяли и тут же распили. О, лучше бы Вовка не пил. Все краски гражданской жизни, о которых он начал было забывать, кинулись в глаза. Словно глядя на яркий свет, снял темные очки. Захотелось окунуться в эту жизнь. Ведь как она прекрасна. Яркие витрины, красивые женщины, вкусная пища, выпивка. Голову можно потерять. Особо когда она нетрезва. Страшно захотелось быстрее в часть, получить деньги и наслаждаться жизнью.

Но до дома еще надо было добраться. Прикинули, что суток так за трое, до Москвы электричками доберутся. В возможность взять билет уже мало верили. Но решили попытать все-таки удачи в Мин. Водах. Но удача и там не улыбнулась.

Тут, правда, их не обыскивали. Но и билетов не дали.

— Ребята, нигде вам билетов по требованиям вашим не дадут. — Пояснял им лениво сидящий с автоматом у входа на

вокзал, милицейский сержант. — Лучше вон, берите частника и езжайте. А тут нечего оставаться.

Ребята пришли в подобие отчаяния. Страшно хотелось быстрее получить деньги и по домам. Все были с разных частей, с разных городов. Объединял только путь до Москвы, дальше в разные стороны. Некоторым вообще в Сибирь. Расценки за дорогу разные. Сибиряки решили все-таки добираться электричками до Москвы. А там видно будет. Немудрено, в общем-то. Реши они ехать на частнике, вообще денег не останется. А прослужили сибиряки по три месяца всего. Погано, рассказывали, служилось. На офицеров злы были. Иначе как шакалами их не звали. Впрочем, подобное прозвище приклеилось не только к сибирским офицерам. Это было общеупотребительное название и не требовало дополнительной расшифровки. Увы, но именно так солдаты между собой называли офицеров.

Снова нашли выпивку. Снова закружилась голова. Частники на машинах опять мельтешили вокруг, предлагая отвезти в долг. Цену, правда, называли куда ниже чем в Моздоке и Прохладном. Владимиру насточертели эти дорожные мытарства. Он лично был согласен ехать на частнике. Все равно ведь денег будет потрачено впустую немерено, как ни крути. Так уж лучше хоть добраться побыстрее и начинать жить гражданской жизнью. Но его спутники упирались и считали, сколько они сэкономят, добираясь перекладными.

— Э, я лучше холодильник куплю на эти деньги, — проговорил один мужичек, на лице которого лежали следы от укусов «зеленого змия».

«Да пропьешь ты их, вместо холодильника», — подумал Вовка про себя, но говорить вслух этого не стал. Не в первый раз он уже замечал такую мелочность и экономность, пока деньги не получены, а потом пойдет: тыща туда, тыща туда, и где те правильные мысли. Свежа была в памяти история одного прапорщика. Тот за какой-то служебной надобностью был послан в Моздок. Выгадал там три дня свободных и что же? Накатил стакан и махнул в часть. Деньги получил и обратно тем же днем на том же таксисте. Все прокатал почти, а на остатки снял в Моздоке проститутку. Восемьсот рублей час, это вам не Россия, нравы построже, вот и цены в три раза больше. Вернулся прапорщик пустой. Три месяца службы за три дня промотал. А что он один такой что ли? Вон их сколько в отпуск не съездят, все порастратят. За себя Вовка тоже совсем не был уверен. Легко пришли деньги, легко и уйдут. А так оно ведь и есть. Деньги то легкие. В мирной жизни кто тебе станет столько платить? Простому наемному работнику? Не бизнесмену ясное дело. За

просто так фактически, что там находишься. Риск? Ну кто не рискует…

Плюнув на все, Вовка пошел договариваться с таксистом. За ним следом пошли и двое однополчан — противотанкистов. Вот уж они на что рассчитывали, непонятно. Едва ли им «боевые» еще начислить успели. Договорились с таксистом, по восемь тысяч с каждого по приезду. И уже по темноте тронулись в путь. Путь предстоял неблизкий. Почти через пол России. Но дорогу сбадривала покупаемая частником водка и еще остановки в придорожных кафе. Это тоже входило в сервис, предоставленный водителем.

По мере удаления от юга, начал появляться снежок. Но зима везде была теплой. Так слегка только снегом землю присыпало. Днем даже жарко было. Ехали какими-то пустынными дорогами, проезжая мимо Богом забытым поселков. Города не проезжали вовсе. Две ночи ночевали тут же в машине. На третий день, после обеда прибыли в Нижегородскую область.

Площадка перед КПП была вся уставлена машинами с осетинскими номерами. Одиноко возвышался и автобус «Икарус». Водитель, который не впервой уже так возил контрактников, сказал, что только к вечеру они получат деньги. Никак не раньше.

Так оно и вышло. В полку, а особенно перед штабом, стояли толпы людей, как в форме, недавно прибывшие, так и в гражданском, уже давно уволенные. В солдатском кафе запросто торговали водкой, не для «срочников» понятно. Оно вообще, кажется, работало круглосуточно. Пока Владимир оформлял необходимые документы, люди все прибывали и прибывали. Касса должна была начать работать с 18 часов. Лихо, если учесть, что последний автобус до станции уходил в 17.00. Кажется, оправдывались рассказанные отпускниками «страшилки» о выдаче денег. Мол, пять тысяч не дашь, в кассу не зайдешь и всего не получишь. И вообще надо держать ухо в остро, а то помогут с полученным расстаться. А помощники, кажется вот и они. Какие-то кучки подозрительных личностей бродят по части и стреляют глазами по сторонам. Какие-то противные манеры типичных «лохотронщиков». Вон, кого-то уже выцепили и что-то втолковывая простодушному мужику, ведут того по направлению к кафе. На лицах радостные улыбки, а в глазах жадность. Такая знакомая и отвратительная порода двуногих хищников. Тех, что чувствуют здесь себя как лисица в курятнике. Для которых нет ничего святого кроме наживы.

Ближе к вечеру в фин. часть стали запускать людей. Таких как Вовка, только что уволенных, в первую очередь. Хвост у кассы, находившейся на втором этаже, выстроился аж до первого.

Не понятно было, кто и за кем стоит. Время от времени, заходили по пять человек, причем по неизвестному принципу. Выходили кто с деньгами, кто с руганью, что мало или ничего не получил. Сама очередь никак не двигалась.

Наконец к Вовке подошел прапорщик, постоянно совершавший челночные рейсы из коридора в кассу и обратно.

— За сколько получать? — спросил прапорщик.

— За полгода, — сразу догадавшись о намерениях прапорщика, ответил Вовка.

Ему стало ясно, что платы не избежать. Только не знал, кто же тот посредник. Вот теперь и он объявился.

— Штуку платишь, за июль, август, сентябрь получишь. За остальные еще не дают. Ну и зарплаты само собой с пайковыми. А пять даешь, все до копейки выдадут. Как?

— Давай, штука с меня, — согласился Вовка.

Остальные деньги он решил получить позднее. На двери кассы висел образец заявления на перечисление денег домой. Вовка переписал его. «Все сохраннее будут. Сразу все не пропью», — решил он.

Прапорщик, взяв с собой Вовку и еще четверых ребят, провел их, минуя очередь в кассу. Там им мгновенно, без особых проволочек отсчитали необходимые суммы, удержав по тысяче. Распихав пачки купюр, довольные ребята вышли в коридор. Все, теперь ноги в руки и дергать отсюда. А то вон уже «братва» присматривает жертв.

Только отъехав на приличное расстояние от части, Вовка почувствовал себя спокойно. Он расплатился с водителем и теперь ехал с ним же до Москвы. Дальше их пути расходились. Хотелось посмотреть столицу. Не то чтобы он ее не видел, просто вот погулять захотелось. Столичных соблазнов изведать.

Было раннее, раннее утро. В первопрестольной стояла теплая погода. Странно, но и сюда зима никак не желала приходить. Снега почти не было и повсюду асфальт украшали лужи. Шлепая по ним он направился к кассам вокзала. Домой он не спешил просто хотел узнать, когда вообще-то поезд. Захотелось побродить по улицам, посмотреть людей. Полюбоваться водоворотом столичной жизни. Часто и подолгу он останавливался у витрин газетных ларьков и рассматривал обложки красочных журналов. Красивая жизнь как лавина навалилась на него. Купив несколько местных газет и журналов Вовка зашел в привокзальное кафе и основательно подкрепился, не забыв конечно и о горячительных напитках. Хмель стал давать в голову. Газета как бы сама раскрылась на предложении известных услуг. В глазах зарябило. Он вспомнил, что вообще-то

сегодня именинник, уже тридцать четыре. Вот черт, треть, а может половина жизни прошла. А как прошла? Сумбурно. Не дома не построил, на дерева не посадил, ни сына ни вырастил. Все не как у всех. «Да что же такое, — грустилось Вовке, — никаких материальных следов прожитых лет. И о ребенке вон, почти не думаю. Даже домой не рвусь». А ладно, надо отпраздновать день рождения. Вовка стал внимательнейшее рассматривать объявления о досуге. Чего тут только не было, это вам не провинция. И «семейная пара», и «мать с дочерью», и «отец с сыном» и «две сестры» и… Все во имя человека, все для блага человека.

«Надо что-то с баней поискать», — решил Вовка, вспомнив, что толком не мылся уже недели три. Но сначала решил переодеться. Особо не выбирая он зашел в небольшой магазинчик одежды, тут же на вокзале. Не мудрствуя лукаво, он приобрел джинсы и рубаху, в соседнем магазинчике сменил кирзовые сапоги на туфли. Теперь кроме довольно нового и чистого бушлата, ничего не говорило о его военном звании. Пройдя еще по ларькам купил для дочери каких-то самоговорящих и самодвижущихся кукол, после чего сложив вещички в сумку, кинул ее в камеру хранения. Все, пора было подумать о приятном. Он вернулся к газете.

Да, отец с сыном, это неслабо. Но кто его знает, а то беда выйдет, решил Вова не искушать судьбу. Мать с дочерью, нет, тут попахивает инцестом, вот, точно две сестры. Вова стал набирать номер телефона. Долгие гудки и молчание. Экзотические услуги упорно не отзывались. Черт, неужто у них все вечером, а сейчас только утро. Нет ответило несколько контор, но как ни пытался Вовка им объяснить где находится, и выяснить как добраться, ничего не получалось. Не мудрено, не местный. Он сам не знал в каком именно районе он и какая тут станция метро и где станции, куда его зовут.

Тут Вовка вспомнил о часто рекламируемой Тверской. Вот куда надо. Только где она? И вообще, тут вечера надо дождаться. Вовка шлялся по каким-то улицам, заходил в разные кафе. Нет, не было уже того запала как раньше, в предвкушении новой жизни. Все повторится и ничего нового уже не будет. Просто надо оттянуться. Когда еще такая возможность будет. Звонить домой он не стал, все одно межгород дома был отключен, а с экс-супругой не было даже переписки. Дочь, по причине малолетства едва ли могла быть собеседником. Да и едва ли она понимала причину отсутствия прародителя.

С наступлением сумерек Владимир приступил к реализации своего похотливого плана. Дело было нехитрым. Поймав такси он

попросил водителя отвезти его туда, куда надо.

Глава 10

Заветным местом оказался какой-то Московский проспект. На краю тротуара стояли одинокие девушки. Когда машина поравнялась с одной из них, Вовка готов был выпрыгнуть из салона через окошко. Но более искушенный в таких делах водитель, сказал, что это не проститутка, а типа их рекламного агента. Она только покажет где их выбирать. Она показала рукой за угол. Там, за поворотом стояла иномарка. Вышедшие ребята ввели в курс дела. Ночь пятьдесят или сто «баксов». Согласен, тогда вперед за машиной. А чего не согласиться то. Поехали за ними. Еще пара поворотов во дворы и там…

У Вовы челюсть отвисла от восторга. Пятачок зажатый многоэтажными домами весь кишел молодыми девушками и парнями. Вот это да!!! Как на рынке в базарный день. Кроме Вовы, там ходило еще несколько «покупателей» и выбирали «товар». К Вовке подошла средних лет женщина и показала на свой «товар» вот по пятьдесят, а вот по сто. Выбирайте. Пока он растерянно хлопал глазами, все таки живые же люди, не манекены, к нему подошел мужчина и спросил по деловому.

— Почем?

— По пятьдесят и сто, говорят. — Ответил Вовка, продолжая таращить глаза.

— А ты за сколько? — продолжил расспросы мужчина.

— За пятьдесят наверное. Разницы не вижу. — Небрежно ответил Вовка. Еще не понимая куда клонит мужик.

— Ну пошли, раз за пятьдесят.

— Так я еще не выбрал никого.

— Блин, так ты клиент сам? — Удивился мужик. — Во дела. Извини, я думал что снимаешься.

— Да ладно, — Вовку пробил смех.

Во дела, за гомика приняли. А мужчина тем временем уже разговаривал с парнями стоявшими в сторонке, которых Вовка принял поначалу за охранников или сутенеров. Там мужик быстро нашел себе пару по приемлемой цене. А несостоявшийся гей положил свой взгляд на молодую темноволосую девушку, стоявшую с подругой.

— Ну что, поедем со мной, — предложил он ей.

Девушка испуганно посмотрела на подругу и обреченно кивнула головой. Тут же появилась и их командирша. Которой Вова стал отсчитывать деньги. Вовке все время было не по себе от пугливого взгляда девушки, которая буквально вцепилась в свою подругу.

— Ладно, смотрю вы тут не разлей — вода, — рассмеялся он. — Гулять так гулять. Пошли вдвоем со мной.

Он отсчитал еще денег «командирше» и сел с девчонками в машину. Теперь путь лежал к вокзалу, где сдавали комнаты старушки.

Не успели проехать, как путь преградил милицейская палка именуемая жезлом. Проверили документы. С Вовкой и водителем проблем не вышло. А вот у девчонок прописки не было.

— Это жены мои, — ни моргнув глазом нашелся Вова.

— А чего две? — как ни в чем не бывало спросил гаишник.

— Да я ислам принял, вот двух жен взял, — веселость от предстоящего не покидала Вову. — Давайте калым за них заплачу. Сколько?

— Триста рублей за каждую, — улыбнулся мент.

Остановивший машину на следующем перекрестке гаишник, сразу обратился к Вовке: «Ну что мусульманин, калым готовь». Пришлось снова платить «калым», те же расценки. Больше правда их не останавливали. Водитель нашел комнату по сходной цене. И вот Вова в компании девушек оказался на месте. Те как замороженные сели на диван.

— Чего, как на похоронах, давайте пока стол накрывайте, — сказал Вовка. — А я пока искупаюсь схожу. Ну не сидите, вон доставайте что есть, — он кивнул на пакет. — Выпейте пока, чтоб не скучать.

Выйдя из ванной он увидел, что бутылки даже не откупорены, а девчонки продолжали с опаской поглядывать на него. Взяв инициативу в свои руки он плеснул по рюмкам и застолье началось. После второй рюмки с Наташа и Катя, так звали спутниц Володи, немного осмелели.

— Слушай, — осторожно спросила Катя, — а ты нас бить не будешь? Ничего такого?

— Блин, — рассмеялся Вовка, — это вы меня скорее побьете. Вас то двое, а я один. Это мне бояться надо. А чего так испугались?

— Да знаешь, — осмелела Наташка, — часто такие козлы попадают. Побить, помучить, бутылкой могут… Катьку вон вчера исщипали всю. Берет один, придешь домой, а там толпа. А ты точно один?

— Да один я, один. Я козел, извращенец, импотент, садист и гомик. Вот, а еще у меня день рождения сегодня и из Чечни вчера вернулся. Так что гуляем девчонки. Вы мои гостьи.

— Наташка, отдыхаем сегодня, — радостно воскликнула Катька, крепко обнимая Володю.

И понеслось. Что было дальше, пусть читатель представит

сам, в меру своей испорченности или целомудрия. Как бы там ни было, но к вечеру следующего дня довольная и счастливая компания расходилась кто куда. Кто на дальнейший промысел. Кто в дорогу до дома.

На вокзале Вовка понял, что начисто забыл камеру хранения и номер кода. Да черт с ними. Решил он. Ничего особо ценного там не было. Не став делать обширные поиски он просто сел в поезд. В голове и душе было пусто. Не хотелось даже встречаться ни с кем из старых знакомых и родных. У всех была своя жизнь. За прошедшие годы все так поменялось. Он заметил, что окружающие так увлеклись добычей денег, что ничего вокруг не замечают. Из душ и умов людей ушло все лишнее, мешающее потреблению. Странно, раньше Бог был официально изгнан из жизни марксизмом, но люди были менее материалистами. Ныне, власть имущие, позвали Бога обратно. Но люди, люди нашли другого бога, «их бог — чрево», как было сказано у апостола Павла. И бог этот весьма ревнив и требователен. Инакомыслия и ересей он не прощает. Владимир с ясностью понимал, что не хочет чтобы чрево было его богом. Но жить то среди адептов этого идола. Он знал, что первый заданный ему вопрос будет: «Сколько ты заработал?», и «Все ли тебе заплатили?» А потом либо зависть, что много, либо недоумение, что мало. Для кого как. А потом опять, хождение по поискам работенки. Да еще смотри в оба. Обманут, глазом не моргнут. Пропашешь за так. И все время неуверенность в завтрашнем дне. Чертова жизнь. И как удается другим ни о чем не думать. Жить вот так, одним днем. Без всяких рассуждений о добре и зле. Добро, то что идет мне на пользу, что помогает набить мое чрево. Зло, то что этому мешает. Как просто и как сложно. Просто, бери от жизни все. Все, что можешь взять. Отбирай это у других, у тех, кто слабее тебя. Неужели вся последующая жизнь будет погоней за материальным. А надо ли это?

Вовка понимал, что деньги полученные за службу ему сильно то и не нужны. Куда дороже те впечатления и воспоминания что он там приобрел. Он понял, что поехал бы и не за деньги. Просто так, посмотреть тот мир. Но попробуй скажи это окружающим. Тебя тут же посчитают сумасшедшим. Не таким как все. Это страшное клеймо: не такой как все. «Да, я не такой как все, — с грустью подумал Владимир. — Не смогу я принять мир голого материализма. Голой наживы. Миру тому нужны люди-роботы. Люди — зомби. Без души, просто живущие условными рефлексами. Показали денежку, погавкаю, убрали — уйду. Другое не интересно». Головоломка усложнялась тем, что теперь он был не один. Росла дочь. Чему учить ее? Легко говорить заученные

фразы о добре и порядочности, честности и чести, как учили его самого родители, в свое время. А вышло что? Все прописные истины не выдержали под напором реальной жизни. Легко объяснить неудачи нарушением заповедей. Мол живешь вот не порядочно, вот и идет у тебя все не так. Так объясняла мир мать Владимира. Может быть, он бы и поверил ей. Но после увиденного и пережитого за последние годы, как удовлетвориться таким объяснением. Сколько раз жизнь показывала совсем обратное. Как все это объяснить ребенку? А вдруг он не прав? Как объяснить дочери двойную мораль мира? Как научить тому, чего сам не умеешь, хотя и знаешь?

Владимир заметил, что чем больше узнавал мир, тем больше понимал, как мало он знает. Как много еще неизведанного. И тут же в памяти всплывали многие знакомые, не покидавшие пределов дома, не учившиеся нигде и не прочитавшие в жизни и пары книг, но уверенные что все для них ясно. Замкнувшись, как в ракушке, в своих сиюминутных потребностях они действительно познали жизнь. Вернее, ту ее сторону, что нужна для поддержания физической жизни. Остальное выбрасывалось, как ненужный хлам, занимающий лишнее место в ракушке. Проще так жить. Проще и удобнее. Не напрягайся, избегай ненужных эмоций. Не смотри по сторонам — это вредно. А главное, не думай, не ищи ответов на вопросы. Верь тем кто сверху, презирай тех кто снизу. А всегда ли правы кто в верху? Такие ли они беспорочные и честные? А так ли плохи те, кто внизу? Может они то и внизу из-за того что просто не сумели отнимать и цепляться в глотку? Немудрено, что святые бежали в пустыню. Прочь от мира, от людей. Эх, был бы один, тоже ушел бы в пустыню. Но нельзя. Нельзя бросить ребенка.

Утром поезд пришел в родной город. Ежась на легком морозце, Вовка стоял на остановке, равнодушно разглядывая полгода невиданные родные места. Ни радости, ни тоски ничего не было. Ни с кем не хотелось встречаться. Ни с кем разговаривать. Незамеченным проскользнув в подъезд он нажал кнопку звонка на двери.

Все повторялось. Радость матери. Ее суета на кухне. Но никакого дела Владимиру до этого не было. Взяв бутылку вина, он лег на диван и стал медленно потягивать его. Последнее время он полюбил именно вино. Оно не сразу заволакивало разум. Можно было не торопясь тянуть его один на один со своими мыслями. Вот так, как сейчас. Лежать и смотреть в потолок. Дозируя помутнение рассудка. Никуда не тянуло. Совсем никуда. Оцепенение. Приятная слабость — дома. Завтра не надо никуда вставать рано утром. Снова непривычная тишина. Чистая постель

и горячая ванна. Ешь когда и что захочешь. Только вот исчезло ощущение единства с БОГОМ и природой. День — два и лавиной хлынут мелочные заботы, заслоняющие собой вечность. Но сегодня ничего не хотелось, только одиночества. О чем говорить с родственникам и друзьями? Он не знал. Багаж его мыслей и переживаний был не нужен здесь. Здесь нужно совсем другое, то чего у него почти не было.

Последующие несколько дней были посвящены необходимым, для восстановления порушенного перед отъездом быта, покупкам. Были и встречи с Ольгой и дочерью. Визит тот был скорее официальным. Просидел с экс-супругой как чужие люди. Так видимо оно и было. Может прикинься он простачком — дурачком то опять бы возобновилась, на какое-то время семейная жизнь, но прикидываться не хотелось. Не хотелось и пускать пыль в глаза пустыми обещаниями. Он знал свое место. Отношения остались сугубо формальными. Он приходил только к дочери. Но тяжело было быть совсем чужим там. А вся вина в том, что не принц.

Глава 11

Прошло два месяца как Володя был дома. Появилась небольшая надежда на изменения в жизни. Нет, явно при новом президенте быть ветераном стало престижнее, ну хотя бы формально. В военкомате разговаривали вежливо, даже почтительно. Его фотографией украсили актовый зал для призывников. Вова решил сделать последнюю попытку, пока позволял возраст, восстановиться в органах. Неужели и теперь отвергнут? Ну сколько старое поминать? Такое решение принял он по простой причине, ничего другого делать то он не умел. А тут хоть заработок стабильный. В юридические конторы его не брали. Сколько лет уж не работал то.

Здание прокуратуры области будоражило ностальгические воспоминания. Казалось, что следователем был не он, а какой-то другой человек. За те десять лет что прошло казалось, что это была другая жизнь. Не его. Он смотрел на снующих в здании людей как на инопланетян. Не верилось, что когда-то давно, таким же молодым и самоуверенным был он сам. Казалось тогда, что мир тебе принадлежит. Все в твоих руках. Какое для него это было время… Нет не сама причастность к власти привлекала Владимира тогда, а возможность работать головой. Мыслить. Узнавать мир. Тогда впервые зародились сомнения в прописных истинах. Сколько раз он убеждался, как хитрые прохиндеи, надевшие маску доброприличия, ловко манипулировали в интригах и всегда были на коне. Тогда же он разочаровался в справедливости и законе, которым был призван служить. Дальнейшее только укрепило в этом. Интересно, вот эти ребята, что ходят мимо него, поднимающегося по лестнице в отдел кадров, знают ли они ту изнанку жизни, что их бывший коллега? Не познав дна и низов, легко ли мерить поступки других? Но в глазах большинства читалось равнодушие. Просто работа, просто ремесло. Карьера и деньги. Остальное — лишний груз, мешающий продвижению. Равнодушному легко быть взяточником и коррупционером. Такие же лица встречались ему и в юридических фирмах, куда он обращался. Лощеные, с переизбытком собственного достоинства и величия, чувствующие себя хозяевами жизни. Не задумывающиеся о том, что есть и другая жизнь. Не говоря уж о жизни вечной. Может таким же равнодушным, думающим только о сиюминутной выгоде и способах выслужиться, стал бы и он, не выкинь его из органов?

В кадрах женщина с тремя звездами на погонах, вежливо и равнодушно поговорила с ним. Что-то записала. Куда-то ушла и

дала уклончивый ответ, что Владимира известят. О нет, самому не стоит беспокоиться. Ему сообщат, как будут вакансии. Да, пока нет. За внешней вежливостью скрывалось равнодушие. Зачем возиться с тем, кто ничего не стоит. Знакомые, кто продолжал работать давали стандартно-уклончивые ответы. Тут Вова понял, что говорят они совсем на разных языках. Как быстро и начисто он забыл язык хитрости и обмана. Тяжело было разговаривать с людьми, которые совсем не понимают тебя, ищут двойное дно в каждом твоем слове. Пытаются понять, где же ты слукавил? Скажи правду и никто тебе не поверит. Скажи ложь и может быть к тебе прислушаются. Только складно солги, в тему, чтобы понравиться.

Поняв, что тут ловить нечего, он направился в Управление внутренних дел, на соседнюю улицу. Может там срастется. Там что-то действительно срослось. Предложили участковым. Вовка ушам своим не поверил, ведь пять лет назад и говорить с ним там не хотели. Забрезжила надежда. Да еще не просто участковым, а в своем районе. Обрадованный Вова кинулся оформлять документы. Процедура предстояла долгая, но он был почти счастлив.

На следующее утро его разбудил звонок в дверь. Открыв, он не поверил глазам своим. На пороге стояла Надя. Вот так встреча. Она радостно бросилась ему на шею.

— Ой, Вова, а я боялась, вдруг думаю, приду, а скажут что убили тебя там! — причитала она.

— Брось Надь, видишь отлично все. А ты что писем не получала?

— Ай, Вова, тут такие дела были. Сейчас тебе расскажу. Меня же чуть не посадили.

Рассказ Нади был по бабьи сбивчив и маловразумителен. Понятно было одно, что вскоре после Вовкиного отъезда она загремела в следственный изолятор, где провела два с лишним месяца. За что и дали ли ей условный срок, было совсем невнятно. Да оно Вовку особо не волновало. Волновало другое. Нездоровое восхищение Нади перед уголовным миром. Владимир перед этим братом душевного трепета и почтения не испытывал. Скорее наоборот, он их терпеть не мог. Такая нездоровая, по его мнению, симпатия Нади его сильно настораживала. Чего знала глупая девчонка о тех людях? Посидела пару месяцев и знает их только по запискам. «Ах, они такие классные! Да они сидят ни за что почти все! Да они веселые, добрые, преданные», — только и повторяла она, когда Владимир заводил разговор на эту тему. Вскоре стало ясно, что Надя вообще любит всех неблагополучных, достойных жалости. Таким в ее глазах был и он в день их встречи.

Но сейчас то время прошло. Депрессия окончилась. Пришло время действовать. Цель была и он шел к ее осуществлению. Таким Наде он уже не нравился. И еще принизило его в ее глазах, то, что он не походил более на самца-гамадрила. Скорее он напоминал сжатую пружину. Все дни он носился то на работу, то оформляясь. Успевал еще и проходить стажировку в райотделе. Время торопило. Надо было успеть в течении этого года. Труд охранника сутки-двое позволял ему успевать всюду. Осталось совсем чуть-чуть — пройти психологические тесты и все.

Надя, прожившая с ним к тому времени целую неделю, всерьез затосковала. Она на полном серьезе вообразила себя «вором в законе». «Если ребята узнают, что я с ментом живу, то они меня уважать перестанут», — такие заявления пошли с ее стороны. И смех и грех. Ну что тут делать? А ничего решил Вовка и продолжал оформление. Но это бы полбеды. Надя настолько близко к сердцу приняла «понятия», что отказывалась делать некоторые сексуальные эксперименты, столь любимые Владимиром. Не зря же экс-супругой он был наделен титулом «извращенец». Обожаемые им виды секса попали в разряд табу, как несоответствующие образу жизни правильного пацана и правильной пацанки.

Уважения к блатному миру это не прибавило. Надина твердость в следовании «понятиям» уважения к ней в его глазах тоже не нашла. Он считал это просто бабьей дурью. Ну почему дочери Евы так падки на всякую глупость? И еще так серьезно к ним относятся и рьяно защищают? Одним словом совместная жизнь не заладилась. Надя все больше и больше хандрила. Настроение ее портилось. Вовка оказался не ее романтический герой. Однажды, сменившись с дежурства, он увидел опустевшую комнату. Она уехала. Видимо искать свою романтику среди блатного мира. Хотя были основания полагать, что и мать Вовки постаралась утвердить Надю в неблагоприятном облике сына. Что поделать, материнская любовь переросшая в материнский эгоизм страшная штука.

Но не только одна Надя питала симпатии к спотыкнувшимся об закон. В отделение, где стажировался Вова, доставили задержанного наркоторговца. Какого же было его удивление, что это оказался сожитель молоденькой курсантши школы МВД. «А что, у нас с ним любовь», — просто объяснила она свой выбор. Учебу она так и продолжила. А наркоделец был отпущен, благодаря упорным ходатайствам духовного владыки, являвшегося дядей его сожительницы.

Стажировка в отделении не отнимала много сил. Владимиру дали наставницу, которая была моложе его на двенадцать лет.

«Вот тебе Лариса стажер, он человек преклонных лет, к тебе приставать не будет», — так прокомментировал начальник отделения, который сам был на два года моложе Владимира, свое решение. Бумажная работа в виде писания протоколов и объяснений была для него знакома и руководство отделения видя его опытность не напрягало понапрасну. Опасность пришла оттуда, откуда он совсем не ожидал.

Наступил последний, решающий этап — психологическое тестирование. В коридоре, перед классом собралась толпа соискателей милицейской службы. Большинство боялось теста с трестами с лишним вопросов. Некоторые уже раз на нем засыпались. Но такой страшный для большинства тест, был семечками для Вовки. Он быстро отстрелялся с ним и стал с немногими счастливчиками ожидать беседы с самим психологом. Вместе с поступающими на службу, стояли и желающие уволиться, комиссоваться. Причина у увольняемых была одна — хотят послать в Чечню. «Я что в милицию шел чтобы убили меня», — так они объясняли свое решение. «А для чего ты вообще погоны надевал? Пьяных трясти? — Жестоко размышлял Владимир. — Раз боялся, не в ментовку шел бы, а на завод. Ан нет, пока вам халява была, вы службу не бросали, а как рисковать пришлось, так все — увольняться. А то не знал, куда шел?» Его всегда бесила такая постановка вопроса, когда некоторые военные и милиционеры отказывались ехать в Чечню. Мол, мы не подготовлены. А кто спрашивается, подготовлен? Срочники что ли? Или мол, туда профессионалов надо посылать. А кто профессионалы? Вот он, Вовка сам, и получается профессионал. А что он толком то умеет? И другие ребята что с ним были, чем профессиональнее? Просто желание было бы, а остальное ума не требует.

Женщина-врач средних лет, чем то напоминавшая Любу, Вовкину забытую любовницу, посадила двух ребят рисовать неземное чудище. Пока парни пририсовывали к змее и жабе многочисленные рога и гипертрофированные половые органы, психолог стала выяснять у Вовки мотивы его вояжей на Кавказ.

— Ну а что тут мне светило? — отвечал он. — Безработица и нищета. Там хоть при деле оказался.

— А почему именно воевать? Это ведь страшно, противоестественно, — допытывалась психолог.

— Ну, мужчины всегда воевали. Это обычная мужская работа, пусть и рискованная. — Постарался объяснить Владимир.

— Участвовали в боях? Убивали ли? Испытывали страх? Что испытывали в бою? — Сыпались вопросы.

— Участвовал. Не знаю, убил ли. Да было очень страшно,

пока не нажмешь курок. Потом, потом страх проходил. Что испытывал? Желание лучше выполнить приказ командира и свою задачу.

— Хорошо, Вам было страшно. А почему Вы поехали снова? Второй раз? — задала психолог странный вопрос.

Вовка немного растерялся. Он попытался объяснить, что находясь в полном ауте от жизни он хотел поправить свои дела. Но женщина явно не понимала его. Смутно Вова чувствовал, что его ответы не пришлись ко двору. От фантазирования на тему инопланетной жизни его освободили. Решения психолог не объявила. «Сообщим в кадры. Там и узнаете. Все нормально», — стандартный ответ. Но все-таки Вова по интонации ее понимал, что что-то не так. Но что?

В недоумении ему пришлось ходить почти месяц. Как назло ушел в отпуск кадровик, что оформлял дела. Без него никто не желал забирать акт медкомиссии. Месяц Вова неспешно стажировался, совмещая охрану общественного порядка на общественных же началах, с охраной частной собственности по месту работы, уже на коммерческой основе.

Как голос из далекого и уже казалось забытого прошлого, явился звонок Саши Агеева. Этот оболтус в своей больной фантазии уже поднялся до звания майора ГРУ.

— Вова, — звучал в трубке его пьяный голос. — Приезжай сюда. Мы же с тобой в Чечне брат, вместе были. Тут мы с Игорем парня встретили на вокзале, тоже с Чечни едет.

В трубке слышались голоса старшего Агеева и незнакомого молодого парня. Видно «срочника» на вокзале нашли и разводят его как лоха на «бабки».

— Какой Чечни, чего ты плетешь, — раздраженно ответил Вовка.

Он мог бы бросить трубку, но просто стало интересно, что там затеял этот придурок? Было жаль и «срочника» попавшего в лапы прохиндеев. Он решил по возможности открыть тому глаза.

— Вов, я сейчас у него спрошу где именно он служил, — продолжал неугомонный «майор». — Какой номер части? Где дислоцирована, солдат? — властным голосом обратился он к парню. — И снова Вовке, — я ему трубку даю.

Этого и ждал Владимир. Услышав голос незнакомца он сразу взял быка за рога.

— Слушай, друг, двигай оттуда. Чего тебе эти пустозвоны наплели? Давай сваливай от них.

— Но, мне майор помочь обещал, — неуверенно произнес паренек.

— Какой там на хер майор, — крикнул в трубку Вова.

Но его наверное уже никто не слышал, трубка отвечала гудками. Это была уже вторая попытка Агеева выйти на Вовку. Первая была предпринята им за год до того. Тогда он вообще разыграл целую интригу и хотел Вовку сделать своим компаньоном, по разводу лохов. Как обычно, громко, видимо чтобы слышали окружающие, Саша поприветствовал Владимира:

— О, здравствуйте прокурор. Свободны сейчас. — И дальше, почти скороговоркой стал вводить его в курс дела.

По его рассказу выходило, что он сейчас у родителей одного парня. Тот под следствием находится. За убийство. Вот вытащить его пообещал. Родители кормят поят его. Вот только пускай Вовка придет еще и грамотно, по юридически, поговорит с ними. А те и денег дадут еще.

— Саша, не городи чушь, — раздраженно отвечал Владимир. — Надо им сына вытаскивать, пускай адвоката берут или взятки дают кому надо. А я тут что?

— Вова, у них деньги есть, я их адвоката отговорил брать, мол все одно не поможет. А так мол мы тут подсуетимся и все такое. Я им сейчас трубку дам. Поговоришь, договоришься там, что и как.

Вовку как обычно разобрало любопытство. Вскоре в трубке послышались отдаленные голоса. И наконец с ним заговорил плачущий женский голос.

— Товарищ прокурор, ну помогите пожалуйста нам. Я понимаю, Вы человек занятый. Вы скажите только, надо мы к Вам подъедем. Капитан вот говорил, что Вы помочь можете.

— Какое еще капитан? Женщина, от меня то Вам что надо? — Поинтересовался «прокурор».

— Ну вот капитан, что с Вами говорил сейчас, говорит Вы поможете. Не надо адвоката брать. Мы Вас отблагодарим. Только помогите сына вытащить. — Не унималась женщина. — Он не виноват совсем. Его оговаривают.

— Слушайте, — Володе стал надоедать этот цирк, на горе наивных, убитых горем родителей преступника, цепляющихся за любую соломку, как утопающий. — Нечего со мной и «капитаном» эти дела решать. Идите к адвокатам. Там все это и говорите. Я никакой не прокурор, как и он не капитан. Чего дут дурака валять?

В трубке послышались отдаленные, приглушенные голоса. Женщина кому-то наверное мужу, говорила: «Он не в духе сейчас. Надо в другой раз поговорить». Потом уверенный голос Агеева младшего: «Я сейчас все улажу». Не желая продолжать комедию Владимир повесил трубку и отключил телефон. Агеев имел обыкновение быть навязчивым и только так можно было от него

избавиться. Удивляла не только его глупая ложь но и наличие желающих обмануться. Ведь люди верят, вот что удивительного.

Впрочем, и мать Владимира тоже не раз попадала впросак из-за своей доверчивости. Два раза она пускала квартирантов, которые не платили ни копейки, кроме обещаний. А она все ждала, что вот-вот. Но вот-вот не происходило. Владимир выдворял жильцов, причем, что удивительно, больше всего сопротивлялась выдворению сама обманутая хозяйка. То ли правда она верила проходимцам, то ли так неохотно признавала свое поражение. Доверчивость была видимо чертой старшего поколения. Ни мать, ни ее подруги ровесницы, так и не могли поверить, что по телевидению могут обмануть. Тащили деньги в разные пирамиды, голосовали Бог весть за кого. А потом еще брались учить жизни молодых. А чему учить-то? Работали всю жизнь, делали богатство страны и бездарно все отдали в лапы неведомо кого. А потом еще продолжают призывать к честному труду на обманщиков. Хорошее наследство потомкам оставили. Получили все от того строя, а отстоять его не пытались даже. А теперь возмущаются: «Ох как жить тяжело! Как раньше хорошо было». Белые в гражданскую войну вон свой строй три года защищали до последнего, а эти трех дней не продержались. Да, хорошо их сталинские селекционеры вырастили. Воистину стадо баранов да овец. Все бы хорошо, да только раньше овец пас хоть и строгий, но пастух, а теперь вместо пастуха волки стадо пасут, для себя. А овцам невдомек. Даже глаза открыть не хотят. Все надеются по старинке, да мол пастух в обиду не даст. Пастух то не даст, а волки для того и пасут, чтобы есть их. Вот тебе и старики, вот и мудрость с жизненным опытом. Часто Владимир думал, что если бы слушал их наставления, особенно материны библейские понятия о жизни, то пожалуй опустился бы намного ниже по этой жизни. И едва ли имел бы хоть тот минимум, что имеет сейчас. Жить с праведниками конечно прекрасно, но только самому лучше им не быть.

Владимир даже сформулировал: «Быть праведником, это удел одиноких. Близким жить с ним, одна беда. По миру пустит и глупостям научит».

Меж тем, стажировка в отделении подошла к концу. Вышел из отпуска кадровик. Надо было заканчивать оформление. Поленившись ехать сам, лейтенант вручив Вовке отношение, отправил его самого. «Спасение утопающих — дело самих утопающих».

Акт психолога дали в заклеенном конверте. Владимира жгло любопытство, предчувствие было плохое, еще тогда на собеседовании. Выход он нашел радикальный. В ларьке купил

точно такой же конверт и пользуясь тем, что акт не опечатан, а в надежде на честность кандидата, просто заклеен в конверт, вскрыл его. Увиденное его шокировало: «Группа риска. Не рекомендован». Так значилось в заключении. Почва стала уходить из-под ног. Но Владимир предпочел не сдаваться. Понадеявшись на чудо или русский авось, он как ни в чем ни бывало отвез заключение кадровику. Невинными глазами смотрел на того, пока вскрывался конверт.

Нет, чуда не случилось. Сходу Владимира не отвергли, людей все-таки не хватало. Дня два его вопрос муссировался с вышестоящими начальниками, но никто ответственности на себя брать за человека с улицы не хотел. Приватно объяснили: «Ну самих нас, если кто из Чечни приехал, то на учет ставят. Кабы что не вышло. Считают, что «крыша съехала». А ты вообще пришел со стороны, еще с такой биографией».

Тяжело было расставаться с надеждой, которая помогала ему заниматься тупой и дешевой работенкой. Помогала смиряться с постоянным обманом со стороны хозяев. Порой их открытого презрения к наемным работникам. «Вот-вот и я расстанусь с этим», — думал он когда было совсем туго. Теперь не расстанешься. Привыкай к новому рабству. Живи от подачки до подачки. Как все, кто вокруг тебя. Не лезь со свиным рылом в калачный ряд. Тяжелее всего было не то, что придется остаток жизни влачить в нищете, а полная невозможность реализовать себя. И одиночество. Все возвращалось на круги своя. Как и тогда, давно, еще перед первой войной, он вновь ощутил собственную никчемность и ненужность. В денежном эквиваленте он стоил не много. А эквивалент этот был решающим для окружающих. Он бы смирился с этим, будь один. Тогда можно было замкнуться в своем мирке. Наплевать на все. Жить этаким юродом, как Баклан тот же. Может это и путь. Не зря же на Руси юроды были. Но эта роскошь была не для него. Была же дочь. Хотелось хоть что-то сделать для нее. Нет, не жить для нее, это тоже форма эгоизма, потом требовать от детей преклонения. Я мол, для тебя жил, давай теперь меня люби. А за что? Если по-другому то не умел? Нет, Владимир хотел стать опорой для дочери в жизни. Чтобы помочь ей избежать собственных ошибок. Не дать сломаться, когда будет невмоготу, если такое случится. Но по этой жизни все эти вопросы решали деньги. А их у Владимира не было.

Глава 12

Прошел год с лишним. В жизни Владимира ничего, кроме мест работы, которые он менял как перчатки, не изменилось. Неспособность пристроиться в мире ловкачей пригибало его к земле. Куда бы он не устраивался, везде одно и тоже: невыплаты, штрафы, неуверенность в завтрашнем дне. Еле-еле сведение концов с концами. Впрочем тут он был не одинок.

Однажды, летним вечером, дежуря в кафе, следя за пьяными, он заметил парня, собиравшего в пакет, пустые бутылки у входа.

— Не дашь закурить? — обратился парень к Владимиру.

— Держи, — протянул он ему сигарету. — Андрюха! Мать твою… — удивленно воскликнул узнав в парне своего сослуживца. Того самого Андрея, с которым впервые встретился на вертолетной площадке. — Вот так встреча!

— Вовка! — теперь сослуживца узнал и Андрей.

Вид у Андрея был не самый лучший. Видимо не пошли ему впрок «боевые». Мишка вон тоже мясом не торгует. Хорошо хоть не спился. А компаньон его по мясоторговле бухает постоянно. Где-то кочегаром зимой пристроился на копейки. Так и живут.

— Вот Андрей и встретились в кафе, как ты мечтал, — не удержался от язвительности Владимир. — Видишь, я сторожу его, ты бутылки собираешь. Потом может наоборот будет.

Разговорились. История банальная, сколько их слушать можно. Приехал Андрей, половину денег в дороге украли сотоварищи. Ну а что осталось пропил потихоньку. Чего в деревне то делать? Все путное давно схвачено уже кем надо. Вот в город подался. А тут что? То разнорабочим, то грузчиком. Где заплатят, где обманут. Сейчас вот пока без работы. Ну, бутылки тоже неплохо собирать, на хлеб и сигареты хватает. Ну, на выпивку, само собой. Где живет? А, у баба одной, нет, не молода, под шестьдесят. Зато за так. Что же служить не стал дальше как хотел? А где? Везде муштра одна. «Боевые» отменили. «Президентские» теперь — шестьсот рублей в сутки. Редко кому один день в месяце закрывают. Большинству вообще ничего за полгода не закрыли. Ему самому за три месяца ни одного не закрыли. Хоть и в боях был. Вон даже в ногу ранили, так и тот день как «боевой» не засчитали. Хотя и справки и все с госпиталя было.

Вот такая история. К утру, сменившись, Вовка еще припил с Андрюхой. На автопилоте добрались до домов. Все как обычно.

Следующий день принес сюрприз. Возвращаясь от дочери, Владимир встретил своего сокурсника, что работал адвокатом.

Тот сильно не спешил. Так потрепались немного. Подивился Вовкиной неустроенности, что мол так? Да неужели? Да вот и неужели. А тут десятилетие выпуска завтра. Подходи, все соберутся. На том и расстались.

А Владимир решил прийти. Он понимал, что ничего уже не связывает с теми людьми, с кем учился. По-разному прошли те десять лет. Но интересно все-таки, а как у них? Может поболтает, ведь есть ему что рассказать. А еще, еще смутная надежда, вдруг кто поможет, подскажет. Неужели он со своим образованием ничем кроме как ларьки охранять заниматься не сможет?

На следующий день возле университетского корпуса толпились выпускники образца 92 года. Многих было не узнать, потолстели, посолиднели, да и облысели многие. Вот из огромного Джипа вывалился такой же огромный, заплывший жиром, Анатолий Петров, федеральный судья в одном сельском районе. Огромный золотой крест на толстенной золотой цепи украшал его грудь. Вот стоит облысевший, выглядящий на все пятьдесят Сергей Новиков, ныне преуспевающий частный нотариус. И многие, многие другие. Работники прокуратуры, старшие офицеры милиции, преуспевающие и не очень адвокаты и нотариусы, бизнесмены разного масштаба, чиновники администрации. На их фоне Вовка выглядел как мальчик-школьник среди учителей. Поздоровавшись и узнав о его нынешнем положении они улыбаясь извинялись и уходили к себе подобным. Те, с кем был Вовка когда-то дружен, ныне не обращали на него внимания. Он оказался в полном одиночестве в толпе, была еще надежда на то, что совместная выпивка раскрепостит, пробьет ту стену отчуждения между ним и ими. Ему хотелось просто пообщаться с тем миром из которого он вылетел, может быть безвозвратно.

Но застолье организованное более удачливыми коллегами на одной из турбаз, не принесло радости Владимиру. Он практически в одиночестве поглощал спиртное. Все только и судачили о том, кто и чего больше достиг. Разговоры крутились о деньгах, клиентах. Завязывались нужные деловые связи. Какая скука. Что это все? Мишура, разве человек интересен как кошелек? Зевота напала на Владимира. Как оказались пусты эти люди. Как мерзко выглядел спор двух коммерсантов, из-за какого-то пустяка. Но никто не хотел уступать друг другу. Как никчемны показались ему их мечты и желания. Неужели они собираются жить вечно? Неужели думают что все вечно на земле? Неужели правда верят в свою избранность? После соприкосновения с вечностью на Кавказе таким глупым и пустым это все казалось. А ведь он хотел в их мир. Нет, Владимир допив рюмку по

английски незаметно удалился. Впрочем его и так никто не замечал. Кому он, ничего не представляющий и не имеющий веса и денег нужен? Единственный сокурсник что по пьянке наедине, распинался Владимиру в уважении к его военному прошлому, тут же исчез, когда появились другие. Словно он стеснялся его общества.

Проснувшись наутро он в паскудном настроении пошел на насточертевшую работу. Похмелье и пережитое накануне угнетало. Душила меркантильность мира. Так хотелось уйти в пустыню, подобно отшельникам. Еще он с сожалением заметил, что нарушилась та гармония с Богом, что была на Кавказе. Нет, не то что он там грешил меньше, просто была Вера, Вера позволявшая не смотреть на все суетное, мирское. Осознавать себя частицей бессмертного мироздания. Смотреть на все, как на приходящее, не жалеть об потерянном материальном благе. Теперь Вера тускнела. В Церкви он не был с момента отъезда в Чечню. Проходя мимо храмов ему хотелось зайти, но вид дорогих автомашин у церковных дверей, ларьков торгующих церковными атрибутами, с жадными старушками сидящими за их кассами, отвращали желание. Возвращали с небес на землю. У него просто выработался какой-то обостренный нюх на фальшь и бездушие. Очень нездоровый и ненужный дар. Тяжело жить с этим даром.

Но жить надо было. Жизнь просто шла и проходила мимо. Он так и не создал семью. Большинство друзей и знакомых ушли в свои миры. Они жили часто несбыточными надеждами. Может так и надо жить. Владимир так жить не сумел. Жизнь борьба. Наш герой не был борцом. Он не смог победить жизнь. Не сумел вырвать себе место под солнцем. Но он не хотел ломаться и гнуться. Это и сделало его лишним человеком в мире. Не сумев пристроиться он так и остался на обочине жизни.

Мне хотелось бы подарить читателям, как принято хепи энд и поставить точку. Но счастливым концом для Владимира явился бы очередной военный конфликт, вновь вырвавший его из затхлости и ненужности. Потому я ставлю многоточие…